

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2023 Том 19 №3

Издаётся с 1992 года

Выходит 4 раза в год

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3

ISSN: 1999-9836 (Print)

ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Мачхелян Гарри Григорьевич — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Черных Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института эконо-

мики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

СЕКРЕТАРЬ

Рязанцев Вадим Игоревич — младший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Бурак Пётр Иосифович — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович — доктор экономических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Россия

Гринберг Руслан Семёнович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодёжи Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна — доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Одегов Юрий Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Рыбаковский Леонид Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Субетто Александр Иванович — доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, почётный президент Ноосферной общественной академии наук, руководитель Философского Совета Русского Космического Общества, вице-президент Петровской академии наук и искусств, Россия

Тощенко Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почётный доктор Института социологии РАН, заведующий Кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко — доктор политических наук, профессор, генеральный директор Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

Хепп Рольф — доктор социологических наук, профессор Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер — доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич — доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия

Гришаев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, доцент, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, Россия

Дахин Андрей Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Нижегородского центра социально-экономической экспертизы, Россия

Золотов Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранения

тального поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменова Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Леонидова Галина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НиФИ Минфина России; доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мацуляк Иван Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Наберушкина Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Симонова Марина Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Самарского государственного экономического университета, профессор кафедры АСГиИИ Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Тюриков Александр Георгиевич — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

Ярашева Азиза Викторовна — доктор экономических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, ведущий аналитик Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица — кандидат экономических и социологических наук, представитель Европейского культурного маршрута «Лонгобардские пути через Европу», член Международного научного комитета «Амелио Тальяферри» (Италия), член редакционного комитета онлайн-журнала по истории и историографии «Storia e Futuro» (Италия), член Европейской сети регионального мониторинга рынка труда (EN RLMM), член Европейского консорциума политических исследований (Великобритания), Болгария

Чоба Юдит — кандидат социологических наук, профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЕГО ЖИЗНИ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	315
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	319
<i>Рыбаковский О.Л.</i> Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы.....	319
<i>Рыбаковский Л.Л.</i> Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России.....	327
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	338
<i>Разумова Т.О., Телешова И.Г.</i> Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы.....	338
<i>Мацуляк И.Д.</i> Труд: кризис и его безопасное преодоление.....	350
<i>Бобков В.Н., Черных Е.А.</i> Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития.....	361
<i>Одинцова Е.В.</i> Наёмные работники организаций: качественно-количественная идентификация на основе проявлений неустойчивой занятости.....	385
<i>Гулюгина А.А.</i> Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов.....	395
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	407
<i>Чередниченко Г.А.</i> Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога).....	407
<i>Курьшова Л.Н., Курмышкина О.Н.</i> Структура бедности регионального социума (на примере Республики Мордовия).....	421
<i>Рязанцев В.И.</i> Качество занятости людей с инвалидностью и её влияние на их качество жизни.....	432
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	444
<i>Маликов Н.С., Маликов И.Ф.</i> Взаимосвязь качества населения и качества его жизни: (часть II).....	444
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	452
<i>Сухина Т.В.</i> Философия хозяйства в актуальном слове.....	452
ПЕРСОНАЛИИ	457
<i>Гамзатова П.Р.</i> Мудрый поэт, патриот и гражданин великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова).....	457
«Если ты кунак» (слова Гамзатова Р.Г., музыка Мачхеляна Г.Г.).....	460

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 18.08.2023.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 683.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru
Сайт журнала: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2023 Vol. 19 No.3

Issued since 1992

on a quarterly basis

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3

ISSN: 1999-9836 (print)

ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Federal State Budget Institution of Science —
RAS INSTITUTE OF ECONOMICS

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksadrovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch — PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Odintsova, Yelena Valer'yevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

SECRETARY

Ryazantsev, Vadim Igorevitch — Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch — Vice-President of RANS, RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch — Doctor of Economics, Corresponding Member of RAS, Director of the RAS Institute of Economics, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch — Doctor of Economics, Professor, Professor of the National Research University – Higher School of Economics, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of RAS, Scientific Manager of the RAS Institute of Economics, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch — Vice-President of RAS, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch — Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the RAS Institute of Economics, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director of the RAS Institute of Economics on Research Work, Russia

Odegov, Yuriy Gennad'yevitch — Doctor of Economics, Professor, Head of the Scientific School «Theory and Technologies of Management» at the Plekhanov Russian University of Economics, Russia

Rybakovsky, Leonid Leonidovitch — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker of the RAS FCTAS Institute of Demographic Research Institute, Russia

Subetto, Aleksandr Ivanovitch — Doctor of Economics, Doctor of Philosophy, PhD in Engineering, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the North-West Institute of the Management of the Russian Academy of the National Economy of the Public Service under President of the Russian Federation; Honoured President of the Noosphere Public Academy of Sciences; Head of

the Philosophy Council of the Russian Space Society; Vice-President of the Petrovskaya Academy of Sciences and Art, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of RAS, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the RAS FCTAS, Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty Russian State Arts University, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Scientific Research Institute of Labour, Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor, Director General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

Hepp, Rolf D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter — Doctor of Sociology, Professor, Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch — Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Institute of Economic Studies, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director on Research Work, Institute of Socioeconomic Problems of Population of the RAS FCTAS; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch — PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population, Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch — PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Institute of Geography at the Far Eastern Branch of the RAS, Russia

Chubarova Tat'yana Vladimirovna — Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department, RAS Institute of Economics, Russia

Dakhin Andrey Vasil'yevitch — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the department of history and theory of state and law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Director of Nizhny Novgorod Center for Socio-Economic Expertise Russia

Grishaev, Sergey Vasil'yevitch — Doctor of Sociology, Associate Professor, Director of the Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the RAS FCTAS Institute for Demographic Studies, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna — PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the RAS Vologda Research, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances, Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Matskulyak, Ivan Dmitriyevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of economic policy and measurement at the State University of Management, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Institute of Economic Research of the RAS Far Eastern Branch, Russia.

Naberushkina, El'mira Kyamalovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Simonova, Marina Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Chair of Personal Management, Samara State University of Economics, Professor of the Department of ASGill Samara State Technical University, Russia

Soboleva, Irina Viktorovna — Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Russia

Tyurikov, Alexander Georgyevitch — Doctor of Sociology, Professor, Head of the of the Chair of Sociology at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Yarasheva, Aziza Viktorovna — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the RANS, Chief Research Worker, Head of the Laboratory of Behavioral Economic Research at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, RAS FCTAS; Leading Analyst at the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Healthcare Department, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch — Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevskiy Nizhny Novgorod State Research University, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith — PhD of Sociology, Professor of Sociology, Department of Socio-logy and Social Policy of University of Debrecen, Hungary

Savova, Ralitsa — PhD of Economics and Sociology, Representative of the European Cultural Route «Longobard ways through Europe»; Member of the International Scientific Committee «Amelio Taljaferry» (Italy); Member of the Editorial Committee of the online journal on the history and historiography «Storia e Futuro» (Italy); Member of the European Net of the Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM); Member of the European Consortium of Political Research (Great Britain), Bulgaria

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«QUALITY OF POPULATION AND QUALITY OF ITS LIFE»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	315
DEMOGRAPHIC RESEARCH	319
<i>Rybakovskii OL</i> Demographic Potential: Essence, Structure and Main Factors.....	319
<i>Rybakovskii LL</i> The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia.....	327
ECONOMIC RESEARCH	338
<i>Razumova TO, Teleshova IG</i> Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives.....	338
<i>Matskulyak ID</i> Labor: the Crisis and Its Safe Overcoming.....	350
<i>Bobkov VN, Chernykh EA</i> The Relationship of the Quality of Employment and the Quality of Work Life: A Review of Research and the Outlines of Their Development.....	361
<i>Odintsova EV</i> Employees of Organizations: Qualitative and Quantitative Identification Based on Manifestations of Precarious Employment.....	385
<i>Gulyugina AA</i> Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges.....	395
SOCIOLOGICAL RESEARCH	407
<i>Cherednichenko GA</i> The Era of the USE and Reforms in Education (the View of a Sociologist).....	407
<i>Kuryshova LN, Kurmyshkina ON</i> The Structure of Poverty in Regional Society (on the Example of the Republic of Mordovia).....	421
<i>Ryazantsev VI</i> The Quality of Employment of People with Disabilities and its Impact on Their Quality of Life.....	432
PHILOSOPHICAL RESEARCH	444
<i>Malikov NS, Malikov IF</i> Life as a Vital Activity: the Relationship between the Quality of the Population and the Quality of Its Life (Part 2).....	444
SCIENTIFIC LIFE	452
<i>Sukhina TS</i> Philosophy of Economy in the Actual Word.....	452
PERSONALITIES	457
<i>Gamzatova PR</i> Wise Poet, Patriot and Citizen of a Great Country (commemorating the 100 th anniversary of Rasul Gamzatov's birth).....	457
"If You are My Truest Friend, My Dear" (Lyrics by R.G. Gamzatov, Music by G.G. Machkhelyan).....	460

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.

The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.

Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing. Subscription index 71187.

Signed for publication 18.08.2023.

Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 683.

Editorial Office Address:

32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.

Telephone: +7 499 125 8445

E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company

164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.

Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143

E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:

Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199

Reader: <https://readera.org/vcugjournal>

EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>

CYBERLENINKA:

<https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN: CAKZND

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)
EDN: CAKZND

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С 2023 года учредителем журнала «Уровень жизни населения регионов России» является Институт экономики РАН. Журнал включён в первую категорию журналов ВАК Минобрнауки (К1), обновлены научные специальности, редакционный Совет и редакционная Коллегия.

Тема третьего номера: «КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЕГО ЖИЗНИ».

В представленном читателю выпуске журнала содержатся методологические и аналитические работы, посвящённые демографическим, экономическим, социологическим и философским аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни и публикации персоналий.

В выпуске продолжена дискуссия по проблемам развития российского образования, начатая в первом выпуске журнала за 2023 год. Представлены две статьи: «Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы» (Разумова Т.О., Телешова И.Г.) и «Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога)» (Г.А. Чередниченко). Публикации размещены в рубриках «Экономические исследования» и «Социологические исследования».

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые демографическому потенциалу, его сущности, структуре и основным факторам, а также миграционной компоненте и её вкладу в демографическое развитие современной России.

В статье «**Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы**» *О.Л. Рыбаковского*, д-ра экон. наук, заведующего лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; главного научного сотрудника Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, исследуется сущность понятия «демографический потенциал», объединяющего потенциалы в различных сферах демографии, выстраивается структура и обозначаются основные воздействующие на него факторы. Автором проанализирована история возникновения термина «демографический потенциал», дан обзор современных научных работ по теме исследования. В работе представлены варианты определения демографического потенциала в зависимости от того, что можно вкладывать в понятие «демографический потенциал»: совокупность ресурсов, возможностей, резервов/возможности и резервы/ресурсы или возможности, или резервы демографических процессов. Также рассматривается воспроизводственный и миграционный потенциал как основные составляющие демографического потенциала. Показано, что ложится в основу их оценки и в чём состоит эффект от их совместной динамики. Определяются их компоненты и основные факторы для каждой из компонент. В статье раскрываются методические особенности оценки демографического потенциала. По результатам исследования сформулированы общие выводы.

Статья «**Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России**» *Л.Л. Рыбаковского*, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, посвящена влиянию сложившегося в досоветский и советский периоды характера миграционных процессов, а также происшедшей их трансформации в результате развала СССР, на современную безвозвратную миграцию населения России. В работе рассматриваются условия, определившие характер миграции населения в постсоветский период, в том числе исследован вклад миграционной компоненты в динамику населения России до 1990 г. Проанализировано соотношение между естественной убылью и миграционным приростом населения в постсоветской России. Показана динамика соотношений между миграционными потоками в старое и новое зарубежья. Так-

же исследуется этническая составляющая миграционных процессов в постсоветской России. Помимо этого, в статье рассматриваются приоритетные направления внутрироссийских миграций в разные периоды, в том числе участие воспроизводственной и миграционной компонент в демографическом развитии восточных районов России. В заключении представлены общие выводы и показана необходимость в специальной программе по ускоренному развитию восточных районов России, особенно Дальнего Востока.

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи о вызовах и перспективах системы высшего образования в России, кризисе труда и его безопасном преодолении, взаимосвязи качества занятости и качества трудовой жизни, качественно-количественной идентификации занятости наёмных работников организаций на основе проявлений неустойчивой занятости, покупательной способности денежных доходов населения.

Статья «**Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы**» *Т.О. Разумовой*, д-ра экон. наук, профессора, заведующей кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *И.Г. Телешовой*, канд. экон. наук, доцента, зам. декана по учебно-методической работе экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, посвящена вопросам совершенствования российской системы высшего профессионального образования на современном этапе её развития. Предметом исследования является взаимодействие системы высшего образования и рынка труда. В теоретической части работы рассматриваются методологические основы взаимодействия системы образования и рынка труда, в том числе важнейшие положения теории человеческого капитала, теории образовательных сигналов, концепции непрерывного образования. В практической части статьи дан анализ направлений реформирования российской системы высшего образования за последние тридцать лет. Особое внимание авторы уделяют анализу подходов к разработке и реализации образовательных программ, предоставляющих обучающемуся возможность получения нескольких квалификаций. В заключении авторами сформулированы принципиальные положения, которые необходимо принимать во внимание для обеспечения эффективной системы взаимодействия рынка труда и системы высшего профессионального образования.

В статье «**Труд: кризис и его безопасное преодоление**», автором которой является *И.Д. Мацкуляк*, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Государственного университета управления, целью является изучение труда, его кризиса, возможности его безопасного преодоления и движения целесообразной деятельности. Также представлены теоретические положения, объясняющие функционирование труда, его компонент, подвергающихся кризису на стадиях их осуществления, выделены две стороны кризиса труда – разрушающая и созидаящая, рассматриваются его основные источники. В ходе исследования проанализирована ситуация с российскими организациями и ключевыми отраслями, в которых проявился кризис труда в 2020–2022 гг. Автором дано новое представление о перемене труда, сопровождающей процесс безопасного преодоления его кризиса, о движении функций работников как остающихся в процессе труда, подвергнувшемуся кризису, так и вытесненных из него. В исследовании показана неоднозначность безопасного преодоления кризиса труда для разных организационных структур, выявлены положительные тенденции, которые сопровождают кризис труда и определены особенные свойства его преодоления.

В статье «**Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития**» *В.Н. Бобкова*, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и *Е.А. Черных*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, представлен обзор российских и зарубежных публикаций, результатов научных исследований, идей и дискуссий, связанный с качеством занятости, качеством трудовой жизни, качеством работы и другими синонимичными понятиями. Авторами проанализированы, систематизированы и классифицированы определения качества занятости, качества трудовой жизни, качества работы и качества трудовой/рабочей среды. Также проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные подходы и методики к измерению качественных и количественных характеристик занятости. Кроме того проведено сравнение разных подходов и методик, определены их ограничения и преимущества, предложены интегральные показатели для измерения качества трудовой жизни. По результатам исследования намечены направления дальнейших исследований категорий «качество занятости» и «качество трудовой жизни», очерчены контуры специфических сфер социально-трудовых отношений, которые характеризует каждая из рассмотренных категорий, и их взаимосвязь.

В статье «**Наёмные работники организаций: качественно-количественная идентификация на основе проявлений неустойчивой занятости**» *Е.В. Одинцовой*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, раскрывается проблематика неустойчивой занятости в аспекте оценивания состояния и динамики её проявлений в формальной экономике – в сегменте занятости по найму. В работе проведена качественно-количественная идентификация групп работников организаций на основе верифицированных индикаторов неустойчивой занятости. Авторами выделены и охарактеризованы три группы работников: устойчиво занятые, переходная группа, неустойчиво занятые. Также представлены и проанализированы полученные результаты количественного оценивания выделенных групп работников на основе проявлений неустойчивой занятости в динамике за период 2008–2021 гг. По результатам исследования обосновывается необходимость комплексных мер по повышению качества занятости в формальном секторе экономики и снижению проявлений неустойчивой занятости.

Статья «**Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов**» *А.А. Гулюгиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, посвящена исследованию покупательной способности денежных доходов населения России как основного индикатора уровня жизни населения в разных социально-экономических условиях периода 2000–2022 гг. Методология исследования опирается на критериальные признаки, применяемые в мониторинговых исследованиях доходов и уровня жизни населения, проводимых в Институте экономики РАН, для оценивания социального расслоения. В работе анализируется уровень и динамика покупательной способности разных видов денежных доходов населения, определяется глубина низкой обеспеченности. Также оценивается общая структура денежных доходов населения, показана её трансформация в условиях роста социальных выплат и социальной помощи. По результатам исследования определены условия для формирования устойчивого позитивного тренда покупательной способности среднедушевых денежных доходов на современном этапе.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» опубликованы статьи, посвящённые эпохе ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога), структуре бедности регионального социума на примере Республики Мордовия, качеству занятости людей с инвалидностью и её влиянию на их качество жизни.

В статье «**Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога)**» *Г.А. Чердниченко*, д-ра социол. наук, главного научного сотрудника, учёного секретаря Центра социологии науки и образования Института социологии ФНИСЦ РАН, целью исследования является выявление того, как сформировавшиеся институциональные структуры среднего и высшего образования совместно с механизмом перехода из средней школы в высшую (ЕГЭ) влияют (и могут исказить) результаты мер госполитики управления высшим образованием (ВО). Предмет исследования – социальные последствия институциональных преобразований в системе школьного и высшего образования (которые произошли в результате реформ последнего десятилетия) в том отношении, как они формируют доступность разных социальных групп к качеству высшего образования. Работа выполнена с привлечением результатов социологических и экономических исследований. Автором оценивается соотношение реальных последствий введения ЕГЭ с поставленными целями и задачами, социальная дифференциация средней и высшей школы, социальное неравенство доступа к очному и заочному обучению ВО. Также представлены социальные характеристики молодёжи академического и комбинированного треков, проанализировано влияние межрегиональных различий на социальные факторы неравенства в образовании. Наряду с этим ЕГЭ рассматривается с позиции инструмента управления в сфере ВО, показано отношение экспертов к результатам государственной политики в системе ВО, раскрывается общественный запрос на инженерные кадры и институциональные возможности. В заключении автором обозначены последствия, к которым ведут затруднения в получении качественного школьного и высшего образования, а также самовоспроизводство интеллектуальной элиты; показана необходимость преодоления ряда элементов тех трансформаций образовательной системы, которые в условиях суверенизации развития страны утратили актуальность.

Статья «**Структура бедности регионального социума (на примере Республики Мордовия)**» *Л.Н. Курьшиной*, канд. социол. наук, директора ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», доцента кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва, *О.Н. Курмышкиной*, старшего научного сотрудника отдела-социопарка «Регионология» ГКУ Респуб-

лики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», посвящена региональной проблеме бедности, её измерению и оценке. Работа выполнена на основе данных масштабного социологического исследования материального положения населения, проведённого в 2021 г. на территории Республики Мордовия. Исходя из результатов опроса респондентов, в статье проанализировано их материальное положение по уровню и динамике. В работе дана характеристика субъективному восприятию людей собственного социально-экономического положения, показаны особенности оценивания своего состояния у семей, перешагнувших порог официальной бедности. На основе комплексного оценивания авторами материального положения населения выявлены масштабы объективной и субъективной бедности на территории республики. В статье на основе авторского подхода определена бедность ситуационная, постоянная, хроническая и застойная. По результатам исследования представлены общие выводы.

Статья «**Качество занятости людей с инвалидностью и её влияние на их качество жизни**» **В.И. Рязанцева**, младшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, направлена на исследование и сравнительный анализ качества занятости и качества жизни работающих инвалидов и работающих без инвалидности. В работе с применением дифференцирующих признаков (материальное положение, шкала богатство/бедность, шкала наличие/отсутствие прав и др.) представлены результаты исследования и сравнительная характеристика качества жизни работающих с инвалидностью и без инвалидности. Наряду с этим исследованы и проанализированы условия труда работающих с инвалидностью и без инвалидности, отдельно у работающих с разной группой инвалидности, опираясь на наиболее важные характеристики (физическая тяжесть работы, нервное напряжение на работе, наличие вредных производственных факторов и др.). Также по этим группам работающих дана сравнительная характеристика удовлетворённости в отношении заработной платы, надёжности работы, режима работы и др. Автором представлено распределение работающих с инвалидностью и без инвалидности, исходя из доходной обеспеченности, и дана сравнительная оценка. В заключении сформулированы общие выводы по результатам исследования.

В рубрике «**ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» опубликована вторая часть результатов исследования, посвящённых взаимосвязи качества населения и качества его жизни.

Статья «**Взаимосвязь качества населения и качества его жизни: (часть II)**», **Н.С. Маликова**, канд. филос. наук., доцента, **И.Ф. Маликова**, студента факультета гуманитарных наук (бакалаврская программа «философия») Высшей школы экономики, рассмотрена взаимосвязь качества населения и качества его жизни в аспекте жизнедеятельности в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей. Авторами сформулировано отвечающее современным подходам определение «потребностей», рассмотрен феномен интереса как снятия диалектического противоречия между внутренним миром человека и внешней для него средой, а также как осознанной потребности. Наряду с этим определена роль «мотивов» в цепочке «потребности – интересы – мотивы – стимулы». Проанализирована проблематика ценностей, которые рассмотрены как один из источников социального развития, представлена авторская позиция относительно целей социальной политики, отвечающей интересам человека. Также показана взаимосвязь практических путей и способов реализации потребностей, интересов и ценностей человека с ценностными ориентациями. В работе дан анализ отношения государства к интересам, ценностям и потребностям граждан в СССР и Российской Федерации.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» опубликована статья «**Философия хозяйства в актуальном слове**» **Т.С. Сухиной**, научного сотрудника экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в которой представлен обзор выступлений на авторской конференции-презентации «*Философия хозяйства в актуальном слове*», посвящённой 35-летию лаборатории философии хозяйства, состоявшейся 22 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате по инициативе научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и Академией философии хозяйства.

В рубрике «**ПЕРСОНАЛИИ**» опубликована статья «**Мудрый поэт, патриот и гражданин великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова)**» канд. искусствоведения **П.Р. Гамзатовой**, дочери поэта, в которой освещается творчество Расула Гамзатова и его значение для мира дагестанской, русской и мировой литературы, а также перевод стихотворения поэта на английский язык и ноты песни, составленные канд. экон. наук **Г.Г. Мачхеляном** на слова поэта.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор **В.Н. Бобков**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 314.1

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326

EDN: CQKRYK

Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы

Олег Леонидович Рыбаковский^{1,2}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (1246185@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8937-3166>)

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

Цель статьи – раскрыть сущность понятия «демографический потенциал», дать ему исчерпывающее определение, выстроить его структуру и обозначить основные факторы, на него воздействующие. Проведя анализ истории появления термина «демографический потенциал» и исследовав современные работы по данной тематике, автор пришёл к следующим умозаключениям. Демографический потенциал – обобщающий термин, включающий ресурсы и/или текущие и перспективные возможности и/или дополнительные резервы развития демографических процессов, протекающих на той или иной территории, а также (в случае с миграцией населения) и за её пределами, – в миграционно связанных с ней регионах. Демографические ресурсы – численность и демографические структуры населения территории. Демографические возможности – уровни интенсивности демографических процессов территории и их демографические последствия, такие как изменения демографических структур. Демографические резервы – это перспективные возможные отклонения уровней интенсивности демографических процессов территории и их предполагаемых демографических последствий от «перспективных инертно» тенденций – под воздействием мер демографической политики, внешних и внутренних факторов. В зависимости от того, что можно вкладывать в понятие «демографический потенциал», демографические ресурсы, демографические возможности или демографические резервы, его можно представить как: одна из трёх составляющих; две из трёх; все три. В последнем случае будет де-факто полный анализ демографической ситуации с прогнозами. Демографический потенциал включает две части – воспроизводственный и миграционный потенциалы, и четыре компоненты. Если демографический потенциал рассматривать как возможности и/или резервы демографических процессов, то эти компоненты – потенциал изменений интенсивности возрастной рождаемости населения, потенциал изменений интенсивности смертности населения в половозрастном разрезе, потенциал изменений интенсивности постоянных прибытий и выбытий в географическом разрезе. В завершении статьи приведены основные факторы всех компонент демографического потенциала.

Ключевые слова: демографический потенциал, демографические ресурсы, возможности и резервы, воспроизводственный потенциал, миграционный потенциал, демографические структуры населения, компоненты и факторы демографического потенциала

Для цитирования: Рыбаковский О.Л. Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 319–326. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326; EDN CQKRYK

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326

EDN: CQKRYK

Demographic Potential: Essence, Structure and Main Factors

Oleg L. Rybakovskii^{1,2}

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(1246185@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8937-3166>)

² Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the article is to reveal the essence of the concept of "demographic potential", to give it an exhaustive definition, to reveal its structure and to identify the main factors affecting it. After analyzing the history of the term "demographic potential" and examining modern works on this topic, the author came to the following conclusions. Demographic potential is a generalizing term that includes resources and/or current and future opportunities and/or additional reserves for the development of demographic processes taking place in a particular territory, as well as (in the case of population migration) and beyond, in the regions associated with migration. Demographic resources are the number and demographic structure of the population of the territory. Demographic opportunities are the levels of intensity of the territory's demographic processes and their demographic consequences, such as changes in demographic structures. Demographic reserves are prospective possible deviations of the intensity levels of demographic processes of the territory and their expected demographic consequences from "promising inert" trends – under the influence of demographic policy measures, external and internal factors. Depending on what can be invested in the concept of "demographic potential", demographic resources, demographic opportunities or demographic reserves, it can be represented as: one of three components; two out of three; all three. In the latter case, there will be a de facto full analysis of the demographic situation with forecasts. The demographic potential includes two parts – reproductive and migration potentials, and four components. If the demographic potential is considered as opportunities and/or reserves of demographic processes, then these components are the potential for changes in the intensity of the age-related birth rate of the population, the potential for changes in the intensity of mortality of the population in the gender and age context, the potential for changes in the intensity of permanent arrivals

and departures in the geographical context. At the end of the article, the main factors of all components of the demographic potential are given.

Keywords: demographic potential, demographic resources, opportunities and reserves, reproductive potential, migration potential, demographic structures of the population, components and factors of demographic potential

For citation: Rybakovskii O.L. Demographic potential: essence, structure and main factors. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):319–326. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326

Введение

Читая научно-практическую литературу по проблемам народонаселения с начала XXI в. по настоящее время, рождается стойкое ощущение того, что многих демографов интересовал и продолжает интересовать вопрос, что такое «демографический потенциал»? Одни исследователи пытаются давать ему определение, связывать со смежными понятиями, другие подбирают показатели для его оценки, третьи, лишь используя этот термин в названиях своих работ, продолжают проводить рутинный демографический анализ. Единообразия во множестве этих работ нет. Каждый учёный пытается дать своё определение, внести какие-либо новые показатели в оценку демографического потенциала. По нашему мнению, адекватного и полного определения данного термина в научно-практической литературе до сих пор не представлено. И **основная цель данной статьи** – попытаться разобраться, какое понятие обозначает современный термин «демографический потенциал», разъяснить сущность этого понятия, дать ему исчерпывающее определение, раскрыть его структуру и обозначить основные факторы, на него воздействующие. **Объект исследования** – термин и понятие «демографический потенциал». **Предмет исследования** – сущность, определение, структура и основные факторы демографического потенциала. **Гипотеза исследования** – раскрыть сущность демографического потенциала, дать этому понятию полное и объективное определение можно через анализ его двух основных структур; первая структура (по функционалу) отражает различные этапы функционирования демографического потенциала; вторая структура – это части и компоненты демографического потенциала, соответствующие элементам демографического баланса.

Основные теоретические и методологические положения: история возникновения термина «демографический потенциал»

Алгоритм возникновения и распространения в современной научно-практической литературе термина «демографический потенциал», методика обоснования его использования в демографии, – имеет ту классическую форму, которую неповторимо описал в своей бессмертной поэме «Мёрт-

вые души» Н.В. Гоголь, т.е. через «учёные рассуждения. Сперва учёный подъезжает в них... робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли?... Цитирует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намёк... бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает на них... ему уже кажется... что это ясно – и рассуждение заключено словами... так вот с какой точки нужно смотреть на предмет! Потом во всеуслышанье с кафедры, и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников»¹.

Воспользуемся и мы этим универсальным алгоритмом. «Цитировать немедленно... древних писателей» не будем. Лишь отметим, что термин «потенция» был впервые введён в научный философский оборот Аристотелем для разделения «деятельного осуществления чего-либо» (акт) и «силы, способной к такому осуществлению» (потенция).

Собственно термин «демографический потенциал» появился гораздо позже. Но ранее, до 1990-х гг., он употреблялся в иных смыслах. Например, термин «потенциальная демография», схожий в оригинале по-французски с «демографическим потенциалом» («*démographiques potentielles*» и «*potentiel démographique*»), был введён в научный оборот уроженцем Российской империи швейцарским демографом Л. Хершем [1] в 1940-х гг. В его работах речь шла о потенциале прожитых и предстоящих лет жизни населения, измеряемого в человеко-годах. Ещё раньше в одном из трудов известного английского статистика и биолога Р.Э. Фишера [2], на которого ссылаются в своих работах отдельные современные исследователи [3, гл.1], была изложена и расширена ошибочно ему приписываемая идея о замещении поколений и их экономической эффективности Чарльза Дарвина [4]. К демографическому потенциалу это, безусловно, относилось, но лишь как описание механизма эволюции поколений людей, нарушение и самосохранительное восстановление половой пропорции в их популяциях. Американский экономист и географ У. Изард [5,

¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. Том 6. Мёртвые души. Том I.

с. 444–445] приводит в 1960-х гг. сведения о том, что американский астрофизик Дж. Стюарт [6; 7] употреблял термин «демографический потенциал» для моделирования миграционных потоков. У него речь шла, собственно говоря, о миграционном потенциале, отождествляемом с физическим гравитационным потенциалом.

Современное звучание демографический потенциал получил, по всей видимости, после развала СССР и возникновения проблемы оценки резервов населения в новом зарубежье для миграционного пополнения России [8]. От миграционного потенциала, первое определение которого появилось в демографических словарях и энциклопедиях в 2003 г.², перешли к демографическому потенциалу.

Есть и другая возможная версия того, как возник и получил современное звучание термин «демографический потенциал». Он мог возникнуть по аналогии с термином «человеческий потенциал», появившимся в ежегодных отчётах Организации Объединённых Наций. Индекс развития человеческого потенциала (ИЧР) был разработан в 1990 г. группой учёных во главе с пакистанским экономистом и финансистом Махбубомуль-Хаком (Mahbubul-Haq) по концепции известного индийского экономиста Нобелевского лауреата Амартии Сена (Amartya Kumar Sen). Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН (ПРООН) с 1990 г., в 2010–2013 г. переработан в Индекс человеческого развития (ИЧР). В ИЧР, во-первых, заменили среднюю продолжительность обучения взрослого населения на пропорцию из средней ожидаемой продолжительности обучения детей школьного возраста и средней продолжительности обучения взрослого населения. А, во-вторых, вместо средней арифметической величины из трёх составляющих³ стали рассчитывать среднюю геометрическую величину. Это, согласно «правилу мажорности средних» известного советского статистика и демографа А.Я. Боярского [9], понижает итоговое значение ИЧР тех стран, у которых хотя бы одна из трёх составляющих заметно отличается от других. В случае с Россией это как раз относительно низкая ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

² Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: Центр соц. прогнозирования, 2003. – 352 с. EDN QOOXKR С. 177

³ Валового национального дохода на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности, ожидаемой продолжительности жизни при рождении и образования (пропорции из средней ожидаемой продолжительности обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения). Источник: Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) // UNDP: [сайт]. URL: <http://hdr.undp.org/> (дата обращения: 13.04.2023).

Так или иначе, но термин «демографический потенциал» родился и пошёл «гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».

Основные теоретические и методологические положения: краткий обзор опубликованных по теме исследования работ

«Последователей и поклонников новооткрытой истины» за три постсоветских десятилетия нашлось немало. Статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций, включающих в название термин «демографический потенциал», за это время написано десятки, а отпочковавшиеся от демографического потенциала сходных терминов, таких как воспроизводственный потенциал, трудовой потенциал и тому подобное, – ещё больше. Термин вышел за рамки российской науки, стал встречаться в белорусской, украинской, польской, французской [10] научно-практической литературе. По истечении более чем 30-ти лет отмечается «наличие в научном обиходе большого количества подходов и формулировок понятия «демографический потенциал»», обусловленных «разными теоретико-методологическими подходами к раскрытию содержания демографических процессов в зависимости от целей исследования» [11, с. 788].

Одни современные исследователи рассматривают демографический потенциал как «демографические аспекты формирования и функционирования человеческого капитала» [12, с. 89]. Другие исследователи отождествляют «демографический потенциал» с трудовым потенциалом или с человеческим потенциалом, что, по нашему мнению, как и по мнению профессора В.В. Фаузера, – не совсем корректно. Демографический потенциал лишь составляет «основу этих потенциалов» [13, с. 70]. У третьих исследователей демографический потенциал означает «совокупную способность населения региона к постоянному возобновлению поколений» [11, с. 790]. У четвёртых исследователей демографический потенциал представляет собой «определённую систему оценки потенциалов его жизнеспособности, брачности, рождаемости, разводимости, формирования половозрастной и семейно-брачной структуры и территориальной подвижности населения (включая маятниковую миграцию)» [14, с. 187].

У пятых исследователей демографический потенциал – «способность региона к воспроизводству... населения определённого качества» [15, с. 179] или «совокупность ресурсных возможностей воспроизводства населения» [16, с. 9]. При этом он является, то важным фактором демографического развития, то с его точки зрения изучают проблемы воспроизводства населения. При

этом его основными компонентами являются «численность населения региона, сложившиеся структуры населения... и особенности его демографического поведения...» [16, с. 6].

Большинство прочих исследователей, не раскрывая сущности и содержания понятия демографический потенциал, как правило, описывают демографическую ситуацию, иногда касаясь демографических прогнозов.

Как измеряют демографический потенциал, – здесь также нет единообразия. Демографический потенциал исходно, в конце XX – начале XXI в., представлялся как численность населения [17]. Для того чтобы продемонстрировать, что это исходно неверный посыл, годный, пожалуй, лишь для грубых геополитических умозаключений, достаточно привести один пример. По данным ООН на сер. 2023 г. численность населения Японии составляла 123 млн человек, а Филиппин 117 млн человек. Но пожилых лиц в возрасте 65 лет и более в Японии 29% от всего населения, а на Филиппинах только 2% от всего населения⁴. То есть детей и взрослого населения до 65 лет в Японии всего 87 млн человек, в то время как на Филиппинах – 115 млн человек. Чей демографический потенциал больше, весомее при таком раскладе? Очевидно, что одной лишь численностью населения демографический потенциал даже предварительно измерять не совсем верно.

В последующие годы раскрытие демографического потенциала сводилось либо к обыденному анализу демографической ситуации и прогнозам, либо к попыткам определить демографический потенциал через набор различных демографических показателей. Оставим без внимания не совсем конкретные и не вполне корректные определения, такие как демографический потенциал «определяется количественными показателями населения и их динамикой» [13, с. 70] или демографический потенциал оценивается «через показатели количества и качества населения» [15, с. 179].

Перейдём к более «приземлённым» определениям. В них встречаются такие, где измерение демографического потенциала сводится к расчёту одного индикатора. Например: «В качестве индикативного показателя демографического потенциала в регионах РФ предложено использовать нетто-коэффициент воспроизводства населения» [18]. Либо, напротив, попадают такие системы измерения демографического потенциала, которые скорее годятся для полного анализа демографической ситуации той или иной территории. Например: «соотношение общего и истин-

ного коэффициентов естественного прироста, результативность естественного воспроизводства, расчётный суммарный коэффициент рождаемости..., а также многовариантный прогноз...» [16, с. 7–8]. По нашему мнению, ни первый, ни второй путь определения демографического потенциала не годится. Выбранные для этих путей показатели отражают лишь определённые демографические явления, их текущую динамику, прогнозы. И отношение к непосредственной оценке демографического потенциала той или иной территории имеют только потому, что касаются тех демографических процессов, потенциал которых необходимо оценить.

Результаты исследования: определение демографического потенциала

Исходить надо, по нашему убеждению, из того, что сам по себе термин «демографический потенциал» никаких конкретных явлений и процессов не обозначает. Он инструментальный, искусственно введённый в научный оборот, синтетический термин. Вследствие чего в понятие демографический потенциал можно вкладывать практически всю демографию, т.е. и демографическую ситуацию, и текущие или перспективные демографические тенденции, и т.п. Демографический потенциал может объединять все либо отдельные возможности народонаселения той или иной территории по его развитию. Это понятие обобщающее, объединяющее потенциалы в различных сферах демографии.

Демографический потенциал условно можно разделить на три составляющих по функционалу: демографические ресурсы (средства, запасы) и/или демографические возможности (дословно от лат. *potentia* – силы, мощности) и/или (дополнительные) демографические резервы.

Демографические ресурсы – это то, что есть на момент времени, т.е. численность и демографические структуры населения той или иной территории, а также (в случае с миграцией населения) и за её пределами, – в миграционно связанных с ней территориях. Демографические структуры населения – это его структуры в разрезах (помимо полового и возрастного): по типу местности⁵, брачном, географическом, генезисном⁶, образовательном, этническом, религиозном, конфессиональном и других. В достаточном числе отечественных и зарубежных научно-практических ра-

⁵ Город/село, или более конкретно: от первых мегаполисов до малых городов, сёл и вплоть до малых сельских поселений, как это делается в отдельных социологических исследованиях.

⁶ Генетическая или генезисная структура населения – по месту рождения, происхождения, месту исхода и т.п. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. 352 с. С. 58.

⁴ World Population Prospects (2022 Revision) / United Nations population estimates and projections. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/> (дата обращения: 15.04.2023).

бот обоснована дифференциация интенсивности демографических процессов населения в таких разрезах. Необходимо также отметить, что демографические ресурсы являются исходным условием и одновременно одним из основных результатов изменения (динамики) демографического потенциала.

Воспроизводственные ресурсы – численность и демографические структуры постоянного населения рассматриваемой территории. Миграционные ресурсы – для рассматриваемой территории – численность и демографические структуры постоянного населения рассматриваемой территории и территорий – её тесных миграционных партнёров. Если исследуется страна, то рассматриваются наиболее тесно связанные с ней миграционным путём другие государства либо группы государств. Если рассматривается регион внутри страны, то исследуются как другие регионы страны, с ним тесно взаимосвязанные миграционным путём, так и зарубежные государства либо их части, также тесно связанные с изучаемым регионом.

Демографические возможности, текущие и/или «перспективные инертно» (то есть при условии продолжения текущих тенденций), – это рассчитываемые за период уровни интенсивности демографических процессов территории и их ожидаемые, предполагаемые демографические последствия, такие как изменения демографических структур.

Демографические резервы – это перспективные возможные отклонения уровней интенсивности демографических процессов территории и их предполагаемых демографических последствий от «перспективных инертно» тенденций – под воздействием мер демографической политики, внешних и внутренних социально-экономических, политических и прочих факторов.

Если считать, что потенциал – это совокупность и ресурсов, и возможностей, и резервов, то: демографический потенциал – это обобщающий термин, включающий имеющиеся демографические ресурсы, текущие и перспективные возможности, а также дополнительные резервы развития демографических процессов, протекающих на той или иной территории, а (в случае с миграцией населения) и за её пределами – в миграционно связанных с ней территориях. В таком случае оценка демографического потенциала сводится к полному анализу демографической ситуации, выявлению предшествующих, текущих и перспективных тенденций демографических процессов. Прогнозы при этом могут опираться не только на передвижки возрастов и экстраполяции показателей интенсивности, но и на социологические опросы,

экспертные оценки о ближайших перспективах уровней демографических явлений и процессов. Всё это сопровождается анализом основных факторов демографических процессов и общего фона демографического развития.

Если считать, что потенциал – это лишь возможности и резервы, то демографический потенциал – это текущие и перспективные возможности, а также резервы демографических процессов... И, наконец, можно считать, что демографический потенциал – это лишь ресурсы или возможности, или резервы демографических процессов...

Возможности и/или резервы в большей степени годятся для оценки воспроизводственного потенциала. Для оценки миграционного потенциала, как правило, бывает достаточно ресурсов и текущих возможностей. Например, исследователей иммиграционного потенциала, прежде всего, интересует, сколько осталось ресурсов за рубежом, какова «среда происхождения» потенциала. А уже непосредственно во время оценки необходимы также предшествующие и текущие данные о возможностях, чтобы более объективно охарактеризовать сложившуюся ситуацию и оценить потенциал.

Результаты исследования: структура демографического потенциала

Демографический потенциал включает две основных части – воспроизводственный потенциал и миграционный потенциал. Оба этих потенциала во времени создают мультипликативный эффект, т.е. эффект от их совместной динамики. Например, рост интенсивности рождаемости и смертности населения в регионе за счёт иммигрантов (или постоянных прибытий) из территорий, где интенсивность рождаемости и смертности населения существенно выше, чем в регионе прибытия.

Каждая из двух частей демографического потенциала имеет по две компоненты. Если демографический потенциал рассматривать лишь как возможности и/или резервы демографических процессов, то эти компоненты – следующие. Воспроизводственный потенциал включает потенциал изменений интенсивности возрастной рождаемости населения и потенциал изменений интенсивности смертности населения в половозрастном разрезе. Миграционный потенциал включает потенциал изменений интенсивности постоянных прибытий (для стран – иммиграционный потенциал) и потенциал изменений интенсивности постоянных выбытий (для стран – эмиграционный потенциал) в географическом разрезе. Для каждой из компонент демографического потенциала из-

менения подразумевают: рост, сохранение, сокращение, ускорение роста/сокращения, замедление роста/сокращения.

В качестве примера исследования воспроизводственного потенциала можно привести недавно вышедшую коллективную монографию ведущих демографов Российской Академии Наук [19]. В первом разделе данной работы рассматривается рождаемость в России и потенциал её повышения [т.е. роста], а конкретно, – резервы увеличения [т.е. роста] общего коэффициента рождаемости..., суммарного коэффициента рождаемости, резервы повышения рождаемости на основе результатов социологических исследований репродуктивного поведения. Во втором разделе монографии раскрываются резервы сокращения смертности в России и три подхода к оценке резервов роста продолжительности жизни населения: медико-демографический, социально-экономический и поведенческий [19].

В качестве примера исследования миграционного потенциала можно привести статью известного советского и российского демографа Л.Л. Рыбаковского «Миграционный потенциал: понятие и критерии оценки» [20], где обосновываются этнический и генезисный подходы к оценке демографических структур населения стран, в которых сосредоточен потенциал иммиграции в Россию.

Основные факторы демографического потенциала – явления и процессы, ощутимо либо заметно воздействующие на уровни интенсивности демографических процессов, – рождаемости населения, смертности населения, постоянных прибытий и постоянных выбытий. У каждой из компонент – свои основные факторы.

Основные факторы потенциала изменений интенсивности возрастной рождаемости населения – изменения в: демографических структурах населения, помимо возрастной; уровне стабильности социально-экономической и политической ситуации в стране/территории и вокруг неё.

Основные факторы потенциала изменений интенсивности половозрастной смертности населения – это изменения в:

- демографических структурах населения, помимо половозрастной;
- образе жизни (от саморазрушительного до самосохранительного поведения);
- окружающей среде, включая социальную, экономическую, экологическую, климатическую, криминогенную;
- общедоступной медицине (прежде всего, в новых технологиях).

Основные факторы потенциала изменений интенсивности постоянных прибытий и постоян-

ных выбытий в географическом разрезе – изменения в: уровне жизни и уровне доходов в территориях обмена населением (теория притягивающе-выталкивающих факторов на парном уровне миграционно связанных между собой территорий Эверетта Ли [21]); политической обстановке на общем миграционном пространстве и вокруг него; демографических структурах населения регионов выхода и/или входа.

Методические особенности оценки демографического потенциала

Методы измерения/оценки демографического потенциала могут быть различные, от статистических расчётов, включая построение прогнозов, до экспертных оценок и результатов социолого-демографических исследований. Принципиальными в методике оценки демографического потенциала являются вопросы выбора эталонов для сравнения показателей интенсивности и разделения всей совокупности на однородные по наиболее существенным социально-экономическим, географическим, климатическим и прочим признакам группы территорий. Для каждой из таких групп надо выбирать свои ориентиры для сравнения возможностей и резервов. Если берётся потенциал какого-либо региона внутри страны, то необходимо выделить группу других регионов, однородных с данным регионом по наиболее существенным признакам. И для всей этой группы выбрать свои ориентиры для сравнений уровней интенсивности рождаемости, смертности, постоянных прибытий и постоянных выбытий. Если берётся потенциал страны либо какой-либо её однородной части (территории), то также необходимо выделить группу других стран, сходных с данной по наиболее существенным признакам, и для всей этой группы выбрать свои ориентиры для сравнений.

Оценка иммиграционного потенциала территорий исхода мигрантов проходит в генезисном, этническом, конфессиональном и подобных разрезах [8]. По каждой из выделенных групп производится отдельная оценка. И затем результаты объединяются в зависимости от интересов принимающего государства. При этом, как показывает опыт постсоветского пространства, может иметь место фактор смены национальной самоидентификации [8].

При оценке демографического потенциала также необходимо учитывать и общемировые демографические тенденции, обусловленные рыночным экономическим укладом, стадией развития индустриальных и постиндустриальных обществ, этапом демографического перехода. Весь этот внешний фон влияет на изменения

матримониального и репродуктивного поведения населения, миграционного поведения населения, дифференцируют смертность населения по уровню доходов и т.п.

Выводы

Демографический потенциал – это обобщающий термин, включающий текущие демографические ресурсы и/или текущие и перспективные возможности и/или дополнительные резервы развития демографических процессов, протекающих на той или иной территории, а также (в случае с миграцией населения) и за её пределами, – в миграционно связанных с ней регионах.

В зависимости от того, какие составляющие можно вкладывать в понятие «демографический потенциал», демографические ресурсы (1) и/или демографические возможности (2) и/или демографические резервы (3), его можно представить как:

– в минимальном виде: одна из трёх составляющих;

– в среднем виде: две из трёх;

– в самом расширенном виде: все три.

В последнем случае будет де-факто полный анализ демографической ситуации с прогнозами. В подобном понимании «оценка демографического потенциала» есть синоним «полного анализа демографической ситуации» рассматриваемой территории.

Структура демографического потенциала по направлениям демографического анализа такова. Имеются две части (воспроизводственный и миграционный потенциалы) и четыре компоненты. Если демографический потенциал рассматривать как возможности и/или резервы демографических процессов, то эти компоненты следующие: потенциал изменений интенсивности возрастной рождаемости населения, потенциал изменений интенсивности смертности населения в половозрастном разрезе, потенциал изменений интенсивности постоянных прибытий в географическом разрезе и потенциал изменений интенсивности постоянных выбытий в географическом разрезе.

Список литературы

1. *Hersch L.* Démographie potentielle et vieillissement de la population // *Population Année.* 1948. 3–2. С. 233–248.
2. *Fisher R.A.* The Genetical Theory of Natural Selection // Clarendon Press. Oxford. 1930. 308 с. ISBN 0-19-850440-3.
3. *Эдиев Д.М.* Демографические потенциалы: теория и приложения. Москва. МАКС пресс. 2007. 346 с. ISBN 978-5-317-01969-3
4. *Darwin C.R.* The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex // John Murray. London. 1871. 425 с.
5. *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / пер. с англ. Москва: Прогресс, 1966. 659 с.
6. *Stewart John.Q.* The Development of Social Physics // *American Journal of Physics.* 1950. Vol. 18. С. 239–253.
7. *Stewart/John Q.* Demographic Gravitation: Evidence and Applications // *Sociometry.* 1948. Vol. 11. № 1/2. С. 31–58.
8. *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // *Социологические исследования.* 1996. № 11. С. 31–42.
9. *Боярский А.Я.* Теоретические исследования по статистике. Сборник науч. трудов. Москва: Статистика, 1974. 304 с.
10. *G.-F. Dumont.* France: Un potentiel démographique sous-utilisé [Demographic potential underutilized] // *ENeC – Espaces, Nature et Culture.* 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3109378 (дата обращения 10.04.2023).
11. *Карпов В.В., Петренко К.В.* Демографический потенциал как составной элемент экономической безопасности региона // *Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета.* 2018. Том: 15–5(63). С. 788–799. EDN YNMBFB
12. *Ионцев В.А., Магомедова А.Г.* Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // *Экономика региона.* 2015. № 3. С. 89–102. DOI <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>; EDN UISFRL
13. *Фаузер В.В.* Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического освоения Арктики // *Экономика региона.* 2014. №4(40). С. 69–81. DOI <https://doi.org/10.17059/2014-4-5>; EDN TFGKLN
14. *Кузьмин А.И.* Основные подходы к оценке демографического потенциала территории // *Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 07–08 декабря 2016 года.* Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. С. 183–187. EDN WBRHXG
15. *Шубат О.М., Багирова А.П., Акишев А.А.* Методика анализа демографического потенциала российских регионов на основе нечеткой кластеризации данных // *Экономика региона.* 2019. Т. 15, вып. 1. С. 178–190. DOI <https://doi.org/10.17059/2019-1-14>; EDN ZALWXB
16. *Сукнева С.А.* Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010. 167 с. ISBN 978-5-02-032223-3
17. *Веселкова И.Н.* Демографический и трудовой потенциал населения России // *Социология власти.* 2003. № 3. С. 131–139. EDN HUAOPD
18. *Сукиасян А.Г.* К вопросу оценки демографического потенциала населения регионов России // *Научные труды Вольного экономического общества России.* 2015. Т. 192. № 3. С. 410–424. EDN SUDEDE
19. *Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Фадеева Т.А.* Воспроизводственный потенциал демографического развития России / [В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Т.А. Фадеева; под ред. Л.Л. Рыбаковского]. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. 165 с. ISBN 978-5-907427-72-3

20. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: понятие и критерии оценки // Социологические исследования. 2009. №2. С. 29–36. EDN JVTZBJ
21. Everett S. Lee. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. №1. P. 47–57

Информация об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович – доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН); главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия (e-mail: 1246185@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 42430) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8937-3166>) (WoS Researcher ID: B-8924-2018) (Author ID Scopus: 39362389200)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

- Hersch L. Démographie potentielle et vieillissement de la population. *Population Année*. 1948;(3-2):233–248.
- Fisher R.A. The Genetical Theory of Natural Selection. Clarendon Press. Oxford; 1930. 308 p. ISBN 0-19-850440-3.
- Ediev D.M. Demographic Potentials: Theory and Applications: Moscow. MAХ press; 2007. 346 p.(In Russ.) ISBN 978-5-317-01969-3
- Darwin C.R. The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex. John Murray. London; 1871. 425 p.
- Izard W. Methods of Regional Analysis: Introduction to the Science of Regions. Moscow: Progress; 1966. 659 p.(In Russ.)
- Stewart John Q. The Development of Social Physics. *American Journal of Physics*. 1950;(18):239–253.
- Stewart John Q. Demographic Gravitation: Evidence and Applications. *Sociometry*. 1948;(11-1/2):31–58.
- Rybakovskii L.L. Migration potential of the Russian population in the countries of the new abroad // *Sociologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. Moscow. 1996;(11):31–42. (In Russ.)
- Boyariskii A.Ya. Teoreticheskie issledovaniya po statistike. Sbornik nauch. trudov. Moskva: Statistika = Statitics, 1974. 304 p. (In Russ.)
- G.-F. Dumont. France: Un potentiel démographique sous-utilisé [Demographic potential underutilized]. *ENeC – Espaces, Nature et Culture*. 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3109378 (Accessed on 10.04.2023).
- Karpov V.V., Petrenko K.V. Demographic Potential as an Integral Element of Economic Security of the Region. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo Avtomobil'no-dorozhnogo universiteta = The Russian Automobile and Highway Industry Journal*. 2018;(5-63): 788–799. (In Russ.)
- Iontsev V.A., Magomedova A.G. Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions. *Economika regiona = Economy of the region*. 2015;(3):89–102. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>
- Fausser V.V. Demographic Potential of the Northern Regions of Russia as a Factor and Condition for the Economic Development of the Arctic. *Economika regiona = Economy of the region*. 2014;(4-40):69–81. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17059/2014-4-5>
- Kuzmin A.I. Basic approaches to assessing the demographic potential of the territory. Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Far Eastern Federal University. Vladivostok; 2016. P. 183–187. (In Russ.)
- Shubat O.M., Bagirova A.P., Akishev A.A. Methodology for analyzing the demographic potential of Russian regions based on fuzzy data clustering. *Economika regiona = Economy of the region*. 2019; (15-1):178–190.(In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17059/2019-1-14>
- Sukneva S.A. Demographic potential of the population of the northern region. Novosibirsk : Science; 2010. 167 p. (In Russ.)
- Veselkova I.N. Demographic and labor potential of the population of Russia. Moscow. *Sociologiya vlasti = sociology of authority*. 2003;(3)131–139. (In Russ.)
- Sukiasyan A.G. On the issue of assessing the demographic potential of the population of Russian regions. *Nauchnyye trudy vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva Rossiji = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2015;(192-3):410–424 (In Russ.)
- Arkhangelskii V.N., Ivanova A.E., Fadeeva T.A. Reproducible potential of demographic development in Russia. Ed. L.L. Rybakovskii. Ekon-Inform. Moscow; 2022. 165 p. (In Russ.) ISBN 978-5-907427-72-3
- Rybakovskii L.L. Migration potential: concept and evaluation criteria. *Sociologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2009;(2):29–36. (In Russ.)
- Everett S. Lee. A Theory of Migration. *Demography*. 1966;(3-1):47–57.

Information about the author:

Oleg L. Rybakovskii – Doctor of Economics, Head of the Laboratory of N.V. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPS FCTAS RAS); Chief Researcher at the Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FCTAS RAS), Moscow, Russia

(e-mail: 1246185@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 42430) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8937-3166>) (WoS Researcher ID: B-8924-2018) (Author ID Scopus: 39362389200)

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 02.07.2023; accepted for publication 15.08.2023

Оригинальная статья

УДК 314.7, 314.8

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337

EDN: EIOOWG

Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России

Леонид Леонидович Рыбаковский

Институт демографических исследований ФНИЦ РАН, Москва, Россия
(1284781@mail.ru), (ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9702-2534>)

Аннотация

В статье отмечается, что в постсоветский период российская миграция стала преимущественно компонентом, противодействующим сокращению численности населения страны, показано, что увеличение численности населения любого государства, возможно не только вследствие воспроизводства и миграции, но также и в результате присоединения к нему других стран и заселенных территорий, т. е. процесса механического движения. В работе говорится о том, что миграционные процессы в 90-е годы XX века и в первые десятилетия XXI столетия во многом определяются двумя обстоятельствами: характером миграционных перемещений, устойчиво сформировавшийся в дореволюционный и советский периоды существования российского государства и тем, что во внутренних для России переселениях огромные масштабы принадлежали обмену населением с другими частями общей страны, бывшими в советское время союзными республиками. В послевоенные 40 лет существования СССР вначале у России, была общая миграционная убыль, а затем страна получила за счет межреспубликанской миграции примерно полмиллиона человек. Произошедший развал Советского Союза существенно изменил все сферы жизни российского общества, включая и миграционную. В результате трансформации пространственных перемещений один тип миграции населения (внутренний) превратился в другой тип (международный). Это значительно сократило общие объёмы миграции населения России. С самого начала 90-х годов миграция стала постоянным компонентом, снижающим влияние депопуляции на демографическую динамику. В статье показаны ставшими значительными этнические миграции: прибытие в Россию русского населения из государств нового зарубежья и принявшую заметные масштабы эмиграцию из страны евреев и немцев. В завершающей части статьи показана демографическая ситуация в азиатской части России, население которой несмотря на принимаемые меры по ускорению заселения Сибири и Дальнего Востока, продолжает сокращаться.

Ключевые слова: миграционные процессы, механическое движение, компоненты демографической динамики, этническая миграция, депопуляция, новое зарубежье, трансформация внутренних миграций

Для цитирования: Рыбаковский Л.Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 327–337. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337; EDN EIOOWG

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337

EDN: EIOOWG

The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia

Leonid L. Rybakovskii

Institute for Demographic Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS) Moscow, Russia
(1284781@mail.ru), (ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9702-2534>)

Abstract

The article notes that in the post-Soviet period, Russian migration has become mainly a component that counteracts the decline in the country's population, it is shown that an increase in the population of any state is possible not only as a result of reproduction and migration, but also as a result of the accession of other countries and populated territories to it, i.e. the process mechanical movement. The paper says that migration processes in the 90s of the twentieth century and in the first decades of the twenty-first century are largely determined by two circumstances: the nature of migration movements, which was steadily formed in the pre-revolutionary and Soviet periods of the existence of the Russian state, and the fact that in the internal resettlement for Russia, a huge scale belonged to the exchange of population with other parts of the common country, former Soviet republics. In the post-war 40 years of the existence of the USSR, at first Russia had a general migration loss, and then the country received about half a million people due to inter-republican migration. The collapse of the Soviet Union significantly changed all spheres of life in Russian society, including migration. As a result of the transformation of spatial movements, one type of population migration (internal) has turned into another type (international). This has significantly reduced the total volume of migration of the Russian population. Since the beginning of the 90s, migration has become a constant component that reduces the impact of depopulation on demographic dynamics. The article shows the ethnic migrations that have become significant: the arrival of the Russian population in Russia from the states of the new abroad and the emigration of Jews and Germans from the country, which has taken on a noticeable scale. The final part of the article shows the demographic situation in the Asian part of Russia, the population of which, despite the measures taken to accelerate the settlement of Siberia and the Far East, continues to decline.

Keywords: Migration processes, mechanical movement, components of demographic dynamics, ethnic migration, depopulation, new abroad, transformation of internal migrations

For citation: Rybakovskii L.L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):327–337. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337

Введение, теоретические и методические положения

Существуют различные виды миграции населения, наиболее важными из которых являются безвозвратные или постоянные миграции. Этот вид как общественное явление представляет собой территориальное перемещение населения, сопровождающееся сменой постоянного места жительства, которое совершается либо внутри страны между её административными образованиями различного ранга, либо между самостоятельными государствами. Первые миграции называют внутренними (внутригосударственными), вторые – внешними (межгосударственными, международными).

В послевоенные годы этим видам миграции уделялось достаточно большое внимание во многих научных центрах страны, в частности в Сибирском отделении АН СССР, МГУ имени М.В. Ломоносова и т.д. Учёными уже в 60-е годы для изучения безвозвратной миграции стали применяться различные методы оценки этого явления. Этим методам, использующим статистическую и социологическую информацию для изучения безвозвратной миграции, посвящена обширная отечественная литература. Не игнорировались и труды зарубежных авторов. Проиллюстрируем это положение ссылкой на монографию «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах». Её автор – американский учёный У. Изард. Его работа переведена и издана в СССР в 1966 г. В ней он подробно рассматривает абсолютные и относительные показатели миграции, методы её изучения, а также ссылается на работы тех авторов, которые делали это несколько раньше Среди них: E. S. Lee, A. R. Miller и др. [1, с. 49]. Среди зарубежных авторов были и те, кто уделял внимание миграционным процессам в Советском Союзе. Сюда можно отнести изданную в 1969 г. в Лондоне и Париже работу по эмиграции и иммиграции населения России [2]. В 1975 г. американский географ Slater Paul опубликовал доклад на русском языке с оценкой межрайонных миграционных связей (КИМСов) всех регионов РСФСР [3].

В постсоветское время изучение миграционных процессов, а они стали повседневностью, получило дальнейшее развитие. Особенно активно стали исследоваться трудовые миграции, анализ

которых достаточно обстоятельно представлен в опубликованных уже в XXI веке трудах А.В. Топилина, С.В. Рязанцева и т.д. [4; 5]. В этот период заметно меньшее внимание уделяется безвозвратным миграциям. Тем не менее, и этому виду миграций в новом столетии посвящён ряд обстоятельных работ [6; 7]. Во многих из них показано влияние миграционных процессов (приток населения из вне, внутренние переселения и пр.) на динамику населения и его расселение по расширявшейся до середины XIX столетия территории страны. В советские годы миграции и внешние для России, и межреспубликанские вели, как к сокращению темпов роста численности её населения, так и их увеличению. В постсоветский период российская миграция стала преимущественно компонентом, противодействующим сокращению численности населения страны, частично замещающему его потери, вызванные почти непрерывным процессом депопуляции.

Но не только миграции как, собственно, и воспроизводственные процессы, влияют на демографическую динамику. Увеличение численности населения любого, в т.ч. и российского государства, возможно также и в результате присоединения к нему других государств и заселённых территорий. Однако этот процесс имеет уже не демографический, а скорее геополитический характер. Переселение живущего в данной стране населения из одних районов в другие, как и прибытие (вселение) населения из других стран считается демографическим явлением. Оно носит название миграционное движение, которое еще в недалеком прошлом называли также механическим. По нашему мнению, этим термином целесообразно называть процессы, характеризующие рост численности населения вследствие вхождения в данное государство (в нашем случае – Российского) других стран или их частей. При таком понимании этого термина динамика населения любого государства будет зависеть от трёх составляющих: воспроизводства, миграции и механического движения.

Цель данного исследования – выявить влияние сложившегося в досоветский и советский периоды характера миграционных процессов, а также происшедшей их трансформации в результате развала СССР, на современную безвоз-

вратную миграцию населения России. **Объектом исследования** является безвозвратная миграция населения. **Предмет исследования** – безвозвратная миграция населения постсоветской России и её детерминанты.

Условия, определившие характер миграции населения в постсоветский период

Специфика миграционных процессов в 90-е годы XX века, как и в первые десятилетия XXI столетия была во многом определена двумя обстоятельствами, *одно из которых – характер миграционных перемещений, устойчиво сформировавшийся в дореволюционный и советский периоды существования российского государства.* В дореволюционные годы демографический рост происходил, с одной стороны, в результате воспроизводства, т.е. естественного движения населения, а с другой стороны, вследствие расширения российского государства за счёт присоединения к нему сопредельных стран и территорий, как достаточно плотно заселённых другими народами, так и освоения слабо заселённых восточных районов страны. В первом случае население российского государства возрастало в результате присоединения к нему лиц, проживавших на территориях Центральной Азии, Кавказа и Прибалтики, тогда как во втором, население страны в целом перераспределялось из старо заселённых регионов во вновь присоединённые, имевшие, как правило, небольшое по численности местное население.

Межгосударственные миграции в целом в дореволюционные годы носили эпизодический характер. Наиболее интенсивно мигрировали немцы. Они стали переселяться в Россию уже во второй половине XV – второй половине XVI вв. (при Иване III и Василии III). Наиболее активно они прибывали в страну в царствование Екатерины II. В её время немцев в России уже насчитывалось свыше 1,2 млн человек. В начале XVIII века немцев среди иностранцев стало ещё больше. Но и они среди населения России составляли лишь 0,2%. Мигрантов из других стран было и того меньше.

В отличие от миграции механическое движение населения ещё с времен Ивана IV стало играть заметную роль в увеличении численности населения России. Это было связано с расширением её территории на южных и северо-западных рубежах. Движение России на восток, связанное, по сути, тоже с именем Ивана IV превратило её в самое крупное по территории государство в мире. Только присоединение Сибири и Дальнего Востока увеличили территорию России в 4 раза (прибавка составила около 12,8 млн кв. км. Впоследст-

вии при вхождении в состав Российской Империи государств Центральной Азии её территория возросла на 4,6 млн кв. км, Северного Кавказа и государств Закавказья – на 300 с лишним тысяч кв. км и прибалтийских государств – на 175 тыс., а всего – примерно на 5 млн кв. км. На всех этих территориях стали проживать миллионы новых граждан Российской Империи, позже – Советского Союза.

В советские годы механическое движение характеризовалось несколькими эпизодами: сокращением численности населения территорий, захваченных в годы интервенции и отошедших к Польше и Румынии, затем увеличением численности населения за счёт возвращения этих регионов после Великой Отечественной войны, а также вхождением в состав СССР Тувы. Сюда же можно отнести и микроскопическое увеличение населения России за счёт оставшегося на Южном Сахалине после репатриации небольшого числа корейцев и японцев (первых – чуть больше 10 тыс. и вторых – менее 1 тыс.). В постсоветской России механическое движение как компонент демографической динамики будучи, по сути, одноразовым явлением, относится к XXI столетию. С середины десятых годов государство стало возвращать утраченные в прошлом территории (Крым, Донбасс и некоторые другие районы Новороссии). Только вхождение в состав России Крыма (с Севастополем) увеличило численность её населения на 1,6% (к 2010 г.). В этот сравнительно благоприятный период в естественном движении населения его численность в результате убыли за 4 года сократилась всего на пять сотых процента.

Иное дело миграционные процессы. Они всегда в той или иной мере были свойственны регионам России, представляя либо межреспубликанский обмен населением, либо межрайонные перемещения населения внутри России. Те и другие по-разному сказывались на результатах миграции разных регионов России. Значительные отличия сравнительно основной массы субъектов РФ были в регионах Северо-запада, Сибири и Дальнего Востока. Наиболее общей характеристикой этих различий выступает деление населения каждого региона на его уроженцев и мигрантов. У населения регионов, расположенных преимущественно в центральной части России и Поволжье, а также относящихся к большинству национальных республик, к началу 90-х годов XX века была более низкая миграционная подвижность, чем в северных и восточных регионах России. Так, согласно данным микропереписи населения, проведённой в 1994 г., т. е. в самом начале становления постсоветской России в 30 областях и автономных республиках в каждой тысяче человек было менее, чем 400 мигрантов разных лет вселе-

ния. Особенно незначительная доля мигрантов была в населении Дагестана (198 человек), Ингушетии (291), Кабардино-Балкарии (293) и Астраханской области (293). Доля мигрантов в Северной Осетии, Мордовии, Московской, Липецкой и Пензенской областях, а также г. Москве – была менее 350. Такой показатель был ещё в 21 регионе. В среднем по России этот показатель в 1994 г. составлял 420.

Та же микроперепись показала, что наибольшая доля мигрантов была в населении Амурской, Сахалинской, Камчатской, Ленинградской, Калининградской и Мурманской областях и Карелии (от 500 до 600). В таких регионах, как Магаданская область, Чукотский, Ханты-Мансийский, и Ямало-Ненецкий АО доля мигрантов превышала 2/3 живущего там населения (соответственно: 636, 710, 728 и 793)¹. Если причины столь значительной доли мигрантов в населении автономных округов, как и в населении дальневосточных регионов, а также Мурманской области вполне очевидны, то нахождение в этой группе Ленинградской и Калининградской областей, а также Карелии имеет иные объяснения. К примеру, в Калининградской области высокая доля в населении мигрантов связана с тем, что в ней в конце 40-х годов место репатриированных немцев (их было свыше 0,6 млн), заняли выходцы из разных районов СССР. В их числе в 1959 г. (согласно переписи) было 78% русских, свыше 9% белорусов, около 6% украинцев и т.д.²

Другая наиболее значимая особенность миграционных процессов, совершавшихся вплоть до 90-х годов XX века, состояла в том, что во внутренних для России переселениях огромные масштабы принадлежали обмену населением с другими частями общей страны, бывшими в советское время союзными республиками. Начнем с межреспубликанских миграций, имевших место в послевоенные годы. Исходя из результатов миграции для России, они разделены на два периода. В один из них Россия вследствие миграции преимущественно отдавала союзным республикам население, в другой – возвращала его обратно (таблица 1).

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что за послевоенные 40 лет существования СССР в миграционном обмене между Россией и другими союзными республиками произошло следующее наиболее значимое изменение. Вначале у России, в 1951–1975 гг. была общая миграционная убыль в 2,1 млн человек, а затем в оставшиеся 15 лет

(1976–1990 гг.) она получила за счёт межреспубликанской миграции примерно полмиллиона человек, точнее 600 тысяч. Несмотря на миграционную убыль общий прирост населения России составил 31,7 млн. В среднем в каждое пятилетие (1951–1955–1971–1975 гг.) прибавка к российскому населению составляла по 6,34 млн человек. Во второй период (1976–1990 гг.) население России каждые пять лет увеличивалось на 4,67 млн, что на 1,7 млн было меньше, чем в предыдущие пятилетки. Все дело в естественном приросте: в 1951–1975 гг. он в среднем каждое пятилетие достигал 6,76 млн человек. В свою очередь в 1976–1990 гг. он едва превышал 6 млн (6,02 млн). В 80-е годы, второй их половине началось сокращение естественного прироста. В результате в 1990 г. он оказался меньше, чем в 1975 г. в 2,4 раза.

Происшедший в 1991 г. развал Советского Союза существенно изменил политическую, экономическую и социальную сферы жизни российского общества. С этим явлением в полной мере связана также происшедшая трансформация миграционных процессов. *Наиболее радикальной стороной трансформации явилось превращение одного типа миграции населения (внутренней) и другой тип (международный)*[8, с. 11]. Значительная часть внутренних миграционных перемещений, в частности тех из них, которые совершались в миграционном обмене России с другими союзными республиками, перестали быть таковыми. Миграционные перемещения населения между Россией и другими союзными республиками в 1991 г. в одночасье превратились в международный миграционный обмен, т.к. республики стали самостоятельными государствами, образовав «новое зарубежье», которое по недоразумению часто называют «ближним», как будто бы Финляндия в отличие, например, от Армении является «дальним зарубежьем».

Образование нового зарубежья, во-первых, значительно сократило общие объёмы миграции населения России. Если ещё в 1990 г. миграционный оборот (сумма чисел прибывших и выбывших) достигал примерно 10 млн человек, то спустя пять лет, т.е. в 1995 г. он уменьшился до 75 %, а к 2005 г. сократился в 2,4 раза. Число прибывших за 15 лет (1991–2005 гг.) стало меньше в 2,5 и число выбывших – в 2,4 раза. Во-вторых, существенно изменилось соотношение между внутренней и внешней миграцией. В 1993–1995 гг. общее количество прибывших мигрантов в Россию составило 12,4 млн человек. Из этого числа 9,3 млн приходилось на внутреннюю миграцию и свыше 3-х млн – на внешнюю, из которых не менее 95 % составляли мигранты, прибывшие в Россию

¹ Продолжительность проживания населения России в месте постоянного жительства (по данным микропереписи населения 1994 г.). Госкомстат России. М. 1995.

² Продолжительность проживания населения России в месте постоянного жительства (по данным микропереписи населения 1994 г., Госкомстат России, М. 1995, С. 50

Таблица 1

**Вклад миграционной компоненты в динамику населения России в 1951–1990 гг.,
млн человек ***

Table 1

**The Contribution of the Migration Component to the Dynamics of the Population of Russia in 1951–1990,
Million People**

Периоды, годы	Естественный прирост/ убыль	Миграционный прирост/убыль	Общий прирост/ убыль	Численность населения на начало года
1 период (1951–1975 гг.)	33,8	–2,1	31,7	1951 г. – 102,9 1976 г. – 34,7
2 период (1976–1990 гг.)	11,3	2,7	14,0	1991 г. – 148,5

Источник: *Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

из стран нового зарубежья. Доля внутренних миграций в те годы превышала 3/4. В последующие годы число мигрантов прибывающих в Россию из нового зарубежья стало сокращаться (то же и выбывающих), а потому доля внутренней миграции стала расти. В 1999–2001 гг. она превысила 88%, а в 2002–2004 гг. – даже 93%. Подобное увеличение доли внутренней миграции происходило на фоне постоянного сокращения её объемов. Если ещё в 1993–1995 гг. число прибытий внутренних мигрантов составляло 9317 тыс. человек, то в 1999–2001 гг. оно сократилось до 6920 тыс. (74,3%), в 2002–2004 гг. – до 6055 тыс. (87,5%) и в 2008–2010 гг. – до 5553 тыс. человек (91,7%). В 2008–2010 гг. число внутренних мигрантов по прибытию (собственно, и выбытию) сократилось на 2/5 относительно 1993–1995 гг.

С самого начала 90-х годов произошла не только трансформация миграционных процессов, но и коренным образом изменилась роль миграции в демографическом развитии страны. В советский период, в частности в послевоенные годы мигра-

ция, независимо от того был ли миграционный прирост или была миграционная убыль, в обоих случаях на равных с естественным движением представляли компоненты демографической динамики. Как уже говорилось, в послевоенные годы Россия вначале 25 лет теряла мигрантов в обмене с союзными республиками, а затем в течение 15 лет миграционный отток из союзных республик наряду с естественным движением увеличивал численность населения России. В 1951–1975 гг. естественный прирост населения России в среднем за 5 лет превышал в 16 раз миграционную убыль. В 1976–1990 гг. – миграционный прирост был меньше в 4 раза. В первом случае миграция уменьшала естественный прирост, а во втором наряду с ним увеличивала общий прирост. Но в обоих случаях её значение было не велико. Иные соотношения между миграционным и естественным движением стали в постсоветский период. Если 1991–2020 гг. разбить на три десятилетия, то соотношение между миграционным приростом и естественной убылью будет выглядеть так (таблица 2).

Таблица 2

**Соотношение между естественной убылью и миграционным приростом населения
по трем десятилетиям периодам, тыс. человек**

Table 2

**The Ratio Between Natural Decline and Migration Population Growth over Three Ten-year Periods,
Thousand People**

Десятилетние периоды	Естественная убыль	Миграционный прирост	Общая убыль населения
1991–2000 гг.	–6618,9	3476,9	–3142,0
2001–2010 гг.	–6385,2	1352,0	–5033,2
2011–2020 гг.	–1415,7	2416,0	1000,3
1991–2020 гг.	–14419,8	7244,9	–7174,9

Источник: на основе данных Росстата.

Начиная с 1992 г. характер миграции стал существенно отличаться от того, что было в советское время. В 1992–2022 гг. миграция оставалась стабильным компенсатором потерь населения от наступившей в то время депопуляции. Исключение составляли лишь 1991 г. и 2013–2015 гг., в которые был небольшой естественный прирост (его общая величина не превышала 200 тыс. человек, что меньше 3 % общего сальдо миграции, бывшего в 1991–2020 гг.). Всего в постсоветский период величина миграционного прироста превысила 7,2 млн человек или 360 тыс. в среднем за год. Естественная убыль за эти годы составила 14,4 млн, в среднем за год 480 тыс.

Сокращение масштабов внутренней миграции, связанное с развалом Советского Союза и образованием 15 независимых государств, включая и Россию, привело к превращению части внутренней миграции во внешнюю. До развала Советского Союза масштабы внешней, т.е. межгосударственной миграции были не велики. Для старого зарубежья такими они и остались после развала общей страны при той лишь разнице, что общие объемы международной миграции заметно возросли в связи с образованием нового зарубежья. Это видно при сравнении масштабов миграционного обмена России со странами старого и нового зарубежья (таблица 3).

Прежде чем комментировать данные таблицы 3 следует сделать одно замечание. В 2011 г. величина прибытия Росстатом была увеличена до 356,3 тыс., а выбытия сохранена на уровне 2010 г. В последующем соответственно было увеличено и выбытие. В 2011 г. прибытие увеличено на 86%, а выбытие – на 9,5%. В 2015 г. первая величина превышала уровень 2010 г. в 3,1 раза и вторая – в 10,5 раз. Эти сравнения приведены для того, чтобы показать, что объемы миграции, бывшие до 2011 г. нельзя сравнивать с теми, которые стали в последующем. Причём стали не пригодными

для оценки характера миграционных процессов не только абсолютные, но и некоторые относительные показатели. В частности, эта участь постигла показатели интенсивности вследствие того, что объёмы миграции оказались завышенными во много раз больше, чем применяемая для расчётов численность населения. Так, в 2020 г. число прибывших относительно 2010 г. возросло в 3 раза, а число выбывших в 14 раз. И это при том, что численность населения в 2020 г. даже с Крымом превышала 2010 г. всего на 2,5%. Эти манипуляции со статистическим учётом, сделавшим невозможным сравнительный анализ и во времени, и в пространстве, подробно рассматриваются в статьях: Рыбаковского О.Л. и Таюновой О.А. [9], а также Топилина А.В. [10].

Переходя к анализу данных таблицы 3, заметим, что масштабы миграционного обмена у России со странами нового зарубежья многократно больше, чем со старым зарубежьем. К примеру, в 2000 г. число прибывших в Россию из старого зарубежья было меньше, чем из нового зарубежья почти в 40 раз. В другие годы оно также составляло десятки раз. Различия в количестве выбывающего населения было не столь велико. Так в том же 2000 г. выбыло в новое зарубежье всего на 1/3 больше, чем в страны старого зарубежья. Существующей разницей между числами прибывших и выбывших, как в старое, так и новое зарубежье объясняются конечные результаты миграционного обмена: огромное положительное сальдо миграции в обмене России с новым зарубежьем и отрицательное сальдо много меньших размеров в обмене со старым зарубежьем. В частности, в том же 2000 г. величина сальдо миграции в обмене с новым зарубежьем была больше, чем со старым в 5 раз при том, что первое было положительным, а второе – отрицательным. Табличные данные свидетельствуют, что с 1995 г. по 2010 г. масштабы прибытия в международной миграции сократились

Таблица 3

Динамика соотношений между миграционными потоками в старое и новое зарубежья за 20 лет

Table 3

Dynamics of the Relationship Between Migration Flows to the Old and New Abroad for 20 Years

Годы	Прибыло, тыс. человек	в т.ч. зарубежья, в %		Выбыло, тыс. человек	в т.ч. зарубежья, в %		Сальдо миграции, зарубежья, в %	
		новое	старое		новое	старое	новое	старое
1995	866,9	97,1	2,9	347,3	66,0	34,0	622,2	-92,7
2000	359,3	97,5	2,5	145,7	57,2	42,8	266,8	-53,2
2005	177,2	96,0	4,0	69,8	52,7	47,3	133,3	-25,9
2010	191,7	93,4	6,6	33,6	66,1	33,9	156,9	1,2
2015	598,6	89,6	10,4	353,2	84,6	15,4	237,3	8,1

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

в 4,5 раза, а масштабы выбытия – более чем в 10 раз. Сокращение как чисел прибывших, так выбывших в старое и новое зарубежье было, по сути, одинаковым: 3,5 и 4,7 раза по прибывшим и 10,3 раза по выбывшим.

Этническая составляющая миграционных процессов в постсоветской России

Различия в масштабах миграционного обмена со старым и новым зарубежьем как собственно и в динамике чисел прибывших и выбывших во многом, если не в решающей степени вплоть до десятых годов XXI столетия определялись реэмиграцией русского населения из бывших союзных республик на историческую родину. Русские стали переселяться на территории будущих союзных республик задолго до Октябрьской революции. Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала, что за пределами коренной России в других частях Империи проживало не менее 4,5 млн русских. Более точные данные о численности русских, живших за пределами коренной России, относятся к 1926 г. В этом году численность русских проживающих в других союзных республиках составляла 5,8 млн человек. В 1939 г. численность русских, проживавших в других союзных республиках, превысила 10% русских, проживавших в Советском Союзе в целом. Остальные 90% приходились на РСФСР. Перепись 1959 г. зафиксировала, что в то время на долю союзных республик в численности русских, проживавших в СССР, приходилось 16,1 млн человек³. Численность русских во всех союзных республиках возросла в 1,5 раза. Свою роль в динамике русских, проживавших в союзных республиках, сыграли миграционные процессы, включая и эвакуацию населения в годы войны. Во время переписи 1979 г. численность русских в Советском Союзе достигла 137,4 млн человек, причем количество русских, проживающее в союзных республиках, за это время увеличилось до 23,9 млн. Зафиксированная последней советской переписью населения 1989 г. численность русских, проживавших в союзных республиках, достигала 25,3 млн.⁴

До 1959 г. относительно довоенного времени численность русских увеличилась повсеместно. Особенно значительно в то время возросла численность русских в Украине (в 2,2 раза), Беларуси (в 2,7), Таджикистане (2,3) и Казахстане (2,1 раза). В наименьшей мере число русских возросло в Туркмении, Армении и Азербайджане. К 1970 г. по сравнению с 1959 г. впервые сократилась численность русских в одной из союзных ре-

спублик (Грузии), правда на наибольшую величину, всего на 11 тыс. человек. В тот же период в другой республике – Азербайджане количество русских, хоть и возросло, но всего на 9 тыс. Собственно с этих республик начался отток русского населения на историческую родину. В 70-е годы повсеместно замедлился прирост русских в населении большинства союзных республик, причем в Грузии и Азербайджане увеличился их отток. В следующий период началось «повальное бегство» русского населения из половины всех союзных республик. К Грузии и Азербайджану прибавилась Армения, а также среднеазиатские республики: Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. В целом численность русских в населении союзных республик сократилась на 166 тыс. человек⁵. В 1989 г. вследствие нарастающего оттока русских стала сокращаться их доля в населении республик Закавказья, а также Казахстане. Доля русских продолжала расти лишь в шести из 14 союзных республик: Украине, Белоруссии, Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии.

В конце существования Советского Союза значимыми для страны стали также эмиграционные процессы, бывшие до того эпизодическими (достаточно заметными в годы гражданской войны, а также в сороковые годы XX в.). Если еще в 1987 г. число эмигрантов из России составляло 10 тыс. человек (из остальных 14 союзных республик – 29 тыс.), то в 1989 г. это число достигло 47 тыс. (188 тыс.) и в 1990 г. – 104 тыс. (348 тыс.). В те годы внешние миграции носили преимущественно этнический характер. В составе эмигрантов особенно большую долю составляли немцы и евреи. Вплоть до 90-х годов евреи доминировали в эмиграционных потоках. Еще до Октябрьской революции в 1899–1913 гг. из 2361 тыс. человек, эмигрировавших из Российской Империи в США, на долю евреев пришлось 964 тыс. или почти 41%⁶. С 1948 по 1985 гг. из СССР эмигрировало порядка 447 тыс. человек в их числе было 290 тыс. евреев или 2/3. В целом в 1970–1990 гг. из страны эмигрировало 568 тыс. евреев, из которых 363 тыс. направились в Израиль и около 190 тыс. в США [11]. С наступлением 90-х годов число евреев – эмигрантов стало сокращаться.

Другую этническую составляющую эмиграционных потоков в послевоенный период формировали немцы. Вначале эмиграция немцев была не велика. В 1958–1959 годах число немецких эмигрантов составило 4–5,5 тысяч человек. Долгое время рекордным был результат 1976 года (9,7 тыс. иммигрантов). Но со второй полови-

³ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М.: ЦСУ СССР, 1962. С. 184, 202.

⁴ Национальный состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 4–5.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973. 202 с.

⁶ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. 409 с.

ны 80-х годов началось нарастание масштабов эмиграции советских немцев в Германию. Если с 1948 по 1985 из СССР эмигрировало 105 тыс. немцев, то уже в течение 1987–1990 гг. эмигрировало в Германию 764 тыс. человек [12]. Рост числа эмигрировавших евреев, немцев, как и лиц других национальностей, наступивший с конца 80-х годов, свидетельствовал о происшедших переменах в социально-политической ситуации в СССР.

Приоритетное направление внутрироссийских миграций в разные периоды

В дореволюционные и в советские годы шло неуклонное перемещение населения из центральной части России в заселяемые регионы Сибири и Дальнего Востока. Вследствие этого преобладающую часть населения восточной части страны составили переселенцы. Население Сибири и частично Дальнего Востока еще в начале XVII в. достигало всего 0,5 млн человек, но уже к концу XVIII века благодаря переселениям только в Сибири оно увеличилось до 1,2 млн. В середине XIX века в районах, расположенных за Уралом, проживало свыше 2,2 млн человек. Согласно Всероссийской переписи, численность населения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1897 г. составляла 5,7 млн человек. Ковремени Октябрьской революции 1917 г. плотность населения Сибири и Дальнего Востока возросла до 0,7 человек на кв. км. по сравнению с 0,4 человека в конце XIX века.

В советский период, как в довоенные, так и послевоенные годы постоянной чертой внутрироссийского миграционного обмена было продолжение совершавшегося уже несколько столетий перераспределения населения в Сибирь и на Дальний Восток. В результате за прошедший период в азиатской части России, особенно на Дальнем Востоке сформировался специфический по своему генезису демографический потенциал, что и определило в последующем его повышенную миграционную активность [14]. Вследствие того, что в советское время несколько первых десятилетий в стране не было сплошной паспортизации, а также существовал особый порядок регистрации мест проживания ряда категорий населения, невозможны сколько-нибудь точные оценки масштабов межрегиональных перемещений населения в те годы. Тем не менее, имеются сведения о том, что с 1926 г. по 1939 г. на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию переселилось примерно 5 млн человек, из которых 2 млн осело на Урале, 0,7 млн – в Кузнецком угольном бассейне и 0,8 млн – на Дальнем Востоке. Вследствие происшедшей миграции населения

в этих районах его численность увеличивалась быстрее, чем в среднем по стране. Если численность населения России в 1939 г. по сравнению с 1926 г. в целом составила 116,9%, то в Западной Сибири – 120,1%, в Восточной Сибири – 144,4% и на Дальнем Востоке – 189,3%. В послевоенный период продолжился процесс заселения восточных районов и соответственно рост доли Сибири и Дальнего Востока в населении страны. В 1959 г. доля европейской части в населении страны составила 80,8%, тогда как в 1939 г. она была 84,6%. В свою очередь, доля Сибири (вместе с Тюменской областью) и Дальнего Востока возросла с 15,4 до 19,2%. В 1970 г. доля азиатских районов в населении России увеличилась до 19,5% (Тюменской области – с 0,9% до 1,1%), в 1979 г. – до 20,4% (соответственно до 1,4%) и в 1989 г. – до 21,8% (2,1%) [13].

Несмотря на постоянное увеличение доли восточных регионов в населении страны в послевоенный период, роль миграции не во всех из них была постоянным компонентом демографического роста. Западная Сибирь в послевоенные годы, вплоть до середины 70-х годов в результате миграции теряла население. Лишь со второй половины этого десятилетия в рассматриваемом регионе, как, впрочем, и в России в целом миграционная убыль сменилась миграционным приростом. В Восточной Сибири наибольшие миграционные потери пришлось на вторую половину 50-х и 60-х годов. В остальные периоды почти всегда было положительное сальдо миграции. На Дальнем Востоке лишь во второй половине 50-х годов была небольшая миграционная убыль, тогда как все остальное время – был миграционный прирост. В целом картина участия воспроизводственной и миграционной компонент в демографическом развитии восточных районов России представлена в таблице 4.

Население Сибири увеличилось в послевоенный период лишь за счет повышенного естественного прироста. В это же время население Дальнего Востока росло также за счет миграционной компоненты. Доля миграционной компоненты в росте населения восточных регионов за послевоенные годы в шесть раз превышала подобную в целом по России. Таким образом, в послевоенные советские годы, несмотря на сокращение темпов прироста населения восточных регионов, оно тем не менее, продолжало возрастать. Так в 1989 г. доля Сибири (без Тюменской области и АО) и Дальнего Востока в населении России возросла к уровню 1959 г., т.е. за 30 лет с 18,3 до 19,7 процентов. Доля восточных регионов в населении России стала неуклонно снижаться лишь с наступлением постсоветского времени (таблица 5).

Таблица 4

**Участие различных компонент в динамике населения азиатской части России
в 1951–1990 гг., тыс. человек***

Table 4

**Participation of Various Components in the Dynamics of the Population of the Asian Part of Russia
in 1951–1990, Thousand People**

Регионы	Общий прирост/убыль	Естественный прирост/убыль	Миграционный прирост/убыль	Доля миграционной компоненты (в %) **
Западная Сибирь***	5420,6	5708,1	-287,5	-5,3
Восточная Сибирь	4200,2	4197,4	2,8	0,1
Дальний Восток****	4446,2	3221,0	1225,2	27,6
Вся Азиатская Россия	14067,0	13126,5	940,5	7,2
Россия в целом	45760,4	45223,9	536,5	1,2

*Данные ЦСУ РСФСР. **Доля в общем приросте или процент потерь общего прироста. ***Вместе с Тюменской областью. ****Включая Якутию.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 5

Изменение доли азиатской части в населении России, в %

Table 5

Change in the Share of the Asian Part in the Population of Russia, %

	Данные переписей населения			
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Европейская часть	80,3	81,6	82,1	82,5
Азиатская часть*, в т.ч.	19,7	18,4	17,9	17,5
Сибирь	14,3	13,8	13,5	13,3
Дальний Восток	5,4	4,6	4,4	4,2

*Без Тюменской области и входящих в неё АО.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

В 90-е годы наиболее значительно сократилось население Дальнего Востока. Там в 2002 г. проживало на 1,3 млн меньше, чем было в начале 1990 г., т.е. накануне распада СССР. В нулевые годы население региона уменьшилось еще на 400 тыс., а в десятые годы – еще почти на 170 тыс. Всего за 30 лет (1991–2020 гг.) Дальний Восток вследствие естественной убыли населения, а главное его миграционного оттока потерял почти 1,9 млн своих жителей (1870 тыс.). Население этого региона в 2020 г. было меньше, чем в 1993 г. (самая большая численность) на 22,5%, тогда как российское население в целом сократилось за это же время всего на 3,9%, что почти в 6 раз меньше, чем было сокращение населения Дальнего Востока. За исключением Якутии во всех остальных районах Дальнего Востока население сокращалась все тридцать лет существования постсоветской России. Наиболее заметно сократилось население Магаданской области (на 23,4%), Еврейской автономной области (на 17,1%), а также Сахалина и Камчатки (соответственно – на 10,1 и 12,7%). За

исключением ЕАО во всех остальных регионах сокращение в значительной мере связано с тем, что в них в советское время были излишки трудовых ресурсов. Но сокращалось население не только в северных районах, но и в геополитически важной южной части Дальнего Востока. В 2020 г. в Амурской области, Еврейской АО, Приморском и Хабаровском краях проживало 4160 тыс. человек, что почти на 300 тыс. (278 тыс.) меньше, чем было накануне 90-х годов.

Заключение (Выводы)

Резюмируя можно сказать, что стратегия восходящей демографической динамики Дальнего Востока, да и остальных восточных районов (кроме Тюменской области), неукоснительно соблюдавшаяся в дореволюционные годы, когда шло сельскохозяйственное освоение этой части страны и в советское время – время создания новых городов, промышленного развития азиатской России, почти на четверть века оказалась забытой. По сути, лишь в десятые годы XXI столетия государство вновь вернулось к стратегии

ускоренного заселения Дальнего Востока, стало применять меры его интенсивного развития. Как результат – в десятые годы темпы сокращения численности населения Дальнего Востока стали заметно меньше по сравнению с теми, которые были в 90-е годы. Это сокращение было вызвано рядом обстоятельств. Прежде всего, в десятые годы продолжали осуществляться на Дальнем Востоке, как и повсеместно в других российских регионах, принятые в 2006 г. меры по стимулированию роста рождаемости. Для Дальнего Востока также огромное значение имело осуществление мер, направленных на ускоренное развитие его экономики. Среди них – создание газопровода «Сила Сибири», моста через р. Амур и космодрома в Амурской области, модернизация предприятий, аэродромов и т.д. На Дальнем Востоке были введены особые режимы осуществления предпринимательской деятельности, среди которых установление льготных ставок арендной платы, освобождение от уплаты налогов на имущество и землю, введение нулевой ставки на прибыль, льгот по налогу на добычу полезных ископаемых и т.д.

Тем не менее, несмотря на эти и другие меры, численность населения Дальнего Востока, как и большинства районов Сибири продолжает сокращаться и в настоящее время. В 2019 г. население азиатской части страны уменьшилось относительно уровня 2018 г., за исключением в первом случае Тывы, Алтая и Новосибирской области, а во втором – Якутии. В 2020 г. по сравнению с

2019 г. вновь сократилось население Сибири и Дальнего Востока, за исключением в первом случае Тывы, Новосибирской и Томской областей, а во втором – Бурятии, Якутии и Чукотского АО. В 2021 г. в той или иной мере население сократилось повсеместно. Исключение составили Тыва, Якутия, Камчатский край и Чукотский АО. В 2022 г. сокращение произошло во всех регионах за исключением Тывы. Это сокращение населения Сибири и Дальнего Востока весь постсоветский период происходило не столько от естественной убыли, сколько от миграционного оттока. Так, в 1991–2019 гг. потери населения от естественной убыли составили 1,4 млн, тогда как миграционная убыль за эти три десятилетия достигла 2,5 млн человек.

В завершение отметим, что *общая убыль населения Сибири и Дальнего Востока за время существования постсоветской России составила почти 4 млн человек, т.е. была такой же, как и в целом по всей стране (без Крыма)*. Из этой величины на долю Дальнего Востока пришлось 68%. Из 21 региона, входящего в Сибирский и Дальневосточный округа, в $\frac{3}{4}$ из них миграционный отток продолжается до сих пор. Для изменения существующей ситуации требуется принятие не разрозненных мер, а специальной, рассчитанной и на настоящее время, и на перспективу программы или как принято в нынешней России – приоритетного национального проекта по ускоренному развитию восточных районов, особенно Дальнего Востока.

Список литературы

1. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
2. «Emigration from and Immigration into Russia» By Obolensky-Ossinsky V.V. Demographic Monographs. Volume 7 By Wakter F. Willcox. INTERNATIONAL MIGRATIONS. N.Y.-London-Paris. 1969. P. 778–810
3. Slater Paul B. Hierarchical Regionalization of RSFSR Administrative Units Using 1966–69 Migration Data // Reprint Series IX, №5 Reprinted from Soviet Geography Vol. XVI, № 7 (September 1975). Regional. Research Institute West Virginia University. Morgantown, West Virginia 20506. P. 453–465.
4. Топилин А.В. Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве. М.: Энон-Информ, 2020. 479 с. ISBN 978-5-907233-44-7
5. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия и регулирование. М.: Формула права, 2007. 576 с. ISBN 978-5-8467-0049-9
6. Ионцев В.А. Миграция населения. Вып. 3: Международная миграция. Приложение к журналу «Миграция в России». М. 2001. 112 с. ISBN 5-89209-488-X
7. Рыбаковский О.Л. Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет: [монография] / О. Л. Рыбаковский; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 471 с. DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021; EDN CCHKV>
8. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве: [монография] / Л.Л. Рыбаковский [и др.]; под ред. Л.Л. Рыбаковского. М: Academia, 2009. 432 с. ISBN 978-5-87444-313-9
9. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 34–41. EDN WBBIBB
10. Топилин А.В. Современная иммиграция в России: особенности 2011–2016 годов // Народонаселение. 2017. № 3. С. 37–50. DOI <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-3; EDN ZWTFIP>
11. Тольц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки // Демоскоп. 2012. № 497–498. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php>
12. Полян П. Жертвы двух диктатур. М.: «Ваш выбор ЦИРЗ», 1996. С. 442.

13. Рыбаковский Л.Л. Колонизация азиатской части страны: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–47. DOI <https://doi.org/10.31857/S013216250000760-9>; EDN YCNEMH

14. Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И. Демографическое развитие Азиатской России в XX–XXI веках: оценка результатов // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 64–73. DOI <https://doi.org/10.31857/S013216250002786-7>; EDN YPHVPF

Информация об авторе:

Леонид Леонидович Рыбаковский – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия
(e-mail: 1284781@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 71691) (ORCID:<http://orcid.org/0000-0002-9702-2534>)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Isard, W. *Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh*. Moscow: Progress; 1966. 660 p. (In Russ.)
2. «Emigration from and Immigration into Russia» By Obolensky-Ossinsky V.V. *Demographic Monographs*. Vol. 7 By Wakter F. Willcox. *INTERNATIONAL MIGRATIONS*. N.Y.-London-Paris; 1969.
3. Slater Paul B. Hierarchical Regionalization of RSFSR Administrative Units Using 1966–69 Migration Data. Reprint Series IX, № 5 Reprinted from *Soviet Geography* Vol. XVI, № 7 (September 1975). Regional Research Institute West Virginia University. Morgantown, West Virginia 20506, 453–465 p.
4. Topilin A.V. Migratsiya naseleniya i formirovanie trudovykh resursov v SSSR i na postsovetском prostranstve. Moscow: Enon-Infom; 2020. 479 p. (In Russ.) ISBN 978-5-907233-44-7
5. Ryazantsev S.V. Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya i regulirovanie. Moscow: Formula prava = Formula of law; 2007. 576 p. (in Russ.) ISBN 978-5-8467-0049-9
6. Iontsev V.A., Migration of the population. Vol. 3: *International migration. Supplement to the journal "Migration in Russia"*. Moscow; 2001. 112 p. (In Russ.)
7. Rybakovskii O.L. Regularities and features of interregional migration relations of the population of Russia for 50 years: [monograph]. O.L. Rybakovskii; FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAN; 2022. 471 p. (in Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021>
8. Transformation of migration processes in the post-Soviet space. ed. L.L. Rybakovsky. Moscow: Academia; 2009. 432 p. (In Russ.) ISBN 978-5-87444-313-9
9. Rybakovskii O.L., Tajunova O.A. Implementation of the concept of demographic policy in Russia in the field of permanent migration. Russia. Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2016;(6):34–41. (In Russ.)
10. Topilin A.V. Modern immigration in Russia: features of 2011–2016. *Narodonaselenie = Population*. 2017;(3):37–50. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-3>
11. Tolts M. Post-Soviet Jewish Diaspora: Newest Assessments. 2012(497–498). URL: <http://www.demoscope./weekly/2012/0497/tema01.php>. (In Russ.)
12. Polyan P. Zhertyy dvukh diktatur. Moscow: Vash vybor TSIRZ; 1996. (In Russ.)
13. Rybakovskii L.L. Colonization of the Asian part of the country: features of implementation and geopolitical consequences. Russia. Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2018;(8):38–47. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.31857/S013216250000760-9>
14. Rybakovskii L.L., Savinkov V.I., Kozhevnikova N.I. Demographic development of Asian Russia in the XX–XXI centuries: Evaluation of results Russia. Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2018;(11):64–73. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.31857/S013216250002786-7>

Information about the author:

Leonid L. Rybakovskii – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker of Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia
(e-mail: 1284781@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 71691) (ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9702-2534>)
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 02.07.2023; accepted for publication 15.08.2023

Оригинальная статья

УДК 331.5

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349

EDN: GGKNRO

Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы

Татьяна Олеговна Разумова¹, Ирина Георгиевна Телешова²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ (tatiana.razumowa@yandex.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5726-4136>)

² (teleshovamsu@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5961-1939>)

Аннотация

В современном мире система высшего образования одновременно выполняет две функции: с одной стороны, обеспечивает рынок труда рабочей силой высшей квалификации, а, с другой стороны, предоставляет гражданам возможность саморазвития и самореализации. Статья посвящена вопросам совершенствования российской системы высшего профессионального образования на современном этапе её развития: определению основных вызовов, стоящих перед системой высшего образования России в настоящее время, и возможных направлений её развития. Рассматривая рынок труда как основной фактор развития системы высшего и дополнительного профессионального образования, авторы в теоретической части представляют методологические основы взаимодействия системы образования и рынка труда, останавливаясь на важнейших положениях теории человеческого капитала, теории образовательных сигналов, концепции непрерывного образования. В практической части статьи представлен анализ направлений реформирования российской системы высшего образования за последние тридцать лет, к числу которых авторы относят: модернизацию структуры системы образования, изменение сроков обучения, перечня специальностей и направлений подготовки, наименований квалификаций; использование компетентностного подхода при разработке и реализации образовательных программ; обеспечение взаимосвязи системы образования и рынка труда. Особое внимание авторы уделяют анализу подходов к разработке и реализации образовательных программ, предоставляющих обучающемуся возможность получения нескольких квалификаций. При этом одной из первоочередных задач является институционализация соответствующего понятийно-категориального аппарата: академическая/образовательная степень/квалификация, профессиональная квалификация, а также определение методологических подходов и принципов формирования их формулировок. В заключении представлены принципиальные положения, которые, по мнению авторов, необходимо принимать во внимание в рамках осуществления трансформации системы высшего образования для обеспечения эффективной системы взаимодействия рынка труда и системы высшего профессионального образования.

Ключевые слова: рынок труда, система высшего образования, непрерывное образование, компетентностный подход, компетенции, результаты обучения, федеральные государственные образовательные стандарты, профессиональные стандарты, квалификации

Для цитирования: Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349; EDN GGKNRO

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349

EDN: GGKNRO

Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives

Tatiana O. Razumova¹, Irina G. Teleshova²

^{1,2} Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

¹ (tatiana.razumowa@yandex.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5726-4136>)

² (teleshovamsu@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5961-1939>)

Abstract

In the modern world, the higher education system simultaneously performs two functions: on the one hand, it provides the labor market with a highly qualified workforce, and, on the other hand, it provides citizens with the opportunity for self-development and self-realization. The article is devoted to the issues of improving the Russian system of higher professional education at the present stage of its development: identifying the main challenges facing the Russian higher education system at the present time, and possible directions of its development. Considering the labor market as the main factor in the development of the system of higher and additional vocational education, the authors in the theoretical part consider the methodological foundations of the interaction of the education system and the labor market, focusing on the most important provisions of the theory of human capital, the theory of educational signals, Life-long learning concept. The practical part of the article presents an analysis of the directions of reforming the Russian higher education system over the past thirty years, among which the authors include: modernization of the structure of the education system, changing the terms of study, the list of specialties and areas of training, the names of qualifications; the use of a competence-based approach in the development and implementation of educational programs; ensuring the relationship between the education system and the labor market. The authors pay special attention to the analysis of approaches to the development and implementation of educational programs that provide students with the opportunity to obtain several qualifications. At the same time, one of the primary tasks is the institutionalization of the corresponding conceptual and categorical apparatus: academic/educational degree/qualification, professional qualification, as well as the definition of methodological approaches and principles of the formulations of their names. In conclusion, the principal provisions are presented, which, according to the authors, should be taken into account in the framework of the transformation of the higher education system to ensure an effective system of interaction between the labor market and the system of higher professional education.

Keywords: labor market, higher education system, continuing education, competence approach, competencies, learning outcomes, federal state educational standards, professional standards, qualifications

For citation: Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):338–349. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349

Введение

Конец XX – начало XXI века ознаменовались существенными изменениями в системе образования России. На наш взгляд, роль образования в постоянно меняющемся мире достаточно чётко была сформулирована в Обращении лидеров стран «Группы восьми» в июле 2006 года в Санкт-Петербурге: «Образование составляет основу прогресса человечества. Социально-экономическое процветание в XXI веке зависит от способности стран обеспечивать образование всех членов общества, с тем, чтобы дать возможность каждому человеку преуспеть в стремительно меняющемся мире. Инновационное общество готовит граждан жить в условиях быстрых перемен»¹.

На долю высшего профессионального образования в социально-экономической системе выпало решение одновременно двух задач: обеспечение потребности народного хозяйства в целом и рынка труда, в частности, в высококвалифицированных специалистах с точки зрения потребностей как отраслей, так и регионов, и удовлетворение запросов интеллектуального и профессионального развития конкретной личности. Сложность ситуации заключается в том, что решение этих задач система образования должна обеспечить не последовательно, не параллельно, а в определённой взаимосвязи. Ответ на потребности народного хозяйства нельзя рассматривать как простую сумму готовности индивидов работать в конкретной отрасли и конкретном регионе в данный конкретный момент. Отраслевые и региональные рынки труда в современных условиях быстро меняются, поэтому точно спрогнозировать их состояние с позиций количественных и качественных характеристик спроса на конкретные виды профессиональной деятельности на среднесрочную и долгосрочную перспективу представляется проблематичным. В течение трудовой деятельности одного конкретного человека профессии могут исчезнуть, модифицироваться (появляются новые задачи, трудовые функции, инструменты и методы их реализации), могут появиться новые профессии. Одновременно система образования наряду с семьёй, средствами массовой информации и т.п. формирует человека как гражданина, личность, развивает

его интеллектуальные потребности [1]. Отдельного самостоятельного исследования за рамками данной работы заслуживает то, что совершенствование системы высшего профессионального образования в современной России должно быть направлено на формирование у студентов ценностей приверженности отдачи от полученных знаний процветанию своей страны, т.е. формированию их гражданских качеств.

Необходимо учитывать, что решение этих задач происходит в условиях ограниченных ресурсов: каждый уровень образования, каждая образовательная программа имеет определённую продолжительность обучения, каждая образовательная организация имеет профессорско-преподавательский состав, обладающий определёнными знаниями, методиками, технологиями преподавания, определённую материально-техническую базу.

Вопросы трансформации системы высшего образования в последние десятилетия находятся в центре внимания исследователей [2–12].

Целью данной статьи является определение основных вызовов, стоящих перед системой высшего образования России в настоящее время, и возможных направлений её развития.

В качестве объекта исследования авторы рассматривают систему высшего и дополнительного профессионального образования России в период 90-х годов XX века – 20-х годов XXI века. Предмет исследования – взаимодействие системы высшего образования и рынка труда.

Исследовательская гипотеза: совершенствование системы высшего профессионального образования в современной России должно быть направлено на наиболее полное удовлетворение потребностей рынка труда в высококвалифицированных специалистах и потребностей граждан в формировании и реализации человеческого капитала, что закономерно требует глубокого и разностороннего анализа факторов как внешнего, так и внутреннего характера.

Рынок труда как фактор развития системы высшего и дополнительного образования

Рынок труда подаёт сигналы спроса на работников в виде складывающейся заработной платы по определённым видам экономической деятельности, профессиям, специальностям. Сигналы эти воспринимаются домохозяйствами, обеспе-

¹ Обращение «Образование для инновационных обществ», июль 2006 года, Санкт-Петербург, встреча лидеров стран «Группы восьми», URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3717> (дата обращения: 19.06.2023).

чивающими предложение труда, которые, в свою очередь делают выбор направления и специализации профессионального обучения для подрастающего поколения. Главным регулятором процесса выступает государство, устанавливающее контрольные цифры приёма в профессиональные учебные заведения, тем самым закладывая на перспективу масштабы выпуска специалистов по конкретным профессиям и специальностям. Невершенство данного процесса предопределяется рядом факторов, как со стороны спроса, так и со стороны предложения труда:

во-первых, неопределённостью спроса на работников в перспективе 3–5 лет вследствие неопределённости приоритетов инвестиций в социально-экономическое развитие и, соответственно, недостаточной предсказуемости ожидаемой динамики рабочих мест;

во-вторых, сложно предсказуемыми изменениями в масштабах и структуре спроса на рабочую силу вследствие технологических трансформаций и других факторов высокой степени неопределённости;

в-третьих, возможным отказом выпускников от работы по полученной специальности из-за ошибки выбора профессии, разочарования в содержании труда, условиях труда, уровне оплаты и пр. [13];

в-четвёртых, наблюдаемой в ряде случаев невозможностью трудоустройства выпускников по специальности из-за недостаточного, с точки зрения работодателя, уровня подготовки;

в-пятых, формированием спроса на рынке труда не только на профессиональные, но и на надпрофессиональные (универсальные) компетенции.

Указанные противоречия признаны и осознаны в научном сообществе. На протяжении многих лет идёт поиск путей преодоления данных противоречий. Рассмотрим их подробнее.

В теории человеческого капитала, основы которой были заложены Нобелевскими лауреатами Гэри Беккером и Теодором Шульцем [14; 15], в части анализа экономической целесообразности индивидуальных инвестиций в профессиональное образование, важным фактором выступает временной лаг между началом и окончанием профессионального обучения: чем дольше происходит процесс обучения, тем выше прямые и альтернативные издержки, меньше времени остается для получения отдачи от приобретённого образования. Именно эти экономические факторы определяют то, что очное обучение как основной вид деятельности предпочтительно в молодом возрасте, а в старших возрастах обучение осуществляется чаще без отрыва от производства. В модели

Беккера показано, что спрос на профессиональное образование повышается, когда прирост заработка, получаемый индивидом, благодаря приобретённому образованию, превышает издержки (прямые и альтернативные) на его получение. При анализе спроса на труд и предложения труда лиц с профессиональным образованием (специалистов) важным фактором сбалансированности становится возможность получить необходимую профессию за достаточно короткое время, пока спрос на эту профессию на рынке труда не удовлетворён. Соответственно, делается важный для сегодняшней ситуации вывод о том, что многоступенчатое образование (бакалавр-магистр) более привлекательно, так как позволяет осуществлять базовую подготовку за более короткое время в бакалавриате, а затем «тонкую подстройку» в магистратуре. На более короткий период легче спрогнозировать спрос, структурные и технологические изменения.

Важным вкладом в теоретико-методологические основы взаимосвязи образования и рынка труда выступает теория образовательных сигналов, выдвинутая в второй половине XX-го века Нобелевским лауреатом Майклом Спенсом [16]. Согласно этой теории, работодатель на рынке труда ищет подходящих работников на имеющиеся у него вакансии. При этом работодатель, стремясь сократить издержки на подбор, реагирует на простые и понятные характеристики претендентов на работу (сигналы): пол, возраст, образование. Таким образом, свидетельство об образовании (аттестат, сертификат, диплом) выступает гарантом готовности претендента к определённому роду деятельности. Интересно, что, с точки зрения автора теории, образовательный сигнал служит не столько информацией об определённом наборе знаний, сколько об интеллектуальных способностях и личностных характеристиках, которые позволили выпускнику университета успешно преодолеть все сложности, связанные с получением высшего образования, а, следовательно, именно благодаря природным способностям и сформированным компетенциям такой претендент может стать эффективным работником. В современных условиях, когда высшее образование становится широко распространённым, образовательный сигнал модифицируется, работодатели не просто смотрят на наличие или отсутствие высшего образования, а акцентируют внимание на том, каков бренд учебного заведения, действительно ли в процессе обучения формируются необходимые рынку труда компетенции [17].

Таким образом, согласно базовым экономическим теориям, образование вообще и профес-

сиональное образование, в частности, выступает, с одной стороны, как способ формирования человеческого капитала, знаний, умений, навыков, востребованных на рынке труда, а с другой стороны, выступает подтверждением способностей и мотивации индивида к интеллектуальной деятельности.

Наряду с этими классическими теориями, в современных условиях получила подтверждение и развитие Концепция непрерывного образования (Life-long learning) [18,19]. Развитие технологий, рост производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве уже к середине 20-го века привели к радикальным изменениям в структуре занятости, перетоку работников из традиционных сфер в третичный сектор. В 21-м веке цифровизация, роботизация, искусственный интеллект ведут к вытеснению человека не только из видов деятельности, связанных с физическим, но и умственным трудом. При этом сохраняется потребность работников в заработке, общества в обеспечении занятости населения, а конкуренция за привлекательные рабочие места обостряется, причём благодаря цифровым технологиям эта конкуренция идёт уже не столько на локальных, сколько на глобальных рынках труда.

Профессионал нового поколения, профессионал будущего, в нашем понимании, – работник, компетенции которого соответствуют его текущим трудовым функциям, и при этом потенциал его включает способности, желание и готовность к обучению, направленному на расширение своих возможностей на рынке труда. Для формирования, поддержания и повышения своей конкурентоспособности на рынке труда работнику необходимо в той или иной мере продолжать обучение в течение жизни.

Профессионалов нового поколения может сформировать новая система образования. Парадигма обучения через всю жизнь предполагает наличие образовательных программ основного образования и программ дополнительного образования переподготовки и повышения квалификации, которые обеспечивают соответствующее сопровождение, поддержку профессионального развития человека и имеют свою специфику в содержании, сроках реализации, методиках и технологиях преподавания и обучения. В качестве факторов, которые приходится принимать во внимание человеку, выбирая для себя формат профессиональной подготовки или переподготовки, повышения квалификации, совершенствования так называемых «мягких» навыков, выступают время, расстояние, цена, качество.

Реформа системы высшего образования

В последние 30 лет отечественная система образования постоянно находится в процессе трансформации по целому ряду как объективных, так и субъективных причин. Не претендуя на полноценный, всесторонний анализ, в рамках данной статьи остановимся на следующих аспектах реформирования:

- 1) структура системы образования, сроки обучения, перечень специальностей и направлений подготовки, наименование квалификаций;
- 2) использование компетентного подхода при разработке и реализации образовательных программ;
- 3) взаимосвязь системы образования и рынка труда.

При этом следует отметить, что указанные направления мы рассматриваем не в качестве набора отдельных самостоятельных решений и мероприятий, а как систему взаимосвязанных мер, направленных на повышение результативности, эффективности системы высшего и дополнительного профессионального образования. По каждому направлению достигнуты определённые успехи, но остаются и проблемы, которые требуют решения.

Структура системы образования, сроки обучения, перечень специальностей и направлений подготовки задают институциональные рамки формирования и функционирования системы образования. В рассматриваемый период система образования постепенно, путем нескольких итераций перешла к многоуровневой структуре, что нашло свое отражение как в Законах об образовании², так и в соответствующих Перечнях/классификаторах направлений и специальностей. Например, уже в 1994 году Приказом Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию № 180 от 05.03.1994 г. был утверждён Государственный образовательный стандарт в части классификатора направлений и специальностей высшего профессионального образования, который представлял собой «систематизированный перечень направлений (классифицированных по областям знаний) и специальностей (классифицированных по группам родственных специальностей) подготовки специалистов с

² Федеральный закон от 10.07.1992 N 3266-1 «Об образовании», ст. 9. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/5e4911811fd0807f24a3edf89a94806175092ae/ (дата обращения: 19.06.2023).

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023, с изм. и до. вступ. в силу с 28.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» ст. 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/1a45a123ee3e2ffe74cac4d567d8881ba35fb291/ (дата обращения: 19.06.2023).

высшим образованием»³. При этом, как указано в данном документе, «в отличие от специальности высшего образования направление обеспечивает специалисту более широкую область профессиональной деятельности»⁴. Таким образом, закладывалась система образования, которая могла бы, с одной стороны, обеспечивать широкую фундаментальную подготовку кадров, позволяющую человеку не только достаточно быстро адаптироваться к новым видам занятости на рынке труда, но и генерировать создание новых технологий, профессий, развивать рынок труда, с другой стороны, осуществлять подготовку высококвалифицированных специализированных кадров, например, для высокотехнологичных отраслей. Следует отметить, что подобного вида диверсификация подготовки востребована как рынком труда, которому нужны изобретатели, генераторы новых идей и технологи, исполнители, готовые и способные довести идеи до практической реализации, так и конкретными индивидами, потому что люди разные с точки зрения менталитета, способностей.

Формирование многоуровневой системы на практике имело разные варианты:

- формальный, технократический подход: действовавшие пятилетние учебные планы сократили на один год обучения и сказали, что этот выпускник теперь будет получать степень/квалификацию высшего образования «Бакалавр», а к этому году прибавили один год и получили выпускника двухлетней магистерской программы со степенью/квалификацией высшего образования «Магистр»;
- подготовку магистров рассматривали как единую 6-летнюю программу обучения, включающую основную образовательную программу подготовки бакалавра и программу специализированной подготовки. В этом случае выпускники магистратуры в Приложении к диплому получали информацию об освоении программы бакалавриата и программы магистратуры. Данный вариант практически воспроизводил модель подготовки специалиста только с 6-летним сроком обучения;

³ Приказ Госкомвуза России от 05.03.1994 № 180 «Об утверждении государственного образовательного стандарта в части Классификатора направлений и специальностей высшего профессионального образования», URL: https://sro-ssp.ru/upload/iblock/b99/prikaz_goskomvuza_rossii_ot_05.03.1994_n_180.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

⁴ Приложение к Приказу Госкомвуза России от 05.03.1994 №180 «Об утверждении государственного образовательного стандарта в части Классификатора направлений и специальностей высшего профессионального образования», URL: https://sro-ssp.ru/upload/iblock/b99/prikaz_goskomvuza_rossii_ot_05.03.1994_n_180.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

- подготовку бакалавров, магистров, дипломированных специалистов рассматривали как единую модель, которая получила название «Матрёшка»: 4 года (бакалавриат) +1 год (специалист) + 1 год (магистр);
- подготовку бакалавров-магистров и дипломированных специалистов рассматривали как самостоятельные модели со своими целями и задачами.

На наш взгляд, именно последний в этом перечислении вариант способен обеспечить повышение результативности и эффективности системы образования. При этом в основе его реализации целесообразно использовать **компетентностный подход к разработке и реализации образовательных программ**, который предполагает, в первую очередь, формирование компетентностной модели выпускника образовательной программы, а затем уже разработку учебных планов с соответствующим набором дисциплин, практик, используемых методик и технологий преподавания, обучения и оценивания. Реализация этого подхода требует ответа на целый ряд вопросов.

Кто может и должен сформировать компетентностную модель выпускника образовательной программы: рынок труда, система образования, конкретная образовательная организация? Ответ на этот вопрос в определённой степени дали сначала государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ГОС ВПО, 1993–1999 гг.), которые наряду с перечнем дисциплин и дидактическими единицами устанавливали требования к знаниям и умениям выпускника⁵, а затем уже федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО), которые в соответствии с Законом «Об образовании в Российской Федерации» включали в себя требования к результатам освоения программ соответствующего уровня⁶ сначала в виде общекультурных и профессиональных компетенций (ФГОС ВПО), затем общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций (ФГОС ВО 3+), универсальных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций (ФГОС ВО 3++)⁷. Разрабатываемые в на-

⁵ Архив стандартов ГОС ВПО, URL: <https://fgosvo.ru/arch/Doctor of Economics ivegosvo/index/2> (дата обращения: 19.06.2023).

⁶ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации», ст. 11, п. 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/dfbe1cf7aa2e2acfd7b8e7ad37cdf71b759c539d/ (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ ФГОС ВПО, ФГОС ВО 3+, ФГОС ВО 3++, URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/4> (дата обращения: 19.06.2023).

стоящее время проекты ФГОС ВО нового поколения на укрупнённую группу специальностей и направлений подготовки предполагают выделение ещё одного вида компетенций – базовых, которые должны будут определить фундаментальные требования к выпускникам в определённой области науки и практики и стать критерием объединения направлений и специальностей в укрупнённую группу подготовки кадров. При этом в академическом сообществе и по сей день идут дискуссии в части понятийно-категориального аппарата: «компетенция» или «компетентность», что такое «индикаторы достижения компетенций», результаты обучения, может ли образовательная программа обеспечить формирование у выпускника определённых владений или достаточно обеспечить получение знаний и умений, что понимается под универсальными, базовыми, общепрофессиональными, профессиональными компетенциями, сколько универсальных, базовых, общепрофессиональных и профессиональных компетенций может быть сформировано в рамках образовательной программы определённого уровня и т.д.

Как обеспечить единство образовательного пространства, взаимопонимание системы образования и рынка труда в ситуации, когда ФГОСы ограничиваются формулировкой компетенций, а индикаторы достижения, результаты обучения каждая образовательная организация устанавливает самостоятельно? На наш взгляд, несомненно, заслуживает поддержки решение о включении в проекты ФГОС ВО нового поколения не только формулировок компетенций, но и соответствующих результатов их достижения. В этом случае самостоятельность и ответственность образовательной организации будет заключаться в возможности дополнить перечень соответствующих компетенций и разработать и реализовать уникальные учебные планы с набором конкретных дисциплин, практик, обеспечивающих формирование компетенций.

Кто и как обеспечит формирование соответствующих компетенций у студента? На наш взгляд, в центре внимания образовательных организаций должны стать вопросы методик и технологий преподавания, обучения и оценивания. Сформированность компетенций у студента, конечно, зависит от педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава вузов. Однако, не меньшее значение имеет и индивидуальная работа студента. Поэтому не случайно в общей трудоёмкости освоения дисциплины выделяются часы для контактной работы студента с преподавателем и самостоятельной работы студента. В зависимости от результатов обучения, обеспечение которых планируется в рамках изучения

конкретной дисциплины, и общей трудоёмкости дисциплины преподаватель должен иметь право устанавливать формы проведения аудиторных занятий, самостоятельной работы студентов и определять их трудоёмкость. При этом предметом оценки должны быть не степень изучения той или иной темы в рамках данной дисциплины, а достижение планируемых результатов обучения, т.е. знаний и умений. Следует обратить внимание и на необходимость изменения учёта и оценки нагрузки преподавателей. Увеличение доли самостоятельной работы в общей трудоёмкости дисциплины влечёт за собой, с одной стороны, сокращение, так называемой, аудиторной нагрузки преподавателя, но, с другой стороны, увеличивает время работы преподавателя по методическому обеспечению и сопровождению самостоятельной работы студентов. Однако, в настоящее время, к сожалению, нагрузка преподавателя чаще всего измеряется часами, проведёнными в аудитории.

Кроме того, актуальным остаётся **вопрос повышения квалификации профессорско-преподавательского состава как с точки зрения педагогического мастерства, так и специальных знаний в конкретных областях науки и практики.** Существующая в вузах практика привлечения представителей рынка труда к учебному процессу, к государственной итоговой аттестации должна развиваться. Однако, на наш взгляд, необходимо также предусмотреть возможность стажировок профессорско-преподавательского состава на предприятиях и организациях.

Несомненно, компетентностный подход является одним из инструментов, обеспечивающих решение задачи **взаимодействия рынка труда и системы образования.** В соответствии с п. 8.1 ст. 12 Закона «Об образовании в Российской Федерации»⁸ и п.3.4 ФГОС ВО 3++⁹ образовательные программы высшего образования в части профессиональных компетенций разрабатываются организациями, осуществляющими образовательную деятельность, на основе профессиональных стандартов (при наличии). Анализ опыта разработки и реализации ФГОС ВО 3++ и образовательных программ в области экономики и управления позволяет выявить ряд трудностей и проблем как с точки зрения содержания, мето-

⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/38e6fc208f73b94f1595dbef3aafb62c3f41281/ (дата обращения: 19.06.2023).

⁹ Приказ Министерства Науки и высшего образования РФ от 12.08.2020 г № 954 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика» (с изменениями и дополнениями), URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380301_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 19.06.2023)

дологии, так и механизмов выполнения. Не претендуя на полный перечень, сформулируем некоторые из них.

Во-первых, учитывать требования профессиональных стандартов предполагается только при установлении профессиональных компетенций. Однако выполнение ряда обобщённых трудовых функций (ОТФ), трудовых функций (ТФ) требует наличия у выпускника сформированных универсальных и общепрофессиональных компетенций.

Во-вторых, как уже отмечалось, предоставленная каждой образовательной организации самостоятельность в установлении профессиональных компетенций не только не обеспечивает единства образовательного пространства, но и затрудняет установление взаимопонимания между рынком труда и системой образования. Каждая образовательная организация на основе анализа одних и тех же обобщённых трудовых функций может сформулировать разные профессиональные компетенции и, соответственно, обеспечить выпускнику получение разных знаний и умений, что затруднит человеку прохождение профессиональной сертификации, получение профессиональной квалификации и трудоустройства. Кроме того, на разных этапах (в различных Методических рекомендациях Министерства науки и образования и Национального совета при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям) предлагались разные методики и технологии установления взаимосвязи между обобщёнными трудовыми функциями, трудовыми функциями и профессиональными компетенциями: либо для каждой обобщённой трудовой функции формулировать соответствующую профессиональную компетенцию, либо профессиональная компетенция должна была стать обобщением нескольких обобщённых трудовых функций, трудовых функций.

В-третьих, разработка формулировок профессиональных компетенций представляет собой достаточно трудоёмкий процесс, требующий наличия определённой подготовки у профессорско-преподавательского состава образовательных организаций. Не случайно были разработаны и утверждены Министерством науки и образования, Национальным советом при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям методические рекомендации по актуализации Федеральных образовательных стандартов, разработке образовательных программ, регламент взаимодействия участников процесса разработки федеральных образовательных стандартов профессионального образования в соответствии с принимаемыми профессиональными стандартами.

В-четвёртых, рынок труда постоянно меняется, совершенствуется, в связи с чем действующие профессиональные стандарты полностью или частично теряют актуальность, появляются новые профессиональные стандарты. Скорость этих изменений порой бывает гораздо выше, чем скорость и возможность изменения не только ФГОС ВО, но и основных образовательных программ высшего образования.

Определённое решение сформулированных проблем, на наш взгляд, предоставили изменения, внесённые в ст. 12 п. 8 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰, в соответствии с которыми образовательные организации могут разрабатывать образовательные программы, предоставляющие возможность одновременного получения обучающимся нескольких квалификаций. Такой подход мог бы стать достойным ответом тем критикам существующей системы, которые утверждают, что работодателям непонятно, кем может работать, например, бакалавр экономики. Так учебный план подготовки бакалавра экономики может включать соответствующие элективные дисциплины и практики, выбор и освоение которых позволит сформировать у обучающегося наряду с универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, которые в совокупности будут соответствовать требованиям ФГОС ВО и профессионального стандарта, и получить 2 квалификации: бакалавр экономики и специалист по экономике труда, бакалавр экономики и бухгалтер.

Следует отметить, что реализация данного положения достаточно активно обсуждается как представителями рынка труда, так и академическим сообществом.

В дискуссии о нескольких квалификациях рассматривается возможность получения обучающимся наряду с образовательной (академической) квалификацией одной и более профессиональных квалификаций. Однако, в настоящее время такой нормативно установленной классификации квалификаций не существует. Так, например, в ст. 2 п. 5 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» квалификация определяется как «уровень знаний, умений, навыков и компетенций, характеризующий подготовленность к выполнению определённого вида профессиональной деятельности»¹¹. В рамках

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023), ст. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/38e6fc208f73b94f1595dbef3aafb62c3f41281/ (дата обращения: 19.06.2023).

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации», ст. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 19.06.2023).

образовательной программы подготовка обучающегося может осуществляться по нескольким различным видам деятельности/решению задач профессиональной деятельности (п. 1.2 ФГОС ВО 3++¹²), соответственно обучающийся может получить несколько квалификаций. При этом ст. 11 п. 8 этого же Закона говорит о квалификации, присваиваемой по соответствующим специальностям и направлениям подготовки высшего образования¹³. Трудовой кодекс РФ дает определение квалификации работника как уровня знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы¹⁴. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно ввести понятия «академической/образовательной квалификации/степени», которую получает выпускник по завершении обучения и прохождения итоговой аттестации по образовательной программе соответствующего уровня и соответствующей специальности/направления, и «профессиональной» квалификации, которая присваивается также по завершению образовательной программы, но в соответствии с требованиями соответствующего профессионального стандарта, который в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации представляет собой не что иное, как «характеристику квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определённой трудовой функции»¹⁵.

На наш взгляд, целесообразно наличие единого нормативного документа, устанавливающего перечень профессиональных квалификаций, по аналогии с Приказом Министерства науки и высшего образования «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и програм-

мам ассистентуры-стажировки»¹⁶. В настоящее время образовательным организациям рекомендуется использовать Перечень профессий среднего профессионального образования, Перечень квалификаций, которые формируются по итогам реализации программ дополнительного профессионального образования, и Перечень квалификаций, которые размещаются в Реестре сведений о проведении независимой оценки квалификаций (проект макета ФГОС ВО 4 п.1.6). Особенно следует обсудить целесообразность наличия единого документа (реестра) о профессиональных квалификациях, которые могут быть получены в результате как освоения самостоятельных программ повышения квалификации и переподготовки (ДПО), так и освоения отдельных модулей в рамках основной образовательной программы.

Учитывая, что профессиональная квалификация более широкое понятие, чем даже набор профессиональных компетенций, на наш взгляд, целесообразно говорить о компетентностной модели профессиональной квалификации, которая будет включать в себя не только профессиональные, но и универсальные и общепрофессиональные компетенции. При этом нужно иметь в виду, что, с одной стороны, на базе одной «академической квалификации» могут быть сформированы несколько «профессиональных квалификаций», с другой стороны, одна «профессиональная квалификация» может быть сформирована на базе разных «академических квалификаций». Формирование компетентностной модели профессиональной компетенции и соответствующих фондов оценочных средств достижения результатов обучения и сформированности компетенций должно стать прерогативой соответствующих Федеральных учебно-методических объединений (ФУМО) и Советов по профессиональным квалификациям (СПК). Так, например, в области экономики и финансов данные модели должны быть сформированы СПК финансового рынка и ФУМО в системе высшего образования по укрупнённой группе специальностей и направлений (УГСН) 38.00.00 «Экономика и управление». Данная модель будет включать как перечень универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, так и соответствующих обобщённых результатов их достижения. Такой подход, на наш взгляд, позволит обеспечить единство содержания профессиональных квалифика-

¹² Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12.08.2020 г № 954 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика» (с изменениями и дополнениями), URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380301_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

¹³ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. и доп., вступ. в силу 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/dfbe1cf7aa2e2acfd7b8e7a4d37cdf71b759c539d/ (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁴ Федеральный закон от 30.12.2001 N 197 (ред. от 13.06.2023, с изм. от 15.06.2023), «Трудовой кодекс Российской Федерации», ст. 195.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e185e25735310e657309a01b515a25107fac8784/ (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁵ Федеральный закон от 30.12.2001 N 197 (ред. от 13.06.2023, с изм. от 15.06.2023), «Трудовой кодекс Российской Федерации», ст. 195.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e185e25735310e657309a01b515a25107fac8784/ (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁶ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 01.02.2022 N 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403503990/> (дата обращения: 19.06.2023).

ций и снизит нагрузку с образовательных организаций по анализу профессиональных стандартов. Ответственностью образовательной организации станет обеспечение формирования компетенций и результатов обучения. В ходе независимой оценки квалификаций, которая может быть совмещена как с промежуточной аттестацией по образовательному модулю, так и итоговой государственной аттестацией, Центр оценки квалификаций и образовательная организация на основе соответствующих фондов оценочных средств в соответствии с установленными регламентами будут принимать решение о присвоении профессиональной квалификации обучающемуся.

Очевидно, что при переходе от формирования единичных профессиональных компетенций к обеспечению возможности получения обучающимся одной и более профессиональных квалификаций предстоит актуализировать профессиональные стандарты с точки зрения перечня профессиональных квалификаций, принципов их выделения, актуализации действующих и разработки новых профессиональных стандартов.

Так, например, в настоящее время Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка утвердил 45 профессиональных квалификаций, предполагающих для выполнения соответствующих обобщённых трудовых функций наличие высшего образования уровня бакалавриата, и 35 профессиональных квалификаций – уровня магистратуры, Совет по профессиональным квалификациям в области управления персоналом утвердил 14 профессиональных квалификаций, соответствующих уровню бакалаврской подготовки и 9 профессиональных квалификаций – магистерской.¹⁷ При этом часть из этих квалификаций предполагает наличие опыта работы не менее 1 года. Соответственно, в данном случае мы можем говорить о подготовке и сдаче в рамках промежуточной аттестации и НОК только теоретической части.

Заслуживает внимания вопрос о наименовании как академических/образовательных квалификаций, так и профессиональных квалификаций. В настоящее время термин «специалист» используется как при формулировке образовательных квалификаций, например, «специалист таможенного дела», так и при формулировке профессиональных квалификаций, например, «специалист по управлению рисками», «специалист по нормированию труда». С другой стороны, в наименовании профессиональных квалификаций используется термин «руководитель», например, «Руководитель структурного подразделения в области управления персоналом», «Руководитель

аудиторской организации», что скорее всего относится к наименованию конкретной должности.

Определённую работу предстоит провести и при разработке ФГОС ВО нового поколения, определив ответственность ФУМО ВО, СПК за установление не только перечня профессиональных компетенций, но и соответствующих результатов обучения.

ФУМО в системе высшего образования по УГСН 38.00.00 «Экономика и управление», Национальное агентство развития квалификаций, Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка провели ряд совместных заседаний, создали совместную рабочую группу по подготовке методических рекомендаций по разработке и реализации образовательных программ, предоставляющих возможность одновременного получения обучающемуся нескольких квалификаций, и проведения независимой оценки квалификаций. При этом перед рабочей группой поставлены достаточно амбициозные задачи не только разработать Методические рекомендации, но и провести апробацию предлагаемых методик, технологий, регламентов и в дальнейшем предложить тиражируемый сценарий получения и последующего подтверждения профессиональной квалификации, сценарий, который может быть распространён и на другие УГСН.

Заключение

Перед системой высшего образования и рынком труда стоит сложная задача обеспечения сбалансированности между потребностью рынка труда в профессиональных кадрах и подготовкой соответствующих кадров в системе высшего образования. На протяжении ряда лет предпринимались попытки решить эту задачу разными путями. Например, процедуры установления контрольных цифр приема, целевой прием потенциально предполагают обеспечение учёта потребностей отраслей в целом и конкретных предприятий, потребностей регионов при подготовке кадров в системе высшего образования. Обеспечить удовлетворение потребностей рынка труда с точки зрения готовности выпускников выполнять конкретные виды деятельности, решать профессиональные задачи определённого типа призваны образовательные программы вузов, разрабатываемые в соответствии с требованиями Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации», Федеральных государственных образовательных стандартов.

Согласно п.1 ст.11 ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» «Федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования обеспе-

¹⁷ Реестр сведений о проведении независимой оценки квалификаций. URL: <https://nok-nark.ru/pk/list/> (дата обращения: 19.06.2023).

чивают... возможность формирования основных профессиональных образовательных программ различных уровней сложности, профилей и направленности с учётом образовательных потребностей и способностей обучающихся, а также потребностей общества и государства в квалифицированных кадрах»¹⁸. В свою очередь ФГОС ВО, конкретизируя выполнение данного требования, устанавливают обязательное требование формирования у выпускников образовательных программ высшего образования универсальных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций.

Теоретические модели предопределяют некие принципиальные основы, которые должны приниматься во внимание при обеспечении взаимодействия рынка труда и системы высшего профессионального образования. К таковым мы относим:

- осуществление высшего профессионального образования в формате многоуровневости, обеспечивающей формирование на первом уровне базовых знаний, умений в рамках универсальных, базовых, общепрофессио-

нальных и профессиональных компетенций, а на более высоких уровнях (магистратура, аспирантура) – специальных профессиональных знаний, умений, навыков;

- ориентир в высшем профессиональном образовании как на потребности рынка труда, так и на удовлетворение интеллектуальных, социальных, профессиональных потребностей конкретного индивида. При этом ключевым инструментом разработки и реализации образовательных программ целесообразно рассматривать компетентностный подход, обеспечивающий взаимопонимание образовательной организации, работодателей и обучающегося, сближение требований профессиональных и образовательных стандартов;
- дальнейшее развитие системы непрерывного образования, нацеленной на создание более полного и точного соответствия спроса и предложения на рынке труда, на обеспечение возможности человеку быть востребованным на рынке труда в течение всей его жизни и развивать рынок труда.

Список литературы

1. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: учебное пособие / Е.М. Андреев, С.Н. Бобылев, Е.В. Белова [и др.]. М.: Права человека, 2008. 636 с. ISBN 978-5-7712-0394-2
2. Мониторинг эффективности внедрения ФГОС: задачи и критерии / В.В. Зырянов, Е.В. Караваева, Е.Н. Ковтун, С.В. Коршунов, И.Б. Котловский, А.Б. Сазонов, А.В. Синяков, И.Г. Телешова // Высшее образование в России. 2012. № 8–9. С. 3–14.
3. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования: Коллективная монография / Ю.Д. Артамонова, О.В. Воробьева, А.Л. Демчук [и др.]. М.: Геоинфо, 2018. 240 с. ISBN 978-5-9908493-8-9; EDN YNNVVB
4. Аспирантура как уровень высшего образования: состояние, проблемы, возможные решения / Е.В. Караваева, В.В. Маландин, И.А. Мосичева, И.Г. Телешова // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 22–34. DOI <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-22-34>; EDN YOEEZF
5. Гулякова Е.М., Демчук А.Л., Телешова И.Г. Вхождение системы высшего образования Российской Федерации в Европейское пространство высшего образования: проблемы и задачи // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 5–10
6. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И. Концепция ФГОС ВО четвертого поколения для инженерной области образования в контексте выполнения поручений Президента России // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 73–85. DOI <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-73-85>; EDN GUBKJT
7. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития?: Серия коллективных монографий / И.В. Абанкина, М.Ю. Алашкевич, В.А. Болотов [и др.]. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 284 с. ISBN 978-5-7598-1995-0
8. Возможность использования методологических принципов европейского образования в российских университетах / Е.В. Караваева, И.Г. Телешова, М.Е. Ульянова, В.Х. Эченикэ // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 3–13
9. Двенадцать решений для нового образования: экспертно-аналитический доклад / под ред. Я.И. Кузьминова, И.Д. Фрумина. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 106 с.
10. Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 36–46. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_36_46; EDN GNWDCQ
11. Мачхелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 1. № 1. С. 47–60. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_47_60; EDN CWEYOY

¹⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации», ст. 11. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/dfbe1cf7aa2e2acfd7b8e7ad37cdf71b759c539d/ (дата обращения: 19.06.2023).

12. Гретченко А.И., Одегов Ю.Г. Модернизация «болонизации» – по какому пути пойти? // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 1. № 1, С. 61–69. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69; EDN МНАРНQ
13. Разумова Т.О., Золотина О.А. Особенности занятости выпускников вузов на российском рынке труда // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019. № 2. С. 138–157. EDN ZSCCSL
14. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education (3rd ed.). Becker G.S. Chicago: University of Chicago Press; 1994. 392 p. ISBN 0-226-04119-0
15. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No 1. P. 1-17.
16. Spence M. Job Market Signaling // The Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. No 3. P. 355-374.
17. Экономика труда (экономическая теория труда): Учебное пособие / Т.О. Разумова, С.Ю. Рошин. М.: ИНФРА-М, 2000. 400 с. ISBN 5-16-000146-8
18. Бурак И.Д., Разумова Т.О. Дополнительное профессиональное образование как инструмент реализации концепции обучения в течение всей жизни. // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019. Т. 11. № 1. С. 30–48.
19. Aspin D.N., Chapman J.D. Lifelong learning: concepts and conceptions // International Journal of Lifelong Education. 2000. Vol. 19. No 1. P. 2-19.

Информация об авторах:

Татьяна Олеговна Разумова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

(e-mail: tatiana.razumova@yandex.com) (РИНЦ Author ID: 77081) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5726-4136>)

Ирина Георгиевна Телешова – кандидат экономических наук, доцент кафедры макроэкономической политики и стратегического управления, заместитель декана по учебно-методическому объединению экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

(e-mail: teleshovamsu@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 167084) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5961-1939>)

Заявленный вклад авторов:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку, – Татьяна Олеговна Разумова.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Andreev E.M., Bobylev S.N., Belova E.V. et al. Human development: a new dimension of socio-economic progress. Moscow: *Prava cheloveka*; 2008. 636 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7712-0394-2
2. Kotlobovsky I.B., Karavaeva E.V., Zyryanov V.V. et al. Monitoring the effectiveness of the implementation of the GEF: tasks and criteria. *Vysshee obrazovanie Rossii = Higher Education in Russia*. 2012;(8-9):3-14. (In Russ.)
3. Artamonova U.D., Vorobyeva O.V., Demchuk A.L. et al. Researcher of the XXI century: the formation of competencies in the higher education system. Collective monograph. Ed. Karavaeva E.V. Moscow: Publishing House "Geoinfo"; 2018. 240 p. (In Russ.) ISBN 978-5-9908493-8-9
4. Karavaeva E.V., Malandin V.V., Mosicheva I.A., Teleshova I.G. Postgraduate studies as a level of higher education: state, problems, possible solutions. *Vysshee obrazovanie Rossii = Higher Education in Russia*. 2018;(11):22-34. (In Russ.)
5. Guslyakova E.M., Demchuk A.L., Teleshova I.G. The entry of the higher education system of the Russian Federation into the European Higher Education space: problems and tasks of the Journal. *Vysshee obrazovanie Rossii = Higher Education in Russia*. 2014;(10):5-10 (In Russ.)
6. Rudskoi A.I., Borovkov A.I., Romanov P.I. The concept of the fourth generation of the Federal State Educational Standard of Higher Education for the engineering field of education in the context of fulfilling the instructions of the President of Russia. *Vysshee obrazovanie Rossii = Higher Education in Russia*. 2021;(4):73-85. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-73-85>; EDN GUBKJT
7. How to make education the engine of social and economic development? Ed. Ya.I. Kuzminova, I.D. Frumina, P.S. Sorokina. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. (In Russ.)
8. Karavaeva E.V., Teleshova I.G., Ulyanova M.E., Echenike V.H., The possibility of using methodological principles of European education in Russian universities. *Vysshee obrazovanie Rossii = Higher Education in Russia*. 2013;(1):3-13. (In Russ.)
9. Twelve Solutions for New Education: expert-analytical report. Ed. by Ya.I. Kuzminov, I.D. Frumin. Moscow: HSE University; 2018. 106 p. (in Russ.)
10. Yakovleva N.G. Russian Education: Global and National Challenges to the Formation of Human Potential. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii = Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):36–46. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46
11. Machkhelyan G.G. Urgent Problems of Reorganizing the System of Education in Rossiya Today. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii = Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):47–60. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_47_60
12. Gretchenko A.I., Odegov Yu.G. Modernization of "Bologonization" – which way to go? *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii = Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):61–69. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69

13. Razumova T.O., Zolotina O.A. Features of employment of university graduates in the Russian labour market. *Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of Moscow State University*. 2019;(2):138-157. (In Russ.)
14. Becker GS. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd. Chicago: University of Chicago Press; 1994. 392 p. ISBN 0-226-04119-0
15. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961;51(1):1-17.
16. Spence, Michael. "Job Market Signaling." *The Quarterly Journal of Economics*. 1973;87(3):355-74.
17. Razumova T.O., Roschin S.Yu. Labor Economics (Economic Theory of Labor): Textbook. Moscow: INFRA-M; 2000. 400 p. (In Russ.) ISBN 5-16-000146-8
18. Burak I.D., Razumova T.O. Additional professional education as a tool for implementing the concept of lifelong learning. *Nauchnye issledovaniya ehkonomicheskogo fakul'teta = Scientific research of the Faculty of Economics*. Electronic Journal of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. 2019;11(1):30-48. (In Russ.)
19. Aspin D.N., Chapman, J.D., Lifelong learning: concepts and conceptions. *International Journal of Lifelong Education*. 2000;19(1):2-19.

Information about the authors:

Tatiana O. Razumova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Labor and Personnel Economics of Economic Faculty of Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

(e-mail: tatiana.razumowa@yandex.com) (РИИЦ Author ID: 77081) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5726-4136>)

Irina G. Teleshova – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management, Deputy Dean for Educational and Methodological Work of Economic Faculty of Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia (e-mail: teleshovamsu@mail.ru) (РИИЦ Author ID: 167084) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5961-1939>)

Authors' declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Tatiana O. Razumova.

The article was submitted 18.06.2023; approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 15.08.2023

Оригинальная статья

УДК 331.445

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_4_350_360

EDN: HGQFJR

Труд: кризис и его безопасное преодоление

Иван Дмитриевич Мацкуляк

Государственный университет управления, Москва, Россия
(mid48@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2550-0250>)

Аннотация

Теория, методология и практика кризиса труда не располагают необходимыми современными разработками. Имеется только общее представление о труде. Целью же статьи является изучение труда как такового, его кризиса и возможности безопасного преодоления последнего. Объектом исследования определена совокупность работающих, трудовых коллективов основного звена экономики, как правило, та его часть, которая экономически несостоятельна. Предметом работы выступает система социально-трудовых отношений между субъектами способа труда по поводу создания и реализации товаров. Её методологическая база включает теоретические положения, объясняющие функционирование собственно труда, его компонент, подвергающихся кризису на стадиях их жизненного осуществления. Основные источники кризиса труда – нарастание противоречий в системе труда и их игнорирование – рассмотрены с использованием методов научной абстракции, логического и исторического, причинно-следственного и диалектического методов. В числе полученных новых результатов – вывод о том, что система общественного труда охватывает: целесообразную деятельность, или самый труд; процесс труда; производственные (социально-экономические) отношения; содержание и характер труда. Новыми являются и выделенные две стороны кризиса труда – разрушающая и созидаящая, способ труда с его трудовыми силами и трудовыми, социально-экономическими отношениями, а также обобщённые условия их проявления в ходе безопасного преодоления кризиса труда, компонент последнего. Дано новое представление о перемене труда, сопровождающей процесс безопасного преодоления его кризиса, о движении функций работников, как остающихся в процессе труда, подвергнувшемуся кризису, так и вытесненных из него. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что представленное понимание кризиса труда и его безопасного преодоления может быть полезным как организациям, стремящимся скорректировать свои стратегии, программы, направленные на прогрессивное развитие, так и органам государства разного уровня при реализации противокризисной экономической политики, а также высшим учебным заведениям страны.

Ключевые слова: труд, кризис труда, рабочая сила, безработица, процесс труда, способ труда, трудовые силы, трудовые отношения

Для цитирования: Мацкуляк И.Д. Труд: кризис и его безопасное преодоление // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 350–360. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_4_350_360; EDN HGQFJR

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_4_350_360

EDN: HGQFJR

Labor: the Crisis and Its Safe Overcoming

Ivan D. Matskulyak

State University of Management, Moscow, Russia
(mid48@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2550-0250>)

Abstract

The theory, methodology and practice of the labor crisis do not have the necessary modern developments. There is only a general idea of labor. The purpose of the article is to study labor as such, its crisis and the possibility of safely overcoming the latter. The object of the study is a set of working, labor collectives of the main link of the economy, as a rule, that part of it that is economically untenable. The subject of the work is the system of social and labor relations between the subjects of the method of labor regarding the creation and sale of goods. Its methodological base includes theoretical provisions explaining the functioning of labor itself, its components that are undergoing a crisis at the stages of their life implementation. The main sources of the labor crisis – the growing contradictions in the labor system and their ignoring – are considered using the methods of scientific abstraction, logical and historical, causal and dialectical methods. Among the new results obtained is the conclusion that the system of social labor covers: expedient activity, or the work itself; the labor process; production (socio-economic) relations; the content and nature of labor. The highlighted two sides of the labor crisis are also new – destructive and creative, the way of labor with its labor forces and labor, socio-economic relations, as well as generalized conditions for their manifestation during the safe overcoming of the labor crisis, a component of the latter in Russia. A new idea is given about the change of labor that accompanies the process of safely overcoming its crisis, about the movement of the functions of workers, both remaining in the process of labor, subjected to a crisis, and displaced from it. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that the presented understanding of the labor crisis and its safe overcoming can be useful both to organizations seeking to adjust their strategies, programs aimed at progressive development, and to state bodies of different levels in the implementation of anti-crisis economic policy, as well as to higher educational institutions of the country.

Keywords: labor, labor crisis, labor force, unemployment, labor process, labor method, labor force, labor relations

For citation: Matskulyak I.D. Labor: the Crisis and Its Safe Overcoming. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):350–360. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_4_350_360

Введение

Актуальность обозначенной темы весьма высока. Она определяется тем, что труд – главное условие жизни человека. Для того, чтобы жить, человеку, как известно, нужна пища, одежда, жилище. Последние он первоначально получает лишь благодаря собственному, а в последующем и общественному труду. Без труда человек, общество не только не могли бы достичь той высоты в своём развитии, которую они занимают сейчас, но и возникнуть.

Взаимодействуя с природой, люди в процессе труда изменяют её, удовлетворяя свои всё возрастающие потребности. Одновременно они изменяют и самих себя, развивая способность к труду – основу развития всех других человеческих способностей. В результате они обогащаются знаниями, расширяют их всевозможное применение, включая совершенствование процесса труда, повышение его производительности. Фактически, история развития труда – это ключ к пониманию истории прогресса человечества.

В данной связи особое значение в жизни людей, человеческого общества имеет кризис труда, мешающий нормальному осуществлению его процесса. Общество, как правило, заинтересовано в противостоянии кризису труда, предотвращению его проявления. Если же кризис труда всё же состоялся, то общество предпринимает меры и действия по безопасному преодолению случившегося. Отсюда ещё один важный аспект предложенной темы, повышающий актуальность её исследования.

Объектом исследования определена совокупность работающих, трудовых коллективов основного звена экономики, как правило, та его часть, которая экономически несостоятельна. Предметом работы выступает система социально-трудовых отношений между субъектами способа труда по поводу создания и реализации товаров. Целью же статьи является изучение труда как такового, его кризиса, возможности безопасного преодоления последнего и движения целесообразной деятельности. Гипотеза исследования заключается в научном предположении, что в современных условиях безопасное преодоление кризиса труда все в большей мере обуславливается содержанием организационной структуры и прогрессивными инновационными переменами экономики как организации в целом, так и её отдельных звеньев.

Будучи основой человеческой жизни, труд не перестаёт вызывать к себе интерес учёных. Особое значение при этом имеет изучение имиссии собственно труда, его кризиса, поиск путей и возможностей преодоления последнего, а то и противостояния ему. Только в последние годы появились интересные и полезные работы, по-

священные рынку труда и сфере занятости [1], влиянию на сферу труда новой технологической революции [2], роли социальных институтов в противостоянии кризису труда [3], его угрозе организационной адаптации [4] и антикризисному регулированию [5] как таковому.

Вместе с тем продолжает оставаться ряд аспектов, которые изучены недостаточно, требуют дальнейшего, более глубокого выяснения. Среди таких – собственно труд, его кризис в современных условиях, нахождение приемлемых направлений безопасного преодоления последнего и другие. Поэтому переходим к их рассмотрению.

Труд – это...

Труд, как отмечается в литературе, – это взаимодействие человека с природой, в ходе которого опосредуется, регулируется и контролируется обмен веществ между ними. Причём целенаправленно осуществляются также физические и биологические процессы ради удовлетворения потребностей человека. В ходе обозначенного взаимодействия, участвует как рабочая сила последнего, так и предметы и средства труда. Иначе говоря, труд – это потребление рабочей силы в функционирующем единстве со средствами производства. Это обосновано и оправданно позволяет рассматривать не только труд, но и процесс труда, как функционирующее единство самого труда, предметов и средств труда [6, с. 5].

К такому выводу приводит понимание, что процесс труда следует изучать, прежде всего, не взвизывая на какую бы то не было его конкретную общественную форму. Автор «Капитала», рассматривая понятие «процесс труда», обращал внимание на то, что его простые моменты – это целесообразная деятельность, предмет и средства труда. Он указывает при этом, что процесс труда в его простых и абстрактных моментах «есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей» [7, с. 195]. Значит, начальным моментом в системе категорий общественного труда фактически является не процесс труда в целом, а целесообразная деятельность [6, с. 5; 8, с. 5; 9, с. 21].

Вместе с тем не только в экономике труда сложилось объективное мнение о том, что научной категорией выступает общественная форма труда, или отношения людей по их участию в общественном труде [10, с. 45]. Труд, изучаемый со стороны его общественной формы, охватывает определённые отношения, которые как в науке, так и в практике принято называть производственными. Значит, труд, рассматриваемый с общественной стороны, – это труд как производственное отношение [6, с. 6; 8, с. 6].

Представляется вполне обоснованным в системе производственных отношений, как минимум, различать две группы. Одна из них охватывает связи между участниками процесса труда, которые вытекают непосредственно из формы собственности на условия производства, включая средства. Другая – связи, складывающиеся в ходе обмена совместной работой, собственно, тех, кто трудится в процессе труда. По названию они весьма многообразны. Среди них: непосредственно производственные отношения, всеобщие экономические, технико-экономические, трудовые [8, с. 6]. В наших исследованиях поддерживается мнение учёных, которые называют аналогичные связи организационно-экономическими¹ [11, с. 80; 12, с. 18]. В совокупности обе названные группы связей, как уже отмечено, составляют единую систему производственных отношений.

Данная система развивается не лишь посредством воздействия господствующей формы собственности на условия производства. Это само по себе не вызывает вопросов, такой процесс вполне естественен. Вместе с тем обе обозначенные группы развиваются также и под воздействием присутствующих только каждой из них связей. Условно их можно рассматривать отдельно друг от друга. Их развитие также может быть представлено самостоятельно, как и условия, их порождающие. Это обосновано нами в специальном исследовании² и последующих изданиях [6, с. 6–7].

При изучении многообразных аспектов труда, на базе изложенного, к нему следует относиться «как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений» [13, с. 37], видеть саккумулированный ряд компонент.

Для полноты характеристики труда укажем также на его содержание и характер. Методологически эти вопросы исследованы широко мировой экономической наукой, в том числе отечественной. В нашей литературе они раскрыты относительно глубоко, хотя при этом формулируются разные мнения. В частности, имеются исследователи, которые содержание труда и характер труда воспринимают как синонимы [14, с. 29]. Ряд учёных считает, что содержание труда охватывает характер труда как свою собственную часть. Это означает, что они различают данные категории, первая, на их взгляд, значительно шире, а вторая – существенно уже и отражает только её определенный аспект [15, с. 5; 16, с. 5; 17, с. 99]. Противоположного мнения придерживают-

ся авторы полагающие, что содержание труда – это составная часть его характера. Они также различают обозначенные категории, но с характеристикой, наоборот, в сравнении с мнением предыдущей группы учёных [18, с. 87–88]. Ещё одна плеяда специалистов, не отождествляя рассматриваемые категории, констатирует: так как содержание труда отражает конкретный уровень производительных сил и отношений человека с природой, которые прямо не вытекают из производственных связей, то его нельзя воспринимать в качестве политико-экономической категории. А характер труда – это научная категория, которая отражает систему отношений в производстве. Она формируется между работниками в процессе труда [19, с. 10].

Приводя эти различные взгляды, полагаем, что они не альтернативны. В них разными представителями научных школ даётся ряд аспектов труда, диалектика его содержания и характера.

Видимо, более точны те авторы, которые не отождествляют, а различают содержание и характер труда, видят в них категории, характеризующие разные явления. Содержание труда раскрывает моменты конкретного процесса труда, а характер труда – отличительные черты, свойства и признаки труда в обществе [20, с. 13; 21, с. 21].

«Содержание труда» и «характер труда» – довольно ёмкие категории. Для них характерно сложное структурное строение. Выражения «интеллектуальный труд» и «творческий труд», «умственный труд», и «физический труд», «тяжёлый труд» и «лёгкий труд», «сложный труд» и «простой труд», «производительный труд», «квалифицированный труд» и другие отражают как раз содержание труда. Их наполнение определяется преобладающими функциями в циклической структуре тех или иных видов труда, ибо их практическая реализация и составляет содержание труда того или иного работника. В то же время функции последнего меняются в процессе труда в зависимости от применяемых достижений НТП, в том числе цифровизации, других инновационных процессов, включающих перемену труда³ [22, с. 338–353; 23, с. 409–479], когда некоторые из них передаются от человека орудиям труда. Они происходят как перемены в отношениях человека с природой, так и в связях между работниками непосредственно в процессе труда. Меняется не только содержание труда, но и система связей как таковая, особенно её организационно-экономическая часть, развивающаяся под влиянием отношений собственности, в условиях которых проявляется характер труда. Причём, в отличие от содержания труда, связанного с функциональ-

¹ Политическая экономия: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Медведева, Л.И. Абалкина, О.И. Ожерельева и др. М.: Политиздат, 1988. С. 43.

² Мацкуляк И.Д. Социально-экономический механизм развития труда в условиях агропромышленной интеграции: автореф. дис. ... д-ра экономических наук: 22.00.05 / Мацкуляк Иван Дмитриевич; АОН. Москва, 1989. 37 с.

³ Мацкуляк И.Д. Политическая экономия: учебник для вузов / И.Д. Мацкуляк. М.: Изд-во Юрайт, 2021. С. 373–392.

ными отношениями, характер труда зависит от организационно- и социально-экономических связей в общественном труде [6, с. 9–10].

Видимо, поэтому тоже некоторые исследователи, включая зарубежных авторов, рассматривая кризис труда, увязывают его с абстрактным трудом. Основания для такого подхода, безусловно, имеются. Главный аргумент, используемый при этом, касается стремления каждого товаропроизводителя создавать товары в течение общественно-необходимого рабочего времени. Это действительно так независимо от того, понимает ли сам товаропроизводитель-предприниматель теорию данного вопроса или к этому его вынуждает обычная рыночная конкуренция. Не согласиться с этим, как представляется, нельзя. Другое дело, что и сводить суть процесса лишь к абстрактному труду, характеру труда, как это делает ряд учёных [24, с. 129–134; 25, с. 34; 26], не охватывая конкретный труд, его содержание вряд ли, с точки зрения науки, правильно.

В заключение данной части исследования укажем на важную особенность характера труда, зависящего, как отмечено, от организационно- социально-экономических отношений. Тем более, что в экономической литературе относительно объекта последних пока не сложилось однозначного понимания. С одной стороны, культивируется мнение, что их объектом является труд, а с другой – рабочая сила [6, с. 10].

В данной связи заметим, что способность к труду «существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций» [7, с. 548]. Существующая между рабочей силой и трудом взаимосвязь состоит в том, что первая – это способность человека, а второй – форма её реализации, проявления. Как уже отмечалось, труд – это потребление рабочей силы. Последняя является предпосылкой труда, а труд есть расходование рабочей силы. Способность к труду – это свойство человека (работника), а труд – его функция в трудовых, производственных отношениях. Именно в них главная производительная сила – работающий человек. Вот почему объектом производственных отношений является труд.

Полагаем, что современные производственные отношения в своём развитии достигли такого апогея, который позволяет рассматривать в их системе, как минимум, две взаимосвязанные группы. Речь идёт, во-первых, об отношениях относительно индивидуальной рабочей силы конкретного процесса труда. А, во-вторых, совокупной рабочей силы на уровне организации, их первичных подразделений и непосредственно труда. В связи с этим труд человека выступает условием

опредмечивания рабочей силы, проявления способностей работающего человека производительно функционировать в коллективе, а через него (его совокупную рабочую силу) в обществе [6, с. 11–12].

Таким образом, система общественного труда охватывает следующие компоненты: самый труд, или целесообразную деятельность; процесс труда в единстве рабочей силы и средств производства; организационно- и социально-экономические отношения; содержание и характер труда; индивидуальную и совокупную рабочую силу; условия труда и др.

Кризис труда

В основе деятельности хозяйствующих субъектов – организаций в разные периоды времени могут встречаться три ситуации. Одна из них – успешное функционирование рыночного субъекта примерно на одном и том же уровне, или простое воспроизводство. Другая – его развитие на основе прогрессивных технологий, или расширенное воспроизводство. И, третья – нередко встречающийся спад, кризис, или суженное воспроизводство.

В данном исследовании внимание автора сосредоточено на кризисе труда, представляющего собой многообразное проявление, превращение труда из одного состояния (обычного) в другое (кризисное). С греческого языка кризис (*krisis*) переводится как исходный, поворотный момент. Он, с одной стороны, представляет собой крутой, резкий, переход труда в что-то неожиданное, тяжёлое состояние, а с другой – острое затруднение [5, с. 60].

Кризис труда – это серьёзное обострение противоречий в труде, его многокомпонентном проявлении, или в каких-либо его отдельных моментах, или комбинациях последних. Имеются в виду составляющие труда, раскрытые в предыдущем разделе и варианты кризиса, которые рассмотрим ниже.

Начнём с кризиса целесообразной деятельности. При этом оговоримся, что, с точки зрения науки, «труд» и «деятельность», не тождественны между собой. Их различие состоит в том, что всякий труд – это всегда деятельность, причем целесообразная деятельность. Но не каждая деятельность является трудом. Тем более нецелесообразная деятельность не может быть признана трудом. Что же касается самого труда, то это синоним целесообразной деятельности. Он не тождественен собственно «труду», или просто «труду». Последний, как уже отмечено, значительно шире, богаче, чем самый труд. И, наоборот, самый труд, как целесообразная деятельность, заметен в сравнении с трудом как таковым.

Когда речь идёт о кризисе целесообразной деятельности, то имеется в виду такое обострение противоречий, которое тормозит производительное потребление рабочей силы в организации. Например, с возрастом человек, как носитель рабочей силы, уступает в ловкости, сноровке, остроте зрения глаз и иным свойствам самому себе в более молодые годы. То же случается, если он не повышает собственную квалификацию согласно установленным нормам. Кризисное явление усиливается с ухудшением физического состояния работника, его здоровья, что не так давно наблюдалось в стране повсеместно в связи с распространением коронавируса. Ситуация усугубляется, если работник не мотивирован или слабо мотивирован на реализацию тех или иных своих функций. Так, за три десятилетия перехода России к рыночной экономике и её развития меньше всего цена выросла на товар «рабочая сила» по сравнению со всеми отечественными товарами без исключения. Если цены на многие наши товары давно достигли, а то и заметно превысили зарубежные аналоги, то этого не скажешь о цене на отечественную рабочую силу. Понятно, что мотивация соответствующих работников в ряде секторов экономики не способствует недопущению в них кризисных признаков, а то и самих кризисов. Особенно это явно ощущается там, где трудятся те 6 млн работников, которые отнесены к бедным.

Процесс труда в функционирующем единстве рабочей силы и средств производства может в определённых условиях продолжать интенсификацию проявления противоречий вслед за их развитием относительно целесообразной деятельности. В процессе труда они наслаиваются друг на друга в связи с распространением в сегменте предметов и средств труда. Вместе с этим вполне допустима ситуация, когда кризис охватывает последние, не распространяясь при этом на рабочую силу, следовательно, на целесообразную деятельность.

В качестве примера сошлёмся на вышедшие из строя в 2022 году в стране более 17 тыс. км трасс. Фактическая площадь укладки верхних слоев дорожного покрытия превысила 135 млн кв. метров. Конечно, водители опосредованно участвовали в разрушении дорог в процессе движения их транспортных средств, но, на самом деле дорожное покрытие подверглось собственно разрушительному воздействию автомобильных шин, колёс и т.п. средств труда. На качестве дорог сказались также природная коррозия и иные факторы. В результате кризисные признаки распространились на предметы труда (дорожное покрытие) в масштабе, которого не было за всю историю страны. Отметим при этом, что к чести государственных

и общественных органов весь этот объём, охвативший 5,9 тыс. объектов, полностью отремонтирован⁴.

Следующая компонента труда, подвергающаяся кризису, как указывалось выше, – организационно-экономические отношения. Они представляют собой одну из двух сторон способа труда, под которым нами понимается совокупность трудовых приёмов, операций, действий и мер с их конкретными свойствами, а также определённым характером и последовательностью реализации в ходе потребления целесообразной деятельности на основе соответствующих средств производства [27, с. 23].

Организационно-экономические (как и трудовые, и социально-экономические) отношения способа труда складываются между участниками процесса труда по поводу потребления в нём их рабочей силы, производящей и реализующей товары (услуги), на основе соглашений между работниками и работодателями о личном выполнении первыми трудовых функций за заработную плату, получаемую от вторых. Работник, участвующий в трудовых отношениях, обязан соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, а работодатель – обеспечивать ему условия труда согласно действующему законодательству, коллективным и индивидуальным трудовым договорам, в собственных интересах, управляя и контролируя соответствующие тенденции. Трудовым отношениям присущ ряд специфических свойств. Среди них – работник принимается на работу, включается в трудовой коллектив конкретной организации. Его приём на работу закрепляется правовым актом (трудовым договором, протоколом об избрании, приказом об утверждении на должность и т.п.). Содержание трудовых связей сводится к личному выполнению работником определенного рода работы в соответствии с его конкретным рабочим местом, должностью, специальностью и квалификацией. Потребление способности к труду работника возмездное. Он, как участник этих отношений, имеет право на получение части им же созданной новой стоимости. Её величина не должна быть меньше объёма стоимости собственно его рабочей силы, иначе её простое, а тем более расширенное воспроизводство не осуществится. Наконец, еще одно специфическое свойство связано с обменом товара – способности к труду, который отличается от обмена вещных товаров. Данный процесс содержит три момента, происходит в трёх сегментах. Начинается он в сфере обмена, т.е. на рынке труда, продолжается в процессе про-

⁴ В 2022 году в России отремонтировали почти 17 тыс. км дорог // TRANS.RU: [сайт]. 6.01.2023. URL: <https://trans.ru/news/v-2022-godu-v-rossii-otremontirovali-pochti-17-tis-km-dorog?ysclid=lj19f8jsi0749566330> (дата обращения: 05.04.2023).

изводства и заканчивается на товарном рынке. В сфере обращения товара заключается договор (письменно или устно) о передаче работником права пользования его рабочей силой работодателю. В нём фиксируется величина возможного дохода её носителя. По сути, это потенциальный обмен, который представляет собой правовую сделку. В производстве имеет место действительный обмен функционирующей способности к труду на номинальную заработную плату. На товарном рынке осуществляется обмен последней на нужные работнику товары – потребляемые им жизненные средства. Лишь подобная процедура позволяет проявляться очередной фазе – воспроизводству рабочей силы, её носителя – человека и членов его семьи.

Другой стороной способа труда по аналогии со способом производства, применяя соответствующую методологию, являются трудовые силы, складывающиеся в процессе труда.

Организационно-экономические отношения подвергаются кризису тогда, когда уровень их развития существенно отстаёт от уровня развития трудовых сил. В этом наглядно можно убедиться, например, в ходе цифровизации общественного, а то и индивидуального труда. Так, в ходе создания и эксплуатации так называемого «умного дома» даже не все члены семьи осознанно ориентируются во взаимоотношениях между собой относительно применяемых информационных технологий по управлению, скажем, установленным «умным отоплением» соответствующих помещений, или охраны самого дома, придомовой территории. Особенно это заметно, если они принадлежат к разным поколениям. Что уж говорить об отношениях работников, которые трудятся на «умном предприятии» и тем более в «умном городе». Даже записаться к врачу, выполнить нужную операцию в банке или гостинице, чтобы обслужить самого себя до сих пор не в состоянии многие.

Примерно также складываются кризисные тенденции, поражающие содержание и характер труда, индивидуальную и совокупную рабочую силу, условия труда. Положение усложняется с учётом как рассмотренных, так и оставшихся вне поля исследования, возможных комбинаций.

Кризисы труда бывают малозаметные, постепенные и относительно явные. Их различают как локальные, так и системные, охватывающие разные трудовые системы – от незначительных по своему объёму до довольно масштабных, когда они наиболее опасны. Обнаруживаются также скрытые и легко выявляемые кризисы труда.

В основе обозначенных кризисных процессов находятся объективные и субъективные причины. Первые охватывают завершение очередного

цикла развития труда, влияние на него внешних не только рыночных факторов. Они проявляются как неотложная потребность совершенствования, модернизации труда или его перемены. Вторые – организационно-управленческие ошибки и технологические нарушения в процессах труда, несовершенство инновационной и инвестиционной стратегий, злонамеренные действия или бездействия управленческого персонала, злоупотребления и коррупция собственников и предпринимателей, а нередко и наёмных работников. Именно эти две тенденции, если воспользоваться переводом термина «кризис труда» с китайского языка, – «опасность труда» и «благоприятная возможность труда» – как раз подтверждаются в отечественных условиях [5, с. 62].

Реализация той или иной тенденции во многом, если не решающим образом, зависит от ряда факторов кризиса труда в системе антикризисного регулирования социально-трудовых отношений. Среди них следует различать: технологические, организационные, нормативно-правовые, экономические, социально-культурные и политические. Конкретизация каждой из перечисленных групп факторов дана в недавно вышедшей монографии, подготовленной в соавторстве с Н.З. Нагдалиевым [5, с. 73–78].

Влияние кризиса труда, как показывает исследование их взаимосвязей, не всегда пагубно. Из-за него происходят неожиданные изменения или перемена труда, перемена производства, перемена экономики – разрушение или оздоровление производства. А иногда и то, и другое, но в разных местах, одновременно или не в одно и то же время. Результаты кризиса труда зависят, как уже отмечалось, от его содержания и характера, уровня проявления индивидуальной или совокупной рабочей силы, конкретных условий труда и методов его регулирования и мн. др. Проявляются ли они сглажено, или из-за них распространяются новые кризисные признаки, а то и явления также зависит от множества факторов.

К сожалению, статистический учёт собственно кризиса труда в стране не ведётся. Однако имеются официальные сведения Росстата относительно отечественной экономики в целом и её отраслей, в частности (таблица 1). Косвенно они всё же свидетельствуют и о кризисе труда. Больше всего они ощутимы в промышленной и банковской сферах. Здесь в течение одного-двух десятилетий доля убыточных организаций остаётся довольно высокой. Она варьирует от 20 до 40% их общего числа в разные годы. Иногда она достигала, например, 30% в обрабатывающей отрасли и более двух пятых – добывающем секторе, а также в производстве электроэнергии, газа, воды. Ещё

Таблица 1

Доля организаций России и её трёх ключевых отраслей, в которых проявился кризис труда (по годам)

Table 1

The Share of Organizations in Russia and its Three Key Industries in which the Labor Crisis has Manifested Itself (by Year)

Годы	Доля организаций с кризисом труда в их общем числе, %			
	всего	из них		
		добывающая промышленность	обрабатывающая промышленность	сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
2020	29,4	36,4	25,0	22,0
2021	29,9	29,9	20,3	18,2
2022	26,1	33,2	19,3	19,0

Источник: [5, с. 5, 151].

больше удельный вес (свыше половины) банков, которые в 2010–2022 гг. не выдержали конкуренции, лишились лицензий.

В целом же, как свидетельствуют данные таблицы 1, тенденция меняется: в течение пандемийного и санкционного периодов удельный вес организаций, в которых имеет место кризис труда, снизился за три года на 3,3 процентных пункта. Схожая ситуация и в ключевых отраслях экономики. Вместе с тем кризисные явления, связанные прежде всего с трудом, его организацией, управлением и условиями, охватывают более чем четвертую часть национального хозяйства. Это, безусловно, много. В то же время – это большой резерв России. Его, несомненно, требуется реализовать. Причем, как можно скорее.

Таким образом, кризис труда, его признаки проявляются как отсутствие корреляции между возможностями тех, кто осуществляет труд, участвует в нём и установленными для него нормативными требованиями. Кризис труда – это такое положение последнего, когда его трудовой потенциал не может в полной мере удовлетворять потребностям внешней среды. Речь идёт фактически о появлении в труде существенных противоречий типа снижения производительности труда, а в конечном счёте – неплатежей, банкротства, падения спроса на создаваемую продукцию (услуги) и мн. др. Если имеет место кризис труда, то меняются даже объективные закономерности, которые выступают базисом при развёртывании труда как такового. Они становятся нежизнеспособными, а вновь возникающие закономерности усиливают кризисные явления. Поэтому важно не допускать кризиса труда. Если он всё же возник, то умело преодолевать.

Безопасное преодоление кризиса труда

В науке кризис труда, как и любой кризис, первоначально воспринимался в виде непредсказуемого, а то и случайного явления, которое

сопровождается негативными результатами. В ходе НТП установлено, что для кризисов вообще, включающего кризис труда, характерно циклическое проявление. В то же время сложилось двоякое мнение. С одной стороны, очевидно, что кризис труда вреден. Его, следовательно, поэтому нужно предотвращать, не допускать. С другой – кризис труда выступает средством, позволяющим регулировать и оздоравливать («лечить») всю трудовую систему. Отсюда вывод, что кризис труда небесполезен, его можно и нужно использовать для минимизации потерь, наносимых им и его последствиями.

Большинство устойчиво благополучных организаций, в которых нет кризиса труда, как правило, культивируются в реальном секторе экономики. Особенно среди них выигрывают те, что относятся к малому и среднему бизнесу, умело, быстро и гибко меняющие собственную ассортиментную стратегию и тактику согласно потребительским предпочтениям на рынке соответствующего сегмента.

Крупные организации (компании) не всегда вовремя могут правильно определить свой ассортимент. Они встречают сложности в ходе обеспечения собственной устойчивости. Потеря, хотя бы некоторых удачно сложившихся производственных связей, зауженная специализация труда, снижение государственного заказа на создаваемую продукцию, громоздкость самого производства, с учётом высокого удельного веса физически изношенного и технологически устаревшего оборудования, становятся причинами многолетнего нахождения многих крупных отечественных объединений в состоянии кризиса, который редко обходит труд.

В данной связи преодоление кризиса труда, как и кризиса производства и реализации создаваемых товаров в целом, восстановление необходимой финансовой устойчивости подобных

объединений, обладающих приемлемым трудовым и производственно-технологическим потенциалом, являются одной из самых важных задач страны. Её успешное решение позволяет таким структурам осуществлять их дальнейшее развитие на инновационной основе.

Суть преодоления кризиса труда выражается в воздействии трудового субъекта объектами и агентами процесса труда, вызывающими положительные перемены в их функционировании в условиях реальной хозяйственной практики по предварительно спроектированному плану. Механизм осуществления последнего означает господство, управление данным процессом, включающее контроль за его ходом. Преодоление кризиса труда характеризуется определенной спецификой, которая во многом зависит от уровня влияния на данный процесс отраслевого, территориального или национального масштабов, конкретной организации или домашнего хозяйства.

Относительно преодоления кризиса труда благодаря мерам со стороны государства, его органов обратим внимание на то, что они предполагают реализацию антикризисной политики правительства страны. Как правило, она направлена в первую очередь на защиту основного звена экономики от кризисных явлений, преодоление или недопущение его банкротства. Эта политика осуществляется на макро-, мезо- и микроуровне, представляя собой совокупность действий по стабилизации трудовых и производственных процессов, преодоление неплатежеспособности организаций [5, с. 64].

Такого рода стратегия и тактика со стороны государства, его органов направлена, прежде всего, на организационно-административную и правовую базу, охватывая следующие направления:

- законодательно-правовое обеспечение преодоления кризиса труда во всех отраслях экономики и субъектах федерации, соблюдения процедурных норм разрешения социально-трудовых конфликтов и споров, и их этического сопровождения;

- ресурсно-кадровое противостояние кризису труда на основе подготовки антикризисных профессионалов-трудоустроителей и управленцев трудом, которые в состоянии квалифицированно противодействовать указанному кризису, социально защищать участвующих в кризисном процессе труда, осуществлять повышение их квалификации или переподготовку, создавать новые рабочие места для увольняемых работников;

- сопровождение реализации противокризисных действий на основе научных рекомендаций, включающих диагностику принимаемых мер с целью преодоления кризиса труда, стабилизации

организации трудового процесса, профилактики шагов относительно несостоятельности труда и полезности процедур его санации;

- цифровизация и роботизация трудового процесса, подвергнувшегося кризису, в т. ч. повышающих уровень использования кадрового потенциала в общественно значимых трудовых коллективах, преодолевающих кризис труда;

- административно-трудовое преодоление кризиса труда путём внедрения программирования и распространения действенных мер по его нормализации;

- эколого-природное преодоление кризиса труда, роль и значение которого в наши дни повышается из-за серьёзно ощутимого вмешательства человека в окружающую среду и насущной потребностью в связи с этим минимизации её загрязнения и разрушения, распространившихся в деятельности основного звена экономики, особенно, если они подвергнуты кризисным признакам.

Преодоление кризисно трудовых явлений означает многообразное применение форм, методов и процедур, преследующих общественно-трудовое оздоровление хозяйственно-предпринимательских структур [28], создание условий для преодоления ими кризиса, их выхода на траекторию устойчивого развития.

Ряд исследователей, изучающих процессы преодоления кризисных явлений, своё внимание сосредоточили как раз на уровне основного звена экономики. Так, подобный процесс характеризуется как система, имеющая комплексный характер. В другом случае считается, что первой задачей преодоления кризиса является создание таких трудовых условий, при которых трудности не являются устойчивыми, их можно избежать с помощью соответствующего механизма раньше, чем они приобрели непреодолимую направленность. Согласно ещё одному взгляду, под преодолением кризиса понимается соответствующая система функций, принципов и методов. На управленческом уровне организации преодоление кризиса означает реализацию такой политики, осуществление которой позволяет ей превзойти на рынке конкурентов с учётом встречающихся рисков. В наше время считается, что кризисы стали составной частью циклического развития рыночной экономики, фазы роста и падения которой приходят на смену одна другой [5, с. 63–68].

Значит, безопасное преодоление кризиса труда в разных организационных структурах не может происходить одинаково. Оно фактически будет различно в зависимости от временной ситуации с учётом той или иной фазы кризиса, в которой он пребывает:

- снижение производительности труда, падение его общих результатов, а в конечном счёте рентабельности организации и уровня её платежеспособности. Безопасное преодоление кризиса труда возможно на пути уменьшения его общей величины и одновременного повышения производительности оставшейся части, а также научной переработки стратегии развития труда (фаза 1);

- отсутствие расширенного и даже простого воспроизводства труда – точнее имеющегося, а то и всё больше снижающегося его суженное воспроизводство негативно сказывается на общих результатах структуры, в которой он осуществлён. Она убыточна. Значит, ситуацию можно изменить пересмотром не только программной стратегии и реструктуризации труда, но и самой организации (фаза 2);

- резервные фонды, обеспечивающие безопасное развитие труда, фактически истощены, их ресурсы полностью израсходованы; осуществляя суженное воспроизводство, кризисная организация постепенно за счёт всё возрастающих по величине заёмных и ощутимо уменьшающихся собственных оборотных средств рассчитывается частями по увеличивающимся долгам. Для исправления положения важно срочно преодолеть, если не весь кризис труда, то, хотя бы ряд его признаков, стабилизировать на этой основе платёжеспособность, накапливая финансовые ресурсы из внешних источников для проведения реструктуризации (фаза 3);

- основное звено экономики, в котором имеет место кризис труда, находится на грани остановки производства, т. к. у него нет необходимых ресурсов даже для суженного воспроизводства. В таком случае нужны жесткие экстренные безопасные действия по поддержанию собственно процесса труда, в котором создаются качественные товары, и восстановлению платёжеспособности данной организации способной платить по собственным счетам (фаза 4).

В качестве вывода отметим, что 3 и 4 фазы – важные этапы в процессе труда, который подвергся кризису. Обе эти фазы довольно важны для преодоления кризиса труда, причём настолько, что приходится внедрять неотложные меры по его оживлению и спасению трудового коллектива, участвующего в нём, а заодно и организации или хотя бы его части.

Одновременно подчеркнём, что кризис труда сопровождается также конкретными положительными тенденциями. Например, считается, что именно благодаря кризису труда в хозяйственно-трудовой практике реализуются, как минимум, три функции:

- кризис труда снижает, а иногда способствует и ликвидации отсталых и тормозящих развитие

элементы процесса труда, преобладающие в каждый конкретный период в трудовой системе, жизненный потенциал которой в том или ином цикле исчерпал себя;

- кризис труда даёт возможность формировать нужные безопасные условия для применения новшеств, осуществления их комбинаций, которые в перспективе превращаются в преобладающие, а на их основе возникает новый цикл;

- кризис труда, по сути, содействует селективному отбору лучшей практики организации труда; он испытывает на адаптивность элементы трудовой системы, переходящие в новый цикл [5, с. 68].

Таким образом, можно констатировать, что кризис труда, с одной стороны, способствует безопасному преодолению кризисных отношений, переходу суженного на простое, а то и расширенное воспроизводство. С другой – активизирует устойчивые организации эффективнее применять новшества, их комбинации, включая рискованные, устранять слабые элементы, улучшать управленческую структуру с целью безопасного повышения своей жизнедеятельности и конкурентоспособности. Он позволяет также разным структурам обновлять активы по приемлемым ценам, продолжать прогрессировать, в т.ч. расширять потенциал для предстоящего цикла.

Заключение

Труд, его кризис и безопасное преодоление последнего – это комплексная система. Ей свойственны важные черты, среди которых особо выделим прогнозирование и раннее выявление признаков кризиса труда, их идентификацию и использование стратегически программных мер и действий. Траектория последних направлена на безопасное преодоление кризисных явлений в труде. Она позитивно воздействует также на процесс труда и его миграционное перемещение. Одновременно она способствует сохранению и росту их рыночного потенциала, достижению предполагаемых результатов.

К особым свойствам преодоления кризиса труда, как показывает исследование, следует отнести: раннее выявление признаков кризиса труда; его рациональную организацию, интеллектуализацию и рост производительности; оптимизацию применяемого имущества в условиях кризиса труда, модернизацию его процесса; разработку социально-трудовых, инновационных и других программ преодоления кризиса труда; введение действенного контроля реализации соответствующих стратегий; эффективное регулирование труда персонала, расширение и углубление его инновационно рыночного мышления и заинтересованности в реализации противокризисной политики в процессе общественного труда.

Список литературы

1. Волгин Н.А. Рынок труда и сфера занятости: функциональная общность и принципиальные различия // Социально-трудовые исследования. 2021. № 1(42). С. 5. EDN KJBNJR
2. Разумова Т.О. Влияние новой технологической революции на сферу труда // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4(33). С. 63–72.
3. Петренко Т.В., Щербакова Т.А. Кризис труда и роль социальных институтов в его преодолении // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3(56). С. 53–57. DOI <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.56.338>; EDN RBIBIN
4. Зуб А.Т., Кузьмин С.С. Кризис как угроза организационной адаптации // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 15(3). С. 425–439. DOI <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.425-439>; EDN KTYVAK
5. Мацуляк И.Д., Нагдалиев Н.З. Антикризисное регулирование экономики промышленности: монография. Москва: РУСАЙНС, 2022. 304 с. ISBN 978-5-466-01823-3
6. Мацуляк И.Д. Труд: механизм развития в АПК. Москва: Луч, 1991. 176 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 23. 907 с.
8. Лозовой В. П. Общественный труд при социализме. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1975. 198 с.
9. Лозовой В.П. Общественное разделение труда и формы производства развитого социализма. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1976. 172 с.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 7. 623 с.
11. Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. Москва: Мысль, 1981. 352 с.
12. Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. Москва: Мысль, 1973. 263 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. 477 с.
14. Сергеева Г.П., Чижова Л.С. Эффективнее использовать трудовые ресурсы. Москва: Экономика, 1971. 63 с.
15. Голев Г.Я. Изменение характера труда в процессе коммунистического строительства. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1971. 58 с.
16. Иванова Р.К., Облонская И.Я. Характер труда в условиях развитого социализма. М.: Экономика, 1975. 62 с.
17. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. Москва: Наука, 1973. 588 с. ISBN 978-5-900229-48-3
18. Бадеева Г.В. Социальные проблемы труда в коммунистическом строительстве. Москва: Изд-во Московского университета, 1971. 94 с.
19. Гвоздев Н. Характер труда и его особенности в период развитого социализма // Экономические науки. 1976. № 8. С. 9–17.
20. Петроченко П.Ф. Влияние научно-технического прогресса на содержание и организацию труда. Москва: Мысль, 1975. 230 с.
21. Гржегоржевский А.Н., Фролов Г.Я. Социально-экономические проблемы труда: организация, планирование, управление. Москва: Мысль, 1977. 215 с.
22. Мацуляк И.Д. Политико-экономическая природа рыночных отношений: монография. Москва: КНОРУС, 2020. 442 с. ISBN 978-5-406-01187-4
23. Мацуляк И.Д. Экономика: научные очерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. Москва: Изд-во РАГС, 2005. 504 с. ISBN 5-7729-0205-9
24. Cleaver G. Political reading with a capital letter. Austin: University of Texas Press, 1979. 621 p.
25. Postone M. Time, labor and social domination: a new interpretation of Marx's Critical theory. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. 587 p.
26. Хардт М., Негри А. Империя. Москва: Праксис, 2004. 440 с. ISBN 5-9015 74-40-0
27. Шестой технологический уклад: объективные тенденции и экономические вызовы: монография / под общ. ред. И.Д. Мацуляка. Москва: ГУУ, 2022. 285 с. ISBN 978-5-215-03543-6
28. Булатов А., Мацуляк И., Руднев В. Необходимо многообразие, а не новое единообразие хозяйственных форм // Российский экономический журнал. 1992. № 9. С. 144–150.

Информация об авторе:

Мацуляк Иван Дмитриевич – профессор, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ, Государственный университет управления, Москва, Россия (e-mail: mid48@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 380711) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2550-0250>) (WoS ResearcherID: V-2082-2017) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Volgin N.A. Labor market and employment sector: functional unity and fundamental differences. *Social'no-trudovy'e issledovaniya = Social & Labor Research*. 2021;1(42):5. (In Russ.)
2. Razumova T.O. Impact of the new technological revolution on the labor sphere. *Social'no-trudovy'e issledovaniya = Social & Labor Research*. 2018;4(33):63-72. (In Russ.)
3. Petrenko T.V., Shherbakova T.A. Labor crisis and the role of social institutions in overcoming it. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2021;3(56):53-57. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.56.338>

4. Zub A.T. Kuzmin S. S. Crisis as a threat to organizational adaptation. *Russian Journal of Economics and Law*. 2021;15(3):425-439. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.425-439>
5. Antikrizisnoe regulirovanie e'konomiki promy'shlennosti: monografiya. I.D. Maczkulyak, N.Z. Nagdaliev; ed. by I.D. Maczkulyaka. Moscow: RUSAJNS; 2022. 304 p. (In Russ.) ISBN 978-5-466-01823-3
6. Maczkulyak I.D. Trud: mexanizm razvitiya v APK. Moscow: Luch;;1991. 176 p. (In Russ.)
7. Marks K., Ehngel's F. Collected Works. Vol. 23. 907 p. (In Russ.)
8. Lozovoj V.P. Obshhestvenny'j trud pri socializme. Yaroslavl': Verch.-Volzh. kn. izd-vo; 1975. 198 p. (In Russ.)
9. Lozovoj V.P. Obshhestvennoe razdelenie truda i formy' proizvodstva razvitogo socializma. Yaroslavl': Verx.-Volzh. kn. izd-vo; 1976. 172 p. (In Russ.)
10. Lenin V.I. Lenin VI. Collected Works. Vol. 7. 623 p. (In Russ.)
11. Abalkin L.I. Dialektika socialisticheskoy e'konomiki. Moscow: My'sl'; 1981. 352 p. (In Russ.)
12. Abalkin L.I. Zozyajstvenny'j mexanizm razvitogo socialisticheskogo obshhestva. Moscow: My'sl'; 1973. 263 p. (In Russ.)
13. Marks K., Ehngel's F. Collected Works. Vol. 46. Part I. 477 p. (In Russ.)
14. Sergeeva G.P., Chizhova L.S. E'ffektivnee ispol'zovat' trudovy'e resursy'. Moscow: E'konomika; 1971. 63 p. (In Russ.)
15. Golev G.Ya. Izmenenie xaraktera truda v processe kommunisticheskogo stroitel'stva. Grozny'j: Chech.-Ing. kn. izd-vo; 1971. 58 p. (In Russ.)
16. Ivanova R.K. Oblonskaya I.Ya. Xarakter truda v usloviyax razvitogo socializma. Moscow: Ekonomika; 1975. 62 p. (In Russ.)
17. Changli I.I. Trud. Sociologicheskie aspekty' teorii i metodologii issledovaniya. Moscow: Nauka; 1973. 588 p. (In Russ.) ISBN 978-5-900229-48-3
18. Badeeva G.V. Sotsial'nye problemy truda v kommunisticheskom stroitel'stve. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta; 1971. 94 p. (In Russ.)
19. Gvozdev N. Xarakter truda i ego osobennosti v period razvitogo socializma. *E'konomicheskie nauki*. 1976;8:9-17. (In Russ.)
20. Petrochenko P.F. Vliyanie nauchno-texnicheskogo progressa na sodержanie i organizaciyu truda. Moscow: Mysl'; 1975. 230 p. (In Russ.)
21. Grzhegorzhevskii A.N., Frolov G.Ya. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy truda: organizatsiya, planirovanie, upravlenie. Moscow: Mysl'; 1977. 215 p. (In Russ.)
22. Matskulyak I.D. Politiko-ekonomicheskaya priroda rynochnykh otnosheniy: monografiya. Moscow: KNORUS; 2020. 442 p. (In Russ.) ISBN 978-5-406-01187-4
23. Matskulyak I.D. Ekonomika: nauchnye ocherki. 2nd ed. Moscow: RAGS; 2005. 504 p. (In Russ.) ISBN 5-7729-0205-9
24. Cleaver G. Political reading with a capital letter. Austin: University of Texas Press; 1979. 621 p.
25. Postone M. Time, labor and social domination: a new interpretation of Marx's Critical theory. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 1993. 587 p.
26. Hardt M., Negri A. Empire. Moscow: Praxis; 2004. 440 p. (In Russ.) ISBN 5-901S 74-40-0
27. Shestoi tekhnologicheskii ukhad: ob'ektivnye tendentsii i ekonomicheskie vyzovy: monografiya. Ed. by I.D. Maczkulyak. Moscow: GUU; 2022. 285 p. ISBN 978-5-215-03543-6.
28. Bulatov A., Matskulyak I., Rudnev V. Diversity is necessary, not a new uniformity of economic forms // *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 1992;9:144-150. (In Russ.)

Information about the author:

Ivan D. Matskulyak – Professor, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation, State University of Management, Moscow, Russia

(e-mail: mid48@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 380711) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2550-0250>)

(WoS ReseacherID: V-2082-2017)

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication 15.08.2023

Обзорная статья

УДК 331.5

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384

EDN: KWVKLG

Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития

Вячеслав Николаевич Бобков^{1,2}, Екатерина Алексеевна Черных^{1,3}

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия

² (bobkovvn@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

³ (chernykh.ekaterina108@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

Аннотация

В статье проведён обзор российских и зарубежных публикаций, результатов научных исследований, идей и дискуссий по следующим направлениям, связанным с качеством занятости, качеством трудовой жизни, качеством работы и другими синонимичными понятиями: 1) определение и суть концепции; 2) подходы и методы оценки; 3) результаты оценивания; 4) сравнение подходов. Автором проанализированы, систематизированы и классифицированы определения качества занятости, качества трудовой жизни, качества работы и качества трудовой/рабочей среды. Проанализированы и систематизированы в табличной форме отечественные и зарубежные подходы и методики к измерению качественных и количественных характеристик занятости, отдельно выделены индексные подходы. Проведено сравнение разных подходов и методик, сформулированы их ограничения и преимущества. Проведённый анализ показал, что ещё не выработаны единые, общепринятые определения качества занятости, качества трудовой жизни; наблюдается терминологическое смешение данных и близких им понятий. Обоснована авторская позиция, состоящая в том, что категория «качество трудовой жизни» охватывает более широкую область социально-трудовых отношений по сравнению с категорией «качество занятости», интегрируя её и «качество трудовой среды». Предложены интегральные показатели для измерения качества трудовой жизни: 1) производительность труда, 2) эффективность труда, 3) покупательная способность трудовых доходов, 4) удовлетворённость трудом. Намечены направления дальнейших исследований категорий «качество занятости» и «качество трудовой жизни»: очерчены контуры специфических сфер социально-трудовых отношений, которые характеризует каждая из рассмотренных категорий и их взаимосвязь. Дальнейшие исследования требуют более чёткого определения содержания каждой из рассмотренных категорий и идентификации показателей их измерения. В обзоре представлен обширный материал, который «даёт пищу» для продолжения аналитической работы и дискуссий, а также позволит найти решения актуальных теоретических и практических вопросов в одной из центральных областей изучения качества и уровня жизни граждан нашей страны.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, качество занятости, качество трудовой среды, производительность труда, эффективность труда, удовлетворённость трудом, индекс качества занятости

Для цитирования: Бобков В.Н., Черных Е.А. Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 361–384. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384; EDN KWVKLG

REV (Review article)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384

EDN: KWVKLG

The Relationship of the Quality of Employment and the Quality of Work Life: A Review of Research and the Outlines of Their Development

Vyacheslav N. Bobkov^{1,2}, Ekaterina A. Chernykh^{1,3}

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

² (bobkovvn@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

³ (chernykh.ekaterina108@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

Abstract

The article provides a review of Russian and foreign publications, research results, ideas and discussions in the following areas related to the quality of employment, the quality of working life, the quality of work and other synonymous concepts: 1) definition and essence of the concept; 2) approaches and methods of evaluation; 3) assessment results; 4) comparison of approaches. The author analyzed, systematized and classified the definitions of the quality of employment, the quality of working life, the quality of work and the quality of the labor/working environment. Domestic and foreign approaches and methods to measuring the qualitative and quantitative characteristics of employment are analyzed and systematized in tabular form, index approaches are singled out separately. A comparison of different approaches and techniques is carried out, their limitations and advantages are formulated. The analysis carried out showed that there have not yet been developed uniform, generally accepted definitions of the quality of employment, the quality of working life; there is a terminological confusion of data and related concepts. The author's position is substantiated, which consists in the fact that the category "quality of working life" covers a wider area of social and labor relations in comparison with the category "quality of employment", integrating it and "quality of the working environment". Integral indicators are proposed to measure the quality of working life: 1) labor productivity, 2) labor efficiency, 3) purchasing power of labor income, 4) job satisfaction. Directions for further research into the categories "quality of employment" and "quality of working life" are outlined: the contours of specific areas of social and labor relations that characterize each of the considered categories and their relationship are outlined. Further research requires a clearer definition of the content of each of the considered categories and the identification of indicators for their measurement. The review presents extensive material for the continuation of analytical work and discussions, and will also allow finding solutions to topical theoretical and practical issues in one of the central areas of studying the quality and standard of living of our country's citizens.

Keywords: quality of working life, quality of employment, quality of the working environment, labor productivity, labor efficiency, job satisfaction, employment quality index

For citation: Bobkov V.N., Chernykh E.A. The Relationship of the Quality of Employment and the Quality of Work Life: A Review of Research and the Outlines of Their Development. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):361–384. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384

Введение

Актуальность исследования и измерения качества занятости (КЗ) и/или качества трудовой жизни (КТЖ) для исследователей обосновывается рядом причин.

1. Среднестатистический работник проводит на своём рабочем месте 40 часов в неделю – это четверть недели, поэтому качество этих рабочих часов имеет важные последствия для благополучия занятых. Кроме того, люди работают не только ради денег, работа сама по себе является важным элементом социальной и личной жизни, деятельностью, важной для самореализации и социальной интеграции. Таким образом, качество занятости/трудовой жизни является ключевым элементом качества жизни в целом.

2. Условия занятости со временем становятся все более разнообразными, происходит масштабирование новых форм занятости, поэтому качество занятости работника приобретает для исследователей все большую значимость. Количественные данные по уровню занятости, безработице и размерам заработной платы необходимо интегрировать в качественные оценки занятости, а ещё, в более широком пространстве – в качество трудовой жизни, включающее наряду с качеством занятости и качество трудовой среды.

3. В мире происходят изменения в структуре и методах регулирования занятости под давлением быстрых технологических преобразований, трансформационных процессов в экономике и её глобализации. Чтобы правильно оценивать результативность экономики, важно определять качество трудовой среды, создаваемой и упраздняемой в процессе цифровизации, автоматизации и глобальных изменений.

4. В процессе экономического роста заинтересованность работников в качестве занятости/трудовой жизни будет расти, а требования к ней работодателей и государства будут только повышаться и то, что в настоящее время считается трудом (работой) среднего или хорошего качества, может со временем превратиться в труд низкого качества.

5. Интерес научного сообщества подчёркивает актуальность и важность данной проблематики. Категории «качество занятости» и «качество трудовой жизни» анализируются зарубежными и российскими исследователями в контексте

«управления рабочей силой, повышения благосостояния работников, их участия в принятии решений об охране здоровья, способах и методах улучшения работы и повышения удовлетворённости трудом» [1].

Следует отметить важный вклад в изучение отдельных элементов категорий КЗ и КТЖ, а также более широких понятий, связанных с различными аспектами и подходами к анализу и изучению занятости и трудовых отношений в многочисленных публикациях широко известных в научно-исследовательском сообществе российских специалистов: Волгина Н.А., Гимпельсона В.Е., Одегова Ю.Г., Капелюшникова Р.И., Колосовой Р.П., Разумовой Т.О., Разумова А.А., Рощина С.Ю., Соболевой И.В., Смирнова С.Н., Смирных Л.И., Токсанбаевой М.С. и др. Например, Волгин Н.А. один из первых отделил понятие «занятость» как производственные отношения от «труда», который представляет собой взаимодействие работника со средствами производства¹. В работах Соболевой И.В.² уделяется внимание реализации человеческого потенциала в сфере труда, в том числе через развитие качества занятости. Колосова Р.П. привнесла показатели достойного труда в российский научный дискурс о характеристиках занятости.

Исследования КЗ и КТЖ ведутся на различных уровнях, начиная от международных организаций (МОТ³, Еврофонд⁴, ОЭСР⁵, ЕЭК ООН⁶ и др.), межстрановых и межрегиональных сравнений [2, 3 и др.] и заканчивая измерениями на уровне предприятий и отдельных работников.

¹ Волгин Н.А. Мотивационный механизм взаимосвязи доходов работника и результативности производства: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Волгин Николай Алексеевич. Российская академия управления. Москва, 1993. 430 с.

² Соболева И.В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Соболева Ирина Викторовна. ИЭ РАН. Москва, 2006. 297 с.

³ МОТ – Международная организация труда (International Labour Organisation, ILO).

⁴ Еврофонд – Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (The European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Eurofound).

⁵ ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD).

⁶ ЕЭК ООН – Европейская экономическая комиссия Организации объединённых наций (United Nations Economic Commission for Europe, UNECE).

Таким образом, изучение КЗ и КТЖ должно способствовать принятию результативных и эффективных политических решений; проведению государственной социальной политики; выявлять проблемные области занятости, которые не идентифицируются с помощью стандартных её показателей. Через обеспечение достойного качества трудовой жизни достигается повышение производительности (результативности) и эффективности труда, повышение качества и уровня жизни населения.

Единых общепринятых дефиниций КЗ и КТЖ на сегодняшний день ещё не выработано: теория качества занятости и качества трудовой жизни продолжает развиваться.

Теоретическая и методологическая новизна представленного исследования заключается в идентификации и систематизации существующих на сегодняшний день российских и зарубежных концепций в области КЗ и КТЖ и выработке рекомендаций к продолжению изучения данной проблемной области.

Цели исследования: провести научный обзор результатов исследований и дискуссий по проблематике качества занятости и качества трудовой жизни и наметить контуры их развития.

Решаемые задачи: провести систематизацию отечественных и зарубежных подходов и методов измерения КЗ и КТЖ; проанализировать и систематизировать их определения; выявить изученность данной проблематики и провести оценивание наиболее значимых опубликованных работ; сравнить различные подходы и методов идентификации КЗ и КТЖ и определить их ограничения; предложить авторский подход, основанный на проведённом анализе.

Гипотеза исследования: Категория «качество трудовой жизни» охватывает более широкую область социально-трудовых отношений по сравнению с категорией «качество занятости», интегрируя её и «качество трудовой среды».

Использованные методы: 1) аналитическая работа с литературой и документами, в том числе типологический и контент-анализ российских и зарубежных источников; 2) научный синтез, позволяющий уточнить содержание категорий в рассматриваемой области знания.

Общие характеристики качества занятости, качества трудовой жизни и близких понятий

Наш анализ показывает, что в публикациях зарубежных и российских авторов используются различные термины, обозначающие похожие или близкие по содержанию проблемные области в контексте нашего исследования: качество

занятости (*quality of employment*), качество труда/работы (*quality of work/job*), качество трудовой жизни (*quality of working life*), качество рабочей среды (*quality of working environment*), качество труда. Данные категории объединяет термин «качество», означающий «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих им определённую» [см., например, 4].

Считается, что термин «качество занятости» был впервые использован С. Робинсоном в 1972 году на международной конференции, посвящённой проблемам трудовых отношений [5]. Зарубежные публикации, где используется термин качество трудовой жизни (*quality of work(ing) life*), также появились в середине 1970-х годов, а в СССР – в 80-х годах, когда в экономике и социологии стало уделяться больше внимания развитию человеческого потенциала. Однако основной массив публикаций, посвящённых проблематике качества занятости, появился в начале 2000-х годов, – именно на публикации из данного временного промежутка мы будем опираться в исследовании. Среди российских авторов термин качество трудовой жизни преимущественно используется в работах [6–23], термин качество занятости используют [24–29], термин качество труда используется в [30; 31].

Отечественные исследователи предпринимали много попыток дать определение КТЖ. Например, в работе [14] приводится девять определений качества трудовой жизни российских авторов. В Таблице 1 проведена систематизация и разграничение похожих по сути понятий, описывающих разные аспекты КЗ/КТЖ в исследованиях зарубежных и российских авторов.

В целом различные подходы к определению качества занятости в представленных публикациях имеют две общие черты: авторы, в отличие от выше рассмотренных понятий «качество рабочих мест (работы)» и «качество труда», чаще сосредотачиваются на институциональных «характеристиках занятости» (трудовые отношения и условия занятости), а не на «внутренних характеристиках работы» (содержание работы и условия труда) [см., например, 2, 32].

В традиции европейских исследователей понятие «качество занятости» (*Quality of Employment*) является более широкой концепцией, чем качество работы (*Job Quality*), и использует показатели на макро- и мезоуровнях (такие как уровень занятости, безработицы и др.), а также показатели, связанные с рабочими местами [2].

Определение и содержание исследуемых категорий⁷

Definition and Content of the Categories under Study

Русский термин	Английский термин	Содержание/определение
Качество занятости	Quality of Employment/ Employment quality	<ul style="list-style-type: none"> – вся целостность аспектов занятости, способных влиять на благополучие занятых лиц. Охватывает такие аспекты, как «условия и этика занятости, денежные и не денежные блага, график работы, сочетание трудовой деятельности и личной жизни, стабильность занятости и социальная защита, повышение квалификации и профессиональное обучение, а также трудовая мотивация... занятость анализируется не только в качестве источника дохода, но и инструмента обретения социального благополучия, собственного достоинства и самоуважения» [32]; – многомерное понятие, которое означает не только учёт наличия оплачиваемой занятости, но и рассмотрение характеристик этой занятости, включая её объективные характеристики и характеристики работника, которые он привнесит в работу; соответствие характеристик работника требованиям работы; субъективную оценку (удовлетворённость работой) отдельным работником [33]; – «такое состояние трудовой деятельности индивида как носителя трудового потенциала, которое позволяет ему в полной мере реализовывать совокупность своих потребностей, по мере их возникновения, через трудовой процесс, создавая при этом положительный эффект в социально-экономической и политической сферах общества» [26]; – «интегрированное понятие, всестороннее характеризующее уровень и степень благосостояния, социального и духовного развития человека через его трудовую деятельность, обеспечивающее в то же время рост эффективности общественного производства» [26].
Качество трудовой жизни	Quality of Work(ing) Life	<ul style="list-style-type: none"> – охватывает систему взаимоувязанных частных показателей, отражающих как уровень КТЖ на основе официальных статистических данных (объективные показатели), так и удовлетворённость занятого населения аспектами трудовой жизни (субъективные показатели) [34]; – «интегральное понятие, всесторонне характеризующее уровень и степень благосостояния, социального и духовного развития человека через его деятельность в организации» [35]; – ожидания сотрудников по отношению к организациям с точки зрения справедливости, заработной платы, компенсации, безопасной и здоровой окружающей среды, развития человеческого потенциала и определенной стабильности [36, 37]; – подходящие условия труда и среда для сотрудников по целому ряду аспектов, включая взросление, развитие карьеры, участие в принятии решений и здоровую физическую среду [38]; – наличие гарантии занятости и баланса между личной жизнью и работой, а также обеспечение надлежащих условий труда, хороший контроль, высокую заработную плату, моральное удовлетворение и интерес к работе [39]; – комбинация понятий, которая включает измерения, часто выходящие за рамки работы: удовлетворённость жизнью, удовлетворённость работой, рабочую среду, возможности продвижения по службе, соответствующую и справедливую компенсацию, эмоциональный интеллект, организационную приверженность, организационную культуру, совместные отношения на работе, гарантии занятости, усталость от карьеры, стили руководства, характер работы, условия, независимость от работы, должность сотрудника, проблемы и обязанности на работе, обучение и развитие и достаточность ресурсов [40]; – характеризуется не количественными и субъективными аспектами занятости, например, автономией в работе, умением управлять стрессом и позитивной рабочей средой [41]; – уровень счастья или неудовлетворённости своей карьерой [42]; – «степень, до которой члены производственной организации могут удовлетворить свои важные личные потребности посредством их работы в этой организации» [43];

⁷ Здесь и далее в таблицах выделены жирным шрифтом характеристики рассматриваемых категорий, которые авторы анализируют в разделе статьи «Обсуждение».

Окончание таблицы 1

		<ul style="list-style-type: none"> – «объединяет совокупность всеобщих материальных и нематериальных ценностей, которых стремятся добиться рабочие в жизни, таких как зарплата или заслуженное жалование... условия труда, продвижение, что в совокупности тождественно удовлетворению от работы и мотивации» [44]; – «набор методов, направленных на повышение удовлетворённости и производительности труда, таких как работа в автономных группах, обогащение труда» [45]; – «совокупность жизненных ценностей, характеризующих трудовую деятельность, условия труда, удовлетворённость трудом, трудовые отношения... зависит от удовлетворённости имеющейся занятостью, т.е. от отсутствия противоречия между потребностями и возможностями, между объективными параметрами ситуации и эталоном сравнения» [23]; – «эффективность рабочего окружения за счёт формирования организационных и личных потребностей, поддержки и содействия улучшению здоровья работников, благополучия, обеспечения занятостью, удовлетворённости от работы, развития профессиональных качеств, баланса между трудовой и не трудовой жизнью» [46].
Качество труда	Quality of Labour	– «степень совершенства трудовой деятельности, характеризующаяся качеством её результатов, прогрессивностью методов, технологии, средств труда , а также организации работ, квалификации персонала» [30, 31]
Качество рабочей среды	Quality of the Working Environment	<ul style="list-style-type: none"> – сочетание характеристик работы, начиная от характера работы и заканчивая задачами, поставленными перед каждым работником, а также физическими и социальными условиями, в которых эти задачи выполняются [47]; – одно из измерений качества работы (Job Quality) наряду с оплатой труда и стабильностью (безопасностью) занятости; – модель «требования-ресурсы» резюмирует качество рабочей среды как разницу между количеством рабочих ресурсов (составляющих актив для работников) и количеством рабочих требований, влияющих на работников отрицательно [48].
Качество рабочих мест (работы)	Job Quality	<ul style="list-style-type: none"> – «аспекты рабочего места (работы), которые оказались особенно важными для благополучия работников» [49]; – условия, в которых организована работа, включая договорные, временные, единоразовые трудовые отношения [50].
Качество рабочих мест (работы)	Work Quality	<p>Аналогично или очень близко к понятию Job Quality</p> <ul style="list-style-type: none"> – содержание рабочих задач (например, требует ли работа физических/умственных усилий? интересна и умственно обогащает? эргономически утомительна?) [50].

Источник: составлено авторами.

Термин «качество работы» (Job Quality, Work Quality) чаще относится к содержанию самих рабочих задач и их влиянию на работника (например, требует ли работа физических/умственных усилий, интересна и умственно обогащает, эргономически утомительна и др.) [50]. Однако в ряде публикаций, термин качество работы по содержанию синонимичен термину качество занятости [2; 33; 51].

Понятие «качество трудовой жизни» как вытекает из обзора, представленного в Таблице 1, чётко не дифференцировано от понятия «качество занятости». В некоторых исследованиях, оно трактуется более широко и увязывается с производительностью труда, а также близко к зарубежной трактовке понятия «качество труда», которое оперирует категориями «технологии» и «средства труда», обуславливающими наряду с качеством занятости «производительность труда» и комплексную характеристику качества рабочего места.

Таким образом, в российских и в зарубежных исследованиях сложно проследить концептуальную и содержательную разницу между терминами КЗ и КТЖ, хотя есть российские публикации, посвящённые разграничению данных понятий [21; 52], но выводы в них часто противоречивы⁸.

Выявлены некоторые общие акценты рассмотрения содержания качества занятости в публикациях российских и зарубежных исследователей. А именно:

1. Качество занятости является многомерной, сложной концепцией, характеризующейся многочисленными аспектами или измерениями, которые связаны с удовлетворением потребностей человека различными путями. Эти измерения не имеют иерархической структуры, ни одно измерение не является более важным, чем другое (нельзя, например, утверждать, что достойная

⁸ Далее, для простоты изложения, по тексту применяется термин «качество занятости», имея в виду отсутствие концептуальной разницы этого понятия от понятия «качество трудовой жизни» в изученных источниках.

оплата труда важнее стабильности занятости и наоборот).

2. Среди исследователей общепринятым является признание *сложности выбора параметров* качества занятости, подлежащих оцениванию [53]. Это связано, как с потенциально большим числом значимых характеристик качества занятости, так и со сложностью их корректного использования с учётом наличия необходимых сопоставимых статистических данных в нужных разрезах и нужной периодичности. Содержание «высокого» и «низкого» качества занятости во многом зависят от того, оценивается ли оно с точки зрения общества, фирмы или индивида [54]. Существует множество свидетельств, показывающих, что за исключением некоторых крайних случаев, фактор качества занятости очень важен для регулирования рынка труда [3].

3. Различают *объективную и субъективную составляющие качества занятости* [2]. *Объективная составляющая КЗ* вытекает из теории человеческих потребностей, складывается из характеристик производственных отношений, в результате которых удовлетворяются потребности работников, включая условия на рынке труда (например, уровень безработицы в стране или регионе). Примером этого подхода к оцениванию КЗ могут считаться методики [2; 3 и др.], где исключаются показатели, на которые могут влиять индивидуальные характеристики сотрудников и их социальное положение (например, возраст, личные предпочтения, чувства или состав домохозяйства).

Субъективная составляющая КЗ характеризует субъективную «полезность», которую работник извлекает из своей работы. Полезность зависит от объективных характеристик работы (заработная плата, часы и тип работы и др.). Она субъективна в том смысле, что у каждого работника есть свои предпочтения по различным характеристикам работы, кроме того, работники находятся в разных обстоятельствах (возраст работника, наличие детей, ограничения по здоровью и др.) и разных условиях на рынке труда (например, уровень безработицы в стране или регионе). Примером этого подхода к оцениванию КЗ является методика Европейской экономической комиссии Организации Объединённых Наций (ЕЭК ООН) и ряд других [32; 55; 56], концепция «достойного труда» Международной организации труда (например, там есть показатели «детский труд» или «неприемлемый труд»). В некоторых публикациях считается, что показатели благополучия, включая чувства, эмоции или удовлетворённость работой, можно использовать в качестве показателей субъективного качества занятости [об ограничениях данного подхода подробнее см. 57].

В работе [51] развивается идея о том, что «хорошая работа» — это та, которая даёт работникам возможность делать то, что они ценят и преследовать свои личные цели.

4. На оценку качества КЗ оказывает влияние конкретный *социально-экономический контекст*. Так, например, на уровне страны качество занятости лиц, работающих несколько часов, может оцениваться по-разному в период экономического спада по сравнению с периодом высоких темпов роста. Аналогичным образом определение «высококачественных» и «низкокачественных» рабочих мест может быть различным в разных странах в зависимости от среднего уровня дохода в этих странах, а также социокультурных различий. Установлены корреляционные зависимости между КЗ и различными социально-экономическими индикаторами. Статистически подтверждаются связи между КЗ, физическим и ментальным здоровьем человека, субъективным благополучием, ощущением счастья и удовлетворённостью жизнью в целом [2; 8; 9; 25; 47; 58–60 и др.]. Не всегда возможно однозначно определить их причинно-следственные связи. Влияние качества КЗ на здоровье и благополучие, и наоборот, следует рассматривать в ряду с влиянием государственной политики, состоянием рынка труда, потребностями семей и конкретных людей. На уровне фирм с КЗ связаны текучесть рабочей силы, лояльность к компании, производительность труда [38; 61; 62 и др.]. На макроуровне КЗ связано с инвестициями в человеческое развитие [63], а также с результативностью экономики в целом [64]. Ряд работ анализируют связь между статусом занятости (включая наличие нестандартной занятости) и качеством занятости [65]. КЗ для отдельных видов и типов занятости отличается: для неустойчиво занятых работников [66–71]; для платформенных работников [72] и др.

Количественные характеристики качества занятости и трудовой жизни

Если проследить по зарубежным публикациям зарождение и становление концепции качества занятости, то видно, что со временем исследования, связанные с количественным измерением качества занятости, эволюционировали от исследований удовлетворённости работой к более комплексным показателям, включая концепцию «Достойного труда» (Decent work agenda) Международной организации труда (МОТ), введённую в действие в 1999 г. Развитие методологии измерения показателей качества занятости в Европейском союзе (Еврофонд, ЕЭК ООН, ОЭСР) шло практически параллельно с Концепцией достойного труда МОТ.

В ряде публикаций [см., например, 73] авторы приходят к выводу, что исследователи в Еврофонде, ЕЭК ООН и ОЭСР продвинулись гораздо дальше других благодаря последовательным усилиям по сбору сопоставимых на международном уровне данных о занятости, которые позволяют проводить международные сравнения. Напротив, термин «достойный труд» остаётся очень широко определяемым понятием, которое сложно измерить в разных странах в силу отсутствия сопоставимых данных и чрезвычайно расплывчатого и всеобъемлющего определения. Кроме того, отмечается, что над этой программой осуществляется контроль со стороны пристрастных социальных акторов (государство, профсоюзы, работодатели) [74; 75].

Первая значительная попытка разработать объективные и субъективные показатели качества занятости была предпринята в Лакене в 2001 году [33; 76]. Качество занятости определялось по десяти параметрам, относящимся к характеристикам работы и работника, а также к более широкому социально-экономическому контексту и рынку труда. Хотя эта инициатива представляла собой важный шаг, показатели подверглись критике за то, что они были слишком общими и не учитывали такие аспекты, как заработная плата, интенсивность труда или доступ к обучению, а также не определяли, что считать «хорошими» или «плохими» рабочими местами.

Известны и другие важные европейские инициативы измерения качества занятости. Система UNICE⁹, предложенная европейскими работодателями, использует макропоказатели, такие как уровень компьютерной грамотности, количество несчастных случаев со смертельным исходом, показатели профессиональных заболеваний или общее количество дней, потерянных из-за болезни [77].

«Индекс качества работы» (job quality index – JQI), разработанный Европейским институтом профсоюзов, учитывает точку зрения работников и концентрируется на шести измерениях качества работы, основываясь на микроданных из Обследования рабочей силы ЕС (EU LFS)¹⁰, статистике доходов и условий жизни (EU SILC)¹¹ и Европейском исследовании условий труда (EWCS)¹²; при этом приводятся усреднённые данные на уровне страны [56]¹³.

⁹ Союз конфедераций промышленности и работодателей Европы (Union des confédérations de l'industrie et des employeurs d'Europe, UNICE-Business Europe).

¹⁰ European Union Labour Force Survey.

¹¹ European Union Statistics on Income and Living Conditions.

¹² European Working Conditions Survey.

¹³ Job quality index (JQI) URL: <https://www.etui.org/topics/labour-market-employment-social-policy/job-quality-index-jqi> (дата обращения: 25.05.2023).

Система Комитета ЕС по занятости основывается на четырёхмерной концепции качества работы, где каждый из разделов подразделяется ещё на десять индикаторов (как объективных, так и субъективных), основанных также на микроданных [78]. Группа экспертов ЕЭК ООН по измерению качества занятости представила систему с семью измерениями и более чем 50 показателями [32]. Систему критиковали за то, что показатели слишком разнородные и многочисленны, в связи с этим возникает вопрос о сопоставимости этих показателей по странам, социально-демографическим группам и времени, а также об их адекватности и действенности для целей политики.

Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (Eurofound) разработал в 2012 году систему оценки качества рабочих мест в 33 европейских странах на основе пятой волны Европейского обследования условий труда (5-й EWCS) [2]. Эта система опирается на четыре составных элемента, два из которых относятся к внешним характеристикам работы – «зарплаток» и «перспективы», а два других к внутренним характеристикам самой работы – «внутреннее качество работы» и «качество рабочего времени». Еврофонд впервые применил индексный подход к измерению КЗ, предложив 2 индекса. Индекс качества работы (2012 г.), состоит из 4 индикаторов: доходы, перспективы, внутреннее качество работы, качество рабочего времени. Индекс нематериальных характеристик работы (2013 г.) также состоит из 4 индикаторов: внутреннее качество работы, риски в сфере занятости, рабочее время, баланс между работой и личной жизнью.

В статье [3] предложен экскурс по различным взглядам и существующим предложениям в отношении показателей качества труда, причём это одна из редких публикаций, анализирующая инициативы не только международных организаций, но также отдельных стран, включая США, Канаду, Чили и некоторых европейских стран. В статье [73] исследуется развитие вышеперечисленных концепций, связанных с «качеством занятости» в академической литературе с точки зрения их определения, методологического аппарата и роли в политических дебатах.

Одной из основополагающих работ в области исследования характеристик качества занятости стало исследование [49]. В нем представлена система измерения и оценки качества рабочих мест ОЭСР, разработанная совместно Директоратом по занятости, трудовым и социальным вопросам и Статистическим управлением ОЭСР в рамках более широкого проекта ОЭСР «Определение, измерение и оценка качества работы и его связей с рынком труда. Работоспособность и благопо-

лучие». КЗ определяется с точки зрения качества заработка, безопасности на рынке труда и качества рабочей среды. Обсуждаются индикаторы для каждого из трех измерений качества работы, с выделением основных ограничений, связанных с данными. Анализируется качество работы в ряде стран, а также в социально-экономических группах. Кроме того, проведен один из самых системных обзоров предыдущего опыта измерения качества занятости, а также сравнение различных методик.

Поскольку ни российские, ни зарубежные авторы не проводят четкого различия в терминологии ни по параметрам макро/микро, ни по объективным/субъективным аспектам между качеством занятости и качеством трудовой жизни (одни и те же индикаторы (как макро, так и микроэкономические, см. Таблицу 1), постольку в Таблице 2 без разделения приведены параметры КЗ и КТЖ, обнаруженные в публикациях, отчетах и диссертациях, систематизированные по критериям макро/микро и субъективные/объективные.

Таблица 2

Категории показателей (индикаторов) КЗ и КТЖ

Table 2

Categories of Indicators of Quality of Employment and Quality of Working Life

	Макро	Микро
Объективные	уровень занятости; уровень безработицы; уровень напряженности на рынке труда; соответствие образования (уровня и специальности) рабочему месту; характеристики рабочих мест с позиций высокопроизводительные/достойные или нет; производительность труда; фонд оплаты труда на одного работника; мобильность работников; соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций и прожиточного минимума трудоспособного населения; индекс Кейтца; коэффициент фондов; число пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом; затраты на мероприятия по охране труда за год; численность лиц с профессиональным заболеванием; соотношение номинальной заработной платы работников организации и ВРП на одного занятого; доля занятых в экономике, имеющих высшее и среднее образование; удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда; производительность труда; доля населения с базовым, средним и высоким уровнем грамотности в области ИКТ; среднее время, затрачиваемое на поиск первой или новой работы.	вид трудового договора; время, затрачиваемое на дорогу от дома до работы; использование накопленного опыта в текущей работе; соответствие занятия полученной профессии и уровню образования; рабочее время и его гибкость; служебная карьера; социальные гарантии, социальные блага; содержание и организация труда; организация подготовки, повышения квалификации и переподготовки персонала; оценка и аттестация работников; организация рабочего места; система стимулирования персонала; предпринимательская и инвестиционная деятельность; доля теневой заработной платы.
Субъективные ¹⁴	обеспечение законодательно закреплённых прав и обязанностей участников социально-трудовых отношений; риски в сфере занятости; стабильность занятости; социальный диалог; дискриминация; гендерное равенство.	развитость организационной культуры; наличие стресса на работе; отношения между руководителями и подчинёнными; предъявляемые требования к работнику; взаимоотношения с руководителем; удовлетворённость работой; внутреннее качество работы; баланс между работой и личной жизнью; внутренние представления о характере работы; вовлечённость в работу; конфликт рабочих ролей; перегрузка рабочих ролей; развитие кадрового потенциала.

Источник: составлено авторами.

¹⁴ Заметим, что «субъективность» показателей по-разному трактуется разными авторами: в некоторых публикациях к субъективным относятся все показатели, которые оцениваются со слов работника, то есть сами работники являются информаторами, и исследователь не считает/замеряет их самостоятельно. В альтернативном подходе субъективными называют только те показатели, которые относятся к чувствам, восприятию, установкам или ценностям работников.

Наиболее заметные научные дискуссии относятся к следующим аспектам измерения качества занятости:

- Включать ли субъективные показатели КЗ в эту панель? Подробнее на этом мы уже останавливались в предыдущем разделе.

- Как избежать смешения качественных и количественных показателей при измерении КЗ? Характеристики занятости и трудовой жизни могут трактоваться и с позиций качественного и количественного анализа в зависимости от ракурса исследования, уровня (макро или микро), объекта (страна, регион, компания или индивид). Например, такие показатели, как «социальный диалог» или «гендерное равенство» на уровне страны/региона могут оцениваться с качественных позиций их наличия или отсутствия и количественного оценивания (высокой или низкой степени развитости), а на уровне конкретного предприятия количественно измеряться с помощью таких показателей, как, например, «охват работников профсоюзами» и «доля женщин на руководящих позициях». Таким образом, данная проблема решается во взаимосвязи качественных и количественных характеристик с учётом найденных способов их оценивания.

- Учитывать ли динамический фактор при оценке КЗ [3]?: с одной стороны, если работник переходит с низкокачественной работы на высококачественную, но обе эти работы уже были в экономике, ничего не меняется с точки зрения качества существующих рабочих мест. С другой стороны, последствия занятости на «плохой» работе различаются в зависимости от того, работают ли люди на этой работе всю жизнь или эта работа является лишь временным этапом в их карьере. В этом случае дискутируется включение в индекс КЗ показателя, отражающего потенциальную возможность продвижения на текущей должности или смены работы (мобильность).

- Сосредотачиваться ли в процессе измерения качества занятости на *результатах*, (гарантии занятости, рабочее время, условия труда и т.д.), или на *процедурах*, то есть на участии работников в решениях, влияющих на рабочее время, безопасность, стандарты и т.д.? Для целей измерения качества работы, считается предпочтительнее измерять результаты, а не процедуры, но в некоторых случаях можно

утверждать, что сами процедуры могут быть важным (и позитивным) атрибутом работы. Например, наличие каналов участия в процессе принятия решений на уровне фирмы может свидетельствовать о повышении качества работы, поскольку это даёт работникам право голоса и больше возможностей контролировать свою рабочую ситуацию. Или, наличие комиссий по охране труда в организации может рассматриваться как показатель хороших условий для здоровья и безопасности.

- Что лучше – агрегированный индекс или «панель индикаторов»? Набор данных сложно использовать для принятия управленческих и политических решений, для сравнения стран или регионов. Однако и при расчёте индикаторов могут возникнуть методологические проблемы, связанные с установкой весов для разных параметров.

Наиболее распространённые методические подходы к качественным и количественным характеристикам занятости/качества трудовой жизни

В Таблице 3 обобщены и систематизированы в хронологическом порядке наиболее распространённые зарубежные методики измерения качественных и количественных характеристик занятости.

Ниже, в качестве примеров, представлены комментарии разработчиков трёх концепций и моделей из Таблицы 3. Так, голландско-бельгийская система А4 [80], основанная на четырёх голландских терминах, начинающихся с «arbeids», содержание работы относит к внутренней природе рабочих задач (разнообразие, обогащают ли они работника, слишком сложны или обеспечивают автономию?); условия труда относит к общей физической, эргономической, биологической, химической и психо-социальной среде работы и различным рискам для здоровья; условия трудоустройства (занятости) относит к соглашениям между работниками и их работодателями с точки зрения таких вопросов, как контракты, вознаграждения, рабочее время и обучение; социальные отношения относит к взаимодействию друг с другом все заинтересованные стороны на работе как формальному (например, процессы коллективных переговоров), так и неформальному (контакты с руководителями или социальная поддержка).

Зарубежные методические подходы к измерению качественных и количественных характеристик занятости

Table 3

Foreign Methodological Approaches to Measuring the Qualitative and Quantitative Characteristics of Employment

Название концепции, организация, год создания	Содержание концепции	Уровень и природа индикаторов ¹⁵
Job quality, Европейская комиссия (European Commission), 2001 [33]	(1) Внутреннее качество работы; (2) Обучение на протяжении всей жизни и развитие карьеры; (3) Гендерное равенство; (4) Здоровье и безопасность на работе; (5) Гибкость и безопасность; (6) Вовлечение и доступ к рынку труда; (7) Организация труда и баланс между работой и личной жизнью; (8) Социальный диалог и участие работников; (9) Разнообразие и недискриминация; (10) Общие экономические показатели и производительность труда.	Микро/макро, объективные/ субъективные
Союз конфедераций промышленности и работодателей Европы (Union des confédérations de l'industrie et des employeurs d'Europe), UNICE-Business Europe, 2001 [77]	(1) Количество несчастных случаев со смертельным исходом и серьёзных аварий; (2) Показатели профессиональных заболеваний; (3) Количество дней, потерянных из-за болезни; (4) Производительность труда; (5) Доля работающего населения с низким, средним и высоким уровнем образования; (6) Доля населения с базовым, средним и высоким уровнем грамотности в области ИКТ; (7) Среднее время, затрачиваемое на поиск первой или новой работы; (8) Уровень занятости и уровень безработицы; (9) Доля трудоспособного населения, создающего собственное предприятие.	Макро, объективные
Измерение достойного труда (The Decent Work Agenda) Международной организации труда (ILO), 2008 [78; 79]	1) Возможности трудоустройства; 2) Неприемлемая работа; 3) Адекватный заработок и продуктивная работа; 4) Приемлемая продолжительность рабочего времени; 5) Стабильность и безопасность труда; 6) Сочетание работы и личной жизни; 7) Справедливое обращение в сфере занятости; 8) Безопасная трудовая среда; 9) Социальная защита; 10) Социальный диалог и отношения на рабочем месте; 11) Экономический и социальный контекст достойного труда	Макро, в основном объективные
«Индекс качества работы» (job quality index – JQI), Европейский институт профсоюзов European Trade Union Institute, 2008 ¹⁶ [56]	1) Зарботная плата; 2) Нестандартные формы занятости; 3) Рабочее время и баланс между работой и личной жизнью; 4) Условия труда и гарантии занятости; 5) Навыки и развитие карьеры; 6) Представление коллективных интересов.	В основном микро, в основном объективные

¹⁵ Объективные показатели относятся к качеству работы и относятся к характеристикам работы, которые может наблюдать третья сторона; однако некоторые важные аспекты качества работы, такие как отношения на рабочем месте, могут быть измерены только посредством самооценки людьми своего собственного положения. В то время как самооценка показателей объективно содержит некоторые субъективные элементы, они отличаются от чисто субъективных показателей, таких как «удовлетворённость работой», которые могут зависеть от индивидуальных предпочтений и относиться к ценностям, чувствам и эмоциям.

¹⁶ Job quality index (JQI) // ETUI: [сайт]. URL: <https://www.etui.org/topics/labour-market-employment-social-policy/job-quality-index-jqi> (дата обращения: 25.05.2023).

Продолжение таблицы 3

Голландско-бельгийская система (Vets et al, 2009) [80]	Содержание резюмируется 4 голландскими словами, начинающимися с «arbeids», что дает название 4А: arbeidsinhoud (содержание работы); arbeidsomstandigheden (условия труда); arbeidsvoorwaarden (условия трудоустройства (занятости)); arbeidsverhoudingen (социальные отношения на работе).	Объективные, микро
EU's Employment Committee framework, 2010 [81]	(1) Социально-экономическая безопасность: достаточный заработок, гарантированная работа и карьера; (2) Образование и обучение : развитие навыков, возможность трудоустройства; (3) Условия труда: здоровье и безопасность на работе, интенсивность труда, автономия, представление коллективных интересов; (4) Баланс между работой и личной жизнью и гендерный баланс.	В основном микро, объективные/ субъективные
Индекс качества работы (Job Quality Index), Индекс нематериальных характеристик работы (Non-pecuniary Job Quality Index) Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (The European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound)), 2012, 2013 [71]	Индекс качества работы (Job Quality Index) (2012 г.): 1) Доходы, 2) Перспективы , 3) Внутреннее качество работы (work quality); 4) Качество рабочего времени; Индекс нематериальных характеристик работы (2013 г.): 1) Внутреннее качество труда; 2) Риски в сфере занятости; 3) Рабочее время; 4) Баланс между работой и личной жизнью .	Микро, объективные и самооценка
Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (The European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound)), 2013 [71]	1) вид трудового договора; 2) оплата труда; 3) дополнительные выплаты; 4) неоплачиваемый гибкий график работы; 5) охрана труда и техника безопасности ; 6) (вынужденная) неполная занятость; 7) продолжительный рабочий день; 8) нормированное рабочее время; 9) обучение, оплачиваемое или предоставляемое работодателем; 10) знание о наличии представителя работника; 11) возможности общения с начальством ; 12) контроль личного графика работы.	Микро, объективные и самооценка
Международный институт неравенства Лондонской школы экономики (International Inequalities Institute) ¹⁷ 2013–2014	Строится индекс, который оценивает многомерное качество занятости для отдельных работников (в возрасте 18–65 лет) по 4 параметрам и 9 показателям: трудовой доход (зарплаток); стабильность занятости (стаж, риск безработицы); гарантия занятости (социальное обеспечение, профессиональный статус); условия занятости (сверхурочное рабочее время, интенсивность труда, вредные и тяжёлые условия). Для каждого из этих показателей устанавливается пороговое значение депривации (лишения) на основе существующих исследований, затем каждый работник классифицируется по каждому показателю, и на основе вложенного веса строится оценка степени лишения. 1) безопасность и этика занятости (безопасные условия труда; детский труд и принудительный труд; справедливое обращение в области занятости); 2) доход и не связанные с оплатой труда материальные льготы; 3) продолжительность рабочего времени, график работы и сочетание трудовой деятельности и личной жизни; 4) стабильность занятости и социальная защита; 5) социальный диалог; 6) повышение квалификации и профессиональное обучение; 7) связанные с занятостью отношения и трудовая мотивация.	Макро, объективные

¹⁷ International Inequalities Institute, London School of Economics and Political Science // Quality-employment: [сайт]. URL: <https://quality-employment.org/> (дата обращения: 12.06.2023).

<p>Основа измерения качества занятости (Frame-work for Measuring Quality of Employment) ЕЭК ООН (United Nations Economic Commission for Europe (UNECE)), 2015 [32]</p>	<p>1) безопасность и этика занятости (безопасные условия труда; детский труд и принудительный труд; справедливое обращение в области занятости); 2) доход и не связанные с оплатой труда материальные льготы; 3) продолжительность рабочего времени, график работы и сочетание трудовой деятельности и личной жизни; 4) стабильность занятости и социальная защита; 5) социальный диалог; 6) повышение квалификации и профессиональное обучение; 7) связанные с занятостью отношения и трудовая мотивация.</p>	<p>Микро/макро, объективные/ субъективные</p>
<p>Система измерения и оценки качества работы (The OECD Job Quality Framework¹⁸) Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР, (Organisation for Economic Cooperation and Development), 2015 [49]</p>	<p>1) качество заработка (отражает степень, в которой заработок способствует благополучию работников с точки зрения среднего заработка и распределения прибыли среди работников); 2) безопасность на рынке труда (аспекты экономической безопасности, которые связаны с рисками потери работы и её экономическими издержками для работников (размер пособий и наличие эффективной системы страхования от безработицы); 3) качество рабочей среды (неэкономические аспекты работы: её характер и содержание, режим рабочего времени и отношения на рабочем месте, наличие стресса, напряжённый рабочий график, факторы риска для физического здоровья, шантаж на рабочем месте, автономность работы и возможности обучения, качественные методы управления). Для оценки качества рабочей среды предлагается 6 измерений и 17 характеристик (начиная от физических факторов риска и интенсивности работы до свободы действий, автономности и возможности для самореализации).</p>	<p>Макро/микро, объективные/ субъективные</p>
<p>Руководство по измерению качества рабочей среды (OECD Guidelines for Measuring the Quality of the Working Environment) ОЭСР, 2017 [48]</p>	<p>Развитие концепции: Система измерения и оценки качества работы (The OECD Job Quality Framework) в части пункта 3 – качество рабочей среды.</p>	<p>Микро, субъективные</p>
<p>Индекс качества работы (Job Quality Index) в частном секторе США, 2019 [82]</p>	<p>коэффициент, рассчитанный как: количество рабочих мест высокого качества (много часов работы) / количество рабочих мест низкого качества (мало часов работы). Две когорты определяются путём сортировки производственных и не руководящих рабочих мест, с учётом сезонных колебаний, на рабочие места выше и ниже средней недельной заработной платы, установленной для каждого данного месяца. Средняя недельная заработная плата определяется как средневзвешенная недельная заработная плата в рамках набора из 180 отраслевых групп, взвешенных по количеству рабочих мест в каждой группе.</p>	
<p>Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (The European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound)), Европейское обследование условий труда (European Working Conditions Survey (EWCS))¹⁹</p>	<p>физическая среда (подъём тяжестей, вибрация, высокая температура и др.); интенсивность работы (жёсткие дедлайны, скорость работы, работа с клиентами, контроль эмоций и др.); рабочее время (график, часы работы, переработки, смены и др.); социальная среда (дискриминация, командная работа и др.), навыки, свобода действий и другие когнитивные факторы (сложность работы, автономия, помощь коллег, монотонность и др.), перспективы (статус, карьера, перспективы потерять работу), работа в контексте конкретной компании (стаж, наличие профсоюзов, количество филиалов компании и др.); перспективы трудовой жизни (самооценка перспектив работы в будущем).</p>	<p>В основном микро, объективные/ субъективные и самооценка</p>

¹⁸ OECD // OECD: [сайт]. URL: <http://www.oecd.org/employment/job-quality.htm> (дата обращения: 12.06.2023); <https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=JOBQ&lang=en> (дата обращения: 12.06.2023).

¹⁹ European Working Conditions Survey // Eurofond: [сайт]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-working-conditions-surveys-ewcs> (дата обращения: 12.06.2023).

Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (The European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound)), Европейское исследование компаний The European Company Survey (ECS) ²⁰	Организация труда, управление человеческими ресурсами, прямое и косвенное участие в этом сотрудников. Методы выполнения работы: автономия и сложность работы, распространённость неполного рабочего дня и постоянных контрактов, ожидания, которые руководство имеет в отношении сотрудников, мотивационные факторы, возможности обучения, которые предлагаются сотрудникам , а также каналы прямого и косвенного участия сотрудников в процессе работы.	Микро, объективные/ субъективные
Европейское социальное исследование (European Social Survey (ESS)) ²¹	<ul style="list-style-type: none"> – Физические факторы риска; – Интенсивность работы; – Эмоциональные требования и стресс на работе; – Субъективная неуверенность в себе; – Свобода действий и самостоятельность; – Возможности обучения; – Возможность карьерного роста; – Организационное участие и голос на рабочем месте; – Внутренние награды; – Социальная поддержка и хорошее отношение на работе; – Баланс между работой и личной жизнью; – Нестандартный график работы; – Гибкость рабочего времени. 	Микро, объективные/ субъективные

Источники: составлено авторами.

Углубление и детальная проработка методики Еврофонда [71] представлено в работе [83], в которой все индикаторы разбиты на 2 группы: показатели КЗ и показатели КТЖ. К показателям КЗ относятся: почасовой заработок, физическая среда, интенсивность работы, социальная среда, навыки и свобода действия, высокая нагрузка, прохождение обучения, качество рабочего времени, регулярность (работа одинакового количества часов в день и в неделю, одинаковое количество дней в неделю и фиксированное время начала и окончания), срочные вызовы на работу, трудности с организацией 1–2 свободных часов в рабочее время по личным или семейным делам; перспективы трудоустройства, гарантия занятости. Показатели КТЖ включают: удовлетворённость условиями труда; субъективная финансовая незащищённость (трудно сводить концы с концами); мотивация; вовлечённость; здоровье и безопасность под угрозой (считаете ли вы, что ваше здоровье или безопасность находятся под угрозой из-за вашей работы?); прогулы (Отсутствовали ли Вы на работе по состоянию здоровья за последние 12 месяцев?); презентеизм (Вы работали, когда были больны?); неблагоприятное поведение

²⁰ European Company Survey // Eurofond: [сайт]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-company-surveys> (дата обращения: 12.06.2023).

²¹ European Social Survey // Eurofond: [сайт]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 12.06.2023).

(подверженность любому типу неблагоприятного социального поведения); смешение работы и частной жизни; психическое благополучие (Индекс благополучия); общая самооценка здоровья.

Структура качества работы ОЭСР (*OECD Job Quality framework*), а также Руководство по измерению качества рабочей среды ОЭСР (*OECD Guidelines for Measuring the Quality of the Working Environment*) основаны на «модели рабочих требований и ресурсов», предложенной Беккером и Деморуги [84, 85] (Таблица 4). Модель «требования-ресурсы» резюмирует качество рабочей среды как разницу между количеством рабочих ресурсов (составляющих актив для работников) и количеством рабочих требований, влияющих на работников отрицательно. Для оценки качества рабочей среды в Руководстве по измерению качества рабочей среды (OECD Guidelines for Measuring the Quality of the Working Environment) [48] предлагается концептуальная основа, базирующаяся на 6 измерениях и 17 характеристиках (Таблица 4)²²: физические факторы риска, физические требования, интенсивность труда, запугивание и дискриминация на рабочем месте, эмоциональные требования и стресс, субъективная ненадёжность работы, свобода и самостоятельность в выполнении задач, возможности обучения, возможность карьерного роста, возможности для самореализации,

²² OECD // OECD: [сайт]. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=JOBQ> (дата обращения: 15.05.2023).

организационное участие и право голоса на рабочем месте, внутреннее вознаграждение²³, хорошие управленческие практики, ясность задачи и обратная связь о производительности труда, социальная

поддержка и хорошие отношения на работе, баланс между работой и личной жизнью, несоциальный график работы²⁴, гибкость рабочего времени, удовлетворенность работой.

Таблица 4

Измерение качества рабочей среды по методике ОЭСР

Table 4

Measuring the Quality of the Working Environment According to the OECD Methodology

Измерение	Требования к работе	Ресурсы для работы
Физическое и социальное окружение	<ul style="list-style-type: none"> – физические факторы риска (шум, дым и испарения, химические продукты, высокие и низкие температуры, вибрации и табачный дым); – физические требования (болезненные или утомительные позы, подъем людей, переноска или перемещение тяжестей и повторяющиеся движения руками или ногами); – дискриминация и запугивание на рабочем месте (случаи насилия (психологического, физического или сексуального) и чувство несправедливого обращения из-за некоторых личных характеристик (таких как раса, пол, возраст, национальность, этническая принадлежность, религия, инвалидность и сексуальная ориентация). 	Социальная поддержка – от помощи в выполнении некоторых рабочих задач до моральной поддержки в сложных рабочих ситуациях
Рабочие задачи	<ul style="list-style-type: none"> – интенсивность работы (работа с высокой скоростью, в сжатые сроки и с большими усилиями, недостаточно времени для выполнения работы); – эмоциональные требования. 	– свобода действий и автономия (способность работников использовать свои навыки и выполнять требования, предъявляемые к их задачам)
Организационные характеристики. Формируются стратегическими решениями и моделями организации труда, используемыми компаниями	Зависимость от руководства.	Организационное участие и голос на рабочем месте – возможности сотрудников влиять на решения на рабочем месте посредством прямых консультаций, а не через своего представителя. Надлежащая управленческая практика. Ясность задачи и обратная связь о выполнении.
Рабочее время	Несоциальный график работы (работа в ночное время и продолжительный рабочий день свыше 10 часов либо более 48 часов в неделю).	Гибкость рабочих часов (способность работников выбирать или влиять на своё рабочее время и режим рабочего времени).
Перспективы	Ненадёжность работы (ожидания или страх потерять работу в обозримом будущем) и восприятие возможности трудоустройства (легко ли будет найти работу с аналогичной зарплатой, если будет потеряна нынешняя работа).	<ul style="list-style-type: none"> – Возможности обучения и тренингов (доступ к возможностям обучения (оплачиваемым или предоставляемым работодателем) и неформальные возможности обучения на работе; – Возможности карьерного роста.
Внутренние особенности работы (роль работы как вклада в личную реализацию)	Отсутствие внутреннего удовлетворения от работы.	<ul style="list-style-type: none"> – Внутренние награды (гордость, чувство важности выполняемой работы); – Возможности для самореализации (возможность применить собственную идею в работе, что позволяет людям вносить свой вклад в рабочие задачи и формировать продукт своей работы).

Источник: [48].

²³ Насколько работающие находят ценность и цель в том, что они делают, находят свою работу полезной для своих клиентов или для общества и чувствуют, что они могут показать свои лучшие результаты.

²⁴ График работы, который предполагает работу в ненормированное время, например, вечером, ночью, по субботам и воскресеньям.

В модели «требования-ресурсы» [48] для построения «расширенного» индикатора рабочей нагрузки отдельные работники классифицируются по категориям в соответствии с разницей между количеством ресурсов, которыми они располагают, и количеством рабочих требований, с которыми они сталкиваются. Считается, что работники испытывают напряжение, когда количество требований, с которыми они сталкиваются, превышает количество ресурсов. Работник i , обладающий RR_{ii} ресурсами и сталкивающийся с DD_{ii} требованиями, будет классифицироваться как:

- испытывающий сильное напряжение, если $RR_{ii} - DD_{ii} \leq -3$, то есть количество требования к работнику на 3 превышает количество его ресурсов;
- испытывающий умеренное напряжение, если $-2 \leq RR_{ii} - DD_{ii} \leq -1$, то есть количество требования к работнику превышает количество его ресурсов на 1 или 2;
- сбалансированный, если работник сталкивается с равным количеством требований и ресурсами;
- умеренно обеспеченный ресурсами, если $1 \leq RR_{ii} - DD_{ii} \leq 2$, когда разница между количеством ресурсов и требований составляет от 1 до 2;
- высокоресурсный, если $RR_{ii} - DD_{ii} \geq 3$, то есть у работника на 3 единицы больше ресурсов, чем требований.

Исходя из модели «требования-ресурсы», улучшить качество работы можно разными способами. Можно сосредоточиться на снижении требований к работе, уменьшении физического и психологического напряжения работников на рабочих местах, повышении их безопасности и сдерживании роста интенсивности труда. Но есть также вариант увеличения трудовых ресурсов за счёт повышения автономии работников, предоставления им права голоса при принятии организационных решений или обеспечении того, чтобы работники получали признание, которого они заслуживают. Эти варианты реализуются или через принятие нового законодательства, социального диалога и коллективных переговоров или через практики компаний.

Между разными системами измерения качества занятости, представленными в Таблице 3, имеются как различия, так и сходство. Например, Системы ОЭСР [48] и ЕЭК ООН [32] содержат конкретные указания по измерению в форме показателей, предлагаемых вопросников, общих рекомендаций по поводу частоты измерений. Система ОЭСР акцентирует внимание на измерении качества рабочих мест, а в Руководство ЕЭК ООН включены показатели, которые описывают качество самого рабочего места и определяющие

это качество факторы [49]. В Руководстве подчёркивается важность сбора информации по всем рабочим местам, если у работника их несколько [32]. В обоих случаях показатели качества занятости не ограничиваются уровнем рабочих мест. Например, система ОЭСР в качестве показателей использует риск безработицы, а также доступность и щедрость пособий по безработице. Система МОТ/Еврофонда [86] сфокусирована на рисках и ресурсах, измеряемых на уровне основного рабочего места [87]. В исследовании [49] проведено сравнение методик ЕЭК ООН и ОЭСР и показано, что, по сути, они измеряют одни и те же параметры работы.

Системы МОТ и ЕЭК ООН не основаны на нормативном выборе того, что следует считать «хорошими» или «плохими» рабочими местами, и не определяют приоритеты среди показателей, а скорее дают рекомендации о том, как эти показатели могут использоваться. В связи с этим возникает вопрос о сопоставимости этих показателей по странам, социально-демографическим группам и времени, а также об их адекватности и действительности для целей политики. Системы МОТ или ЕЭК ООН имеют очень широкий охват и сочетают в себе показатели как результатов качества занятости (таких как заработок), так и движущих сил качества занятости (таких как характеристики систем производственных отношений).

В отличие от моделей МОТ и ЕЭК ООН, Еврофонд [71] чётко обозначил основные аспекты, которые следует приоритезировать, и наборы показателей (в основном объективных), которые следует учитывать для каждого измерения, исходя из их влияния на благосостояние работников.

Независимые усилия академических исследователей по измерению КЗ оказались более успешными: данные Европейского обследования условий труда (EWCS) использовались для построения панели индикаторов (dash-board), обеспечивающих полезную информацию для политиков и экономистов. Однако представление этих параметров в виде панели показателей, а не синтетического индекса, затрудняет сравнение результатов по странам и регионам и ограничивает полезность для принятия управленческих и политических решений. Действительно, как следует из таблицы 3, лишь несколько методик предполагают построение сводного индикатора (индекса).

Что касается российских статистических баз, то отечественным исследователям для измерения КЗ доступны 2 основные базы: Российский мониторинг экономического положения и здоровья на-

селения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)²⁵ и Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата (КОУЖ). На основании имеющихся там данных можно оценивать КЗ как набор индикаторов, так и с помощью построения индексов.

Российские исследователи в основном используют в разных комбинациях следующие методы для комплексной оценки КЗ [см., например, 17; 22]: оценка объективных абсолютных или относительных значений и сравнение их с выбранными критериями, а также субъективная оценка, основанная на ощущениях, возникающих у работников в различных ситуациях в процессе трудовой деятельности.

Можно выделить три основных методологических подхода к оценке КЗ [см., например, 21]: 1) статистический; 2) социологический; 3) смешанный. В рамках статистического подхода оценка КЗ осуществляется на основе расчётов по данным Федеральной службы государственной статистики. Так в работах [14; 17; 20] были рассчитаны и проанализированы в динамике интегральные показатели КЗ населения регионов России на основе данных Росстата. Например, исследование [20] показало, что определяющими в интегральном индексе КЗ являются уровень занятости (в т.ч. неформальной), уровень безработицы и доходов, поэтому среди лидеров преобладают ведущие сырьевые регионы РФ с высокой заработной платой, а также Москва, Санкт-Петербург и другие крупные города с агломерациями. Максимальное значение интегрального индекса КЗ в Московской области, Чукотском АО, Ненецком АО, Калининградской области, Магаданской области, Калужской области, Ямало-Ненецком АО и Челябинской области [20].

В рамках социологического подхода применяются социологические опросы с применением шкал Лайкерта, номограммы Харрингтона, методика визуаграфического моделирования, шкалограммный анализ Л. Гутмана и др. [21]. Смешанный подход включает в себя комбинацию вышеперечисленных методов, которые применяются на разных уровнях агрегирования: на уровне работников, работодателей или всей страны. В работе [15] КЗ оценивается в гендерном аспекте. Авторы применяют смешанную стратегию, сочетая статистические данные комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата и данные собственного социологического опроса.

²⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Обсуждение

Проведённый обзор заметных зарубежных и российских публикаций по вопросам качества занятости, качества трудовой жизни и близких к ним понятий, обобщает их разработанность, позволяет наметить некоторые пути дальнейшего наполнения их содержания, дифференциации и взаимосвязей для более полного научного осмысления и практического использования.

Из рассмотренных источников вытекает, что ключевыми понятиями для изучения экономических и социально-трудовых отношений являются «качество занятости» и «качество трудовой жизни». Несмотря на их нечёткое разграничение в рассмотренных публикациях, важно отметить большую область их пересечения и различий. Характеристика трудовых отношений и условий их осуществления выходит за рамки производственных отношений, которые характеризует категория «занятость» и её качество. Рассмотренные в публикациях и выделенные в таблицах 1–4 жирным шрифтом характеристики трудовых отношений и условий их осуществления позволяют расширить исследовательское поле как минимум на две новые области:

1) *социальные отношения работников между собой и с работодателями*, включающие социальный диалог; обучение и развитие карьеры работников; их социальная поддержка – от помощи в выполнении некоторых рабочих задач до моральной поддержки в сложных рабочих ситуациях; баланс между работой и личной жизнью; надёжность или ненадёжность работы и др.;

2) *физические условия осуществления трудовых отношений*, включающие характеристики рабочих мест: технологий, средств труда, профессионально-квалификационных характеристик работников; безопасность осуществления труда: группы условий труда, физические факторы риска (шум, дым и испарения, химические продукты, высокие и низкие температуры, вибрации и табачный дым и т.п.); охрана труда и техника безопасности и др.

Эти параметры трудовых отношений и условий их осуществления представляют собой содержание категории «трудовая среда», которая дополняет категорию «занятость» и также, как и последняя, имеет качественные и количественные характеристики.

В своих исследованиях авторы используют понятие «качество трудовой среды» и включают в её содержание тип труда (преимущественно физический или умственный); безопасность и охрану труда; возможность смены видов деятельности, включая горизонтальные и вертикальные перемещения, а также возможности проявления

в процессе труда элементов творчества и самостоятельности [66; 69; 89]. Выявленные новые характеристики этой категории позволяют более полно раскрыть её содержание.

Обособление категории «качество трудовой среды» позволяет рассматривать категорию «качество трудовой жизни», состоящую из двух взаимодополняющих категорий «качество занятости» и «качество трудовой среды». В своих публикациях авторы так и делают [88-90]. Таким образом, категория «качество трудовой жизни» охватывает более широкую область социально-трудовых отношений по сравнению с категорией «качество занятости», интегрируя её и «качество трудовой среды».

Проведённый обзор зарубежных и российских публикаций показывает присущую каждой из рассмотренных категорий – «качество занятости» и «качество трудовой жизни» объективную и субъективную характеристики, их макро-, мезо- и микросоставляющие. В данном случае мы не ставим своей задачей проводить их детальную систематизацию и оставляем это другим исследователям, получившим возможность сопоставить, на основе представленного и прокомментированного обзора публикаций отечественных и зарубежных исследователей, различные подходы к идентификации содержания и показателей, характеризующих каждую из категорий:

«качество занятости» + «качество трудовой среды» = «качество трудовой жизни».

Отметим только, что жизнь постоянно требует актуализации каждой из этих категорий и их взаимосвязей между собой. Так, например, для категории «качество занятости» в современных условиях важное значение имеют такие её характеристики как «устойчивая занятость», «неустойчивая (прекарная) занятость» [91–94]; для категории «качество трудовой среды» важное значение в современных условиях имеет характеристика её цифровизации, тесно связанная со структурой и качеством рабочих мест [95] и т.п.

Считали бы необходимым обратить внимание исследователей на целесообразность введения ряда интегральных показателей для характеристики категории «качество трудовой жизни». Будучи интегральной по отношению к «качеству занятости» и «качеству трудовой среды», эта категория приобретает так называемые системные свойства (характеристики эмерджентности²⁶). На наш взгляд, как минимум четыре показателя, могли бы отражать системные свойства качества трудовой жизни:

1) «производительность труда» (производства продукции, (работ, услуг) на одного работника) [33; 45; 77];

2) «эффективность труда» (отношение стоимости произведённого продукта и затрат на его производство, т.е. способность достигать данный результат при наименьших затратах или более высокий результат при использовании имеющихся ресурсов [12]; достаточность ресурсов [32; 40];

3) «покупательная способность трудовых доходов», позволяющая охарактеризовать соответствие размеров потребления социальным стандартам, обеспечивающим средний и выше уровень жизни домохозяйств работника [96];

4) «удовлетворённость трудом» (оценки работником степени удовлетворения основных потребностей и интересов) [26; 33; 34; 42; 43; 64; 97].

Каждый из этих показателей характеризует интегральный результат трудовых отношений, условий осуществления труда и соединения последнего со средствами производства.

Заключение

Авторы познакомили читателя с результатами исследований, идеями и дискуссиями по проблематике изучения качества занятости, качества трудовой жизни и близких к ним понятий. Проведена систематизация отечественных и зарубежных подходов и методов измерения КЗ и КТЖ. Проанализированы и систематизированы их определения. Выявлена изученность данной проблемы и проведена оценка наиболее значимых опубликованных работ. Проведены сравнения разных подходов и методов идентификации КЗ и КТЖ и определены их ограничения. Предложен авторский подход, основанный на проведённом анализе. Основной новаторской идеей, обоснованной авторами, является утверждение о том, что категория «качество трудовой жизни» охватывает более широкую область экономических, социально-трудовых отношений и условий их осуществления по сравнению с категорией «качество занятости», интегрируя её и «качество трудовой среды». Таким образом, гипотеза исследования подтверждена.

Предложены интегральные показатели, характеризующие категорию «качество трудовой жизни»: производительность труда, эффективность труда, покупательную способность трудовых доходов и удовлетворённость трудом.

По мнению авторов, они наметили контуры специфических характеристик, которые отличает каждая их рассмотренных категорий и их взаимосвязь. Дальнейшие исследования требуют более чёткого определения содержания каждой из рассмотренных категорий и идентификации

²⁶ Термин «эмерджентность» характеризует свойства системы у объекта, отсутствующие у его частей.

показателей их измерения. Для проведения этой исследовательской работы в обзоре представлен обширный материал, который «даёт пищу» для продолжения аналитической работы и дискуссий,

а также позволит найти решения актуальных теоретических и практических вопросов в одной из центральных областей изучения качества и уровня жизни граждан нашей страны.

Список литературы

1. Организация Объединённых Наций (ООН): Доклад специального комитета полного состава двадцать четвертой специальной сессии Генеральной ассамблеи (A/S-24/8 Rev.). Нью-Йорк. 2000.
2. Green F., Mostafa T. Trends in job quality in Europe. Publications Office of the European Union, Euro-found, Luxembourg, 2012. ISBN 978-92-897-1071-8; DOI <https://doi.org/10.2806/35164>
3. Miñoz de Bustillo R. and others. E pluribus unum? A critical survey of job quality indicators // Socio-Economic Review. Vol. 9. Issue 3. July 2011. P. 447–475. DOI <https://doi.org/10.1093/ser/mwr005>
4. Малышевский А. Ф. Философско-терминологический словарь. Калуга: Гриф, 2004. 329 с. ISBN 5-89668-079-1
5. Robinson J.P. Some approaches to examining quality of employment indicators for disaggregated segments of the work force / eds. Biderman I. D., Drury T. E. New York: Halsted Press, 1976.
6. Антонова О.А. Качество жизни населения и качество трудовой жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6(464). С. 30–41. DOI <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10604>; EDN CCGYEB
7. Маклакова Е.А. Качество трудовой жизни как индикатор реализации трудового потенциала // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 37–47. EDN TDXPNV
8. Буткалюк В.А. Качество трудовой жизни как составляющая качества жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 138–151.
9. Потуданская В.Ф., Шайкин Д.Н. Качество жизни и качество трудовой жизни как среда формирования трудового потенциала // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 25(190). С. 33–38. EDN MSYWET
10. Бойкова Е.Б. Концепция качества трудовой жизни и теория КТЖ как ее дальнейшее развитие и конкретизация // Экономика труда и управление персоналом: Межвузовский сборник. СПб: Изд-во СПб ГУЭФ, 1998. С. 96.
11. Милаева Л.Г. Методические подходы к оценке качества трудовой жизни персонала организаций // Ползуновский альманах. 2009. № 1. С. 149–155. EDN PACWPP
12. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Литвинов В.А. [и др.] Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.) М.: ВЦУЖ, 2007. 719 с. ISBN 978-5-87227-033-1; EDN YOZLJR
13. Черных Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворённость занятостью на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 214–226. DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>; EDN PJNIBY
14. Жолудева В.В., Мельниченко Н.Ф. Статистическая оценка качества трудовой жизни работников в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2018. Том 15. № 4. С. 42–51. DOI <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-42-51>; EDN UYMXYG
15. Басова Е.А., Белехова Г.В. Качество трудовой жизни в оценках мужчин и женщин (по материалам социологического опроса Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2020. Том 8. № 2. С. 1–21. DOI <http://dx.doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.4>; EDN DKUOCW
16. Белехова Г.В., Бабич Л.В., Чекмарева Е.А. Теоретико-методологические аспекты исследования категории «качество трудовой жизни» // Социальное пространство. 2017. № 3(10). С. 2–13. // Социальное пространство: [сайт]. URL: <http://socialareajournal.ru/article/2311> (дата обращения: 04.03.2023). EDN ZCNCWF
17. Зонова О.В. Качество трудовой жизни: определение и критерии оценки // Проблемы современной экономики. 2010. № 3(35). С. 79–81. EDN NBLGLR
18. Цыганкова И.В. Современные взгляды на проблему качества трудовой жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 19(120). С. 134–141. EDN MSYLEF
19. Цыганков В.А. Теория и методология исследования качества трудовой жизни. М.: Экономика, 2006. 277 с.
20. Андреева Е.Л., Полкова Т.В. Оценка качества трудовой жизни населения регионов России // Экономика региона. 2014. № 3(35). С. 91–101. DOI <https://doi.org/10.17059/2013-3-7>, EDN RBXOXV
21. Чекмарева Е.А. Обзор современных методик оценки качества трудовой жизни населения // Качество и жизнь. 2016. №4. С. 53–61. // Качество и жизнь: [сайт]. URL: https://ql-journal.ru/articles/ru/2016/4/4_2016_sait_53-61.pdf (дата обращения: 25.05.2023). EDN XIRQFP
22. Ильмендеева О.В. Составляющие качества трудовой жизни. М., 2010. 192 с.
23. Егорова Е.Г. Мотивация как социально-психологический фактор качества трудовой жизни // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 19. № 45. С. 363–366.
24. Бреев Б.Д. О качестве занятости населения России // Общество и экономика. 2005. № 7/8. С. 305–325. EDN OXGLRN
25. Смирнова Н.А. Роль качества занятости в повышении уровня жизни населения. М.: ВЦУЖ, 2001. 275 с. ISBN 5-87227-007-0
26. Сальникова И.С. Качество занятости населения – желаемое и действительное // Человек и труд. 2007. № 6. С. 76–78. EDN HZWMYJ
27. Крутова О.С. Качество занятости населения: типологические характеристики // Вестник Поморского университета. 2006. № 3. С. 40–46.
28. Жук С.С. Исследование качественных характеристик занятости: чем довольны и к чему стремимся? // European Social Science Journal. 2015. № 6. С. 82–88. EDN UMUABL
29. Баскакова М.Е., Соболева И.В. Малый бизнес: качество занятости и соблюдение трудовых прав // Россия и современный мир. 2017. № 2(95). С. 57–74. EDN ZAFNRJ
30. Тарасова Г.М. Качество труда как основа создания качества продукции // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2014. № 1-1. С. 304–307. EDN SBDHLJ

31. Стефанова Т.Г., Козимянец К.В. Качество труда в системе менеджмента качества // Известия Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та. 2016. № 3(99). С. 82–86. EDN VWVUKP
32. Handbook on measuring quality of employment: a statistical framework. Prep. by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. NY: Economic Commission for Europe; United Nations, 2015. 320 p. // Unece: [сайт]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_40.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
33. Employment and Social Policies. A Framework for Investing in Quality, European Commission. Brus-sels. 2001 // EUR-lex: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0313:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 25.05.2023).
34. Индикаторы качества трудовой жизни // Портал «Научная Россия»: [сайт]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/indikatory-kacestva-trudovoj-zizni> (дата обращения 12.06.2023).
35. Кибанов А.Я. Экономика и социология труда: учебник. М.: ИНФРА-М, 2003. 584 с.
36. Al-Otaibi R. The Impact of Work-Life Quality on Staff Performance at Dawadami Public Hospital // Sau-di Arabia Journal of Human Resource and Sustainability Studies, 2020. Vol. 8. № 2. P. 107–130. DOI <https://doi.org/10.4236/jhrss.2020.82007>
37. Walton R. QWL Indicators—Prospects and Problems. Studies in Personnel Psychology. 1974. No 6. P. 7–18.
38. Daud N. Investigating the Relationship between Quality of Work Life and Organizational Commitment amongst Employees in Malaysian Firms. International Journal of Business & Management. 2010. Vol. 5. No 10. P. 75–82. DOI <https://doi.org/10.5539/ijbm.v5n10p75>
39. Werther W., Davis K. Human Resources and Personnel Management. New York: McGraw-Hill Series in Management, 2002. 672 p. ISBN-10 0070695725
40. Davis L.E., Cherns A.B. (Eds.). The Quality of Working Life. New York: Free Press, 1975.
41. Chernyshev I. Towards an International quality of employment framework: conceptual paper of the task force on the measurement of quality of work, Working Paper № 1. Joint UNECE/ILO/EUROSTAT Seminar on the Quality of Work. Geneva, 18–20 April, 2007.
42. Indumathy R., Kamalaraj S. Labor: A Study on Quality of Work Life among Workers with Special Preference to Textile Industry in Tirupur District a Textile Hub // International Journal of Multidisciplinary Research. 2012. Vol. 2. P. 265–281. // Zenithresearch: [сайт]. URL: http://www.zenithresearch.org.in/images/stories/pdf/2012/April/ZIJMR/24_ZIJMR_APRIL12_VOL2_ISSUE4.pdf (дата обращения 12.06.2023).
43. Hackman J.R., Suttle J.L. Improving life at work: Behavioral science approaches to organizational change. Santa Monica, CA: Goodyear, 1977. 494 p. ISBN 0876204116
44. Delamotte Y, Takezawa S. Quality of Working Life in International Perspective. Geneva: International Labour Office, 1984. 89 p. ISBN 922103402X
45. Feuer D. Quality of work life: a cure for all ills? // Training: The Magazine of Human Resources Development. 1989. No 26. P. 65–66.
46. Rethinam G.S., Ismail M. Constructs of Quality of Work Life: A Perspective of Information and Technology Professionals // European Journal of Social Sciences. 2008. No 1.
47. Murtin F., et al. The relationship between quality of the working environment, workers' health and well-being: Evidence from 28 OECD countries // OECD Papers on Well-being and Inequalities/ 2022. No 04. OECD Publishing, Paris. DOI <https://doi.org/10.1787/c3be1162-en>
48. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment, 2017. OECD Publishing, Paris. DOI <http://dx.doi.org/10.1787/9789264278240-en>
49. Cazes S., Hijzen A., Saint-Martin A. Measuring and Assessing Job Quality: The OECD Job Quality Framework. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. OECD Publishing, Paris. 2015. No 174. 52 p. DOI <https://doi.org/10.1787/5jrp02kjl1mr-en>
50. Holman D., McClelland C. Job Quality in Growing and Declining Economic Sectors of the EU, Manchester Business School, Manchester. WALQING working paper 2011.3. European Commission, European Research Area. 2011. // Manchester Business School: [сайт]. URL: https://pure.manchester.ac.uk/ws/portalfiles/portal/33083220/FULL_TEXT.PDF (дата обращения 12.06.2023).
51. Green F. Demanding work. The paradox of job quality in the affluent economy. Woodstock, Princeton University Press, 2006. ISBN 9780691134413
52. Иванова К.А. Качественные характеристики занятости: дифференциация смежных понятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3–1. С. 56–62. // Vaael: [сайт]. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=351> (дата обращения: 15.05.2023), EDN YZIWNF
53. ILO. Measuring job quality: difficult but necessary // Ilostat: [сайт]. URL: <https://ilostat.ilo.org/measuring-job-quality-difficult-but-necessary/> (дата обращения: 25.05.2023).
54. Vermeulen G. Quality in work and employment in the European Working Conditions Survey, Working Paper № 4 UNECE/ILO/Eurostat Seminar on the Quality of Work, Geneva, May 11 to 13, 2005. P. 2. // Unece: [сайт]. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/2005/05/labour/wp.4.e.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).
55. Tangian A.S. Is work in Europe decent? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005, WSI-Diskussionspapier 2007. № 157. Wirtschafts- und Sozialwissenschaftliches Institut in der Hans-Böckler-Stiftung, Düsseldorf // NBN-Resolving: [сайт]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-219237> (дата обращения: 25.05.2023).
56. Leschke J., Watt A., Finn M. Putting a number on job quality? Constructing a European job quality index, European Trade Union Institute for Research, Education and Health and Safety. Brussels, 2008. ISSN 1994-4446
57. Черных Е.А. Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 199–215. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215
58. Cottini E., Lucifora C. Mental health and working conditions in Europe // ILR Review. 2013. Vol. 66. Issue 4. P. 958–988. DOI <https://doi.org/10.1177/001979391306600409>
59. Warr P. Work, happiness, and unhappiness. Lawrence Erlbaum Associates, Psychology Press. London, 2007. 562 p. DOI <https://doi.org/10.4324/9780203936856>
60. Green F. Unpacking the misery multiplier: how employability modifies the impacts of unemployment and job insecurity on life satisfaction and mental health // Journal of Health Economics. 2011. Vol. 30. No 2. P. 265–276. DOI <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2010.12.005>

61. *Arends I., C. Prinz C., Abma F.* Job quality, health and at-work productivity // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2017. No 195. DOI <https://dx.doi.org/10.1787/43ff6bdc-en>
62. *Arnold D.* Determinants of the annual duration of sickness presenteeism: Empirical evidence from European data, Labour, 2016. Vol. 30/2, P. 198–212 // Onlinelibrary: [сайт]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/labr.12053>. (дата обращения: 25.05.2023).
63. *Wang J., Ze Q.* Human Capital Investment and Employment Quality: The Mediating Role of Career Development. Highlights in Business, Economics and Management. 2023. Vol. 11. URL: https://www.researchgate.net/publication/370712222_Human_Capital_Investment_and_Employment_Quality_The_Mediating_Role_of_Career_Development (дата обращения: 25.05.2023).
64. *Вередюк О.В.* Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворённости работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306–323. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>, EDN XSWAUP
65. *Gevaert J., De Moortel D., Eiffe F., Vanroelen Ch.* Does employment status matter for job quality? A cross-national perspective // Work: A Journal of Prevention, Assessment & Rehabilitation. 2023. DOI <https://doi.org/10.3233/WOR-210916>
66. *Tangian A.S.* Is flexible work precarious? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005 // 2007. WSI Working Papers 153, The Institute of Economic and Social Research (WSI), Hans Böckler Foundation // Econstor.eu: [сайт]. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/21599/1/p_wsi_diskp_153_e.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
67. *Tucker D.* Precarious Non-Standard Employment – A Review of the Literature. New Zealand: Labour Market Policy Group, Department of Labour, 2002. 78 p.
68. *Vives A., Amable M., Ferrer M.* et al. The Employment Precariousness Scale (EPRES): psychometric properties of a new tool for epidemiological studies among waged and salaried workers // Occupational and Environmental Medicine. 2010. Vol. 67. No 8. P. 548–555. DOI <https://doi.org/10.1136/oem.2009.048967>
69. *Amable M.* La precariedad laboral y su impacto en la salud: Un estudio en trabajadores en Espana [Job insecurity and its impact on health: A study of workers in Spain], Doctoral thesis, Universitat Pompeu Fabra, Barcelona, Spain. 2006.
70. *Rodgers G.* Precarious work in Western Europe: The state of the debate, in Rodgers, G., and Rodgers, J., (eds) 'Precarious jobs in labour market regulation: the growth of atypical employment in Western Europe', International Institute for Labour Studies. Free University of Brussels. Geneva, 1989. P. 1–16. ISBN 92-9014-452-1
71. Quality of employment conditions and employment relations in Europe. Dublin: Eurofound, 2013. 66 p. // Eurofond: [сайт]. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1367en.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
72. Job Quality in the Platform Economy. Geneva: ILO. 2018. // ILO: [сайт]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_618167.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
73. *Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A., Agloni N.* The quality of employment and decent work: definitions, methodologies, and ongoing debates // Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 38. Issue 2. P. 459–477. DOI <https://doi.org/10.1093/cje/bet067>
74. *Bescond D., Châtaignier A., Mehran F.* Seven indicators to measure decent work: An international comparison // International Labour Review. 2003. Vol. 142(2). P. 179–212. DOI <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00258.x>
75. *Bonnet F., Figueiredo J.B., Standing G.* A family of decent work indexes // International Labour Review. 2003. Vol. 142(2). P. 213–238. DOI <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00259.x>
76. Laeken' Indicators – Detailed Calculation Methodology. European Commission EUROSTAT // CSO: [сайт]. URL: https://www.cso.ie/en/media/csoie/methods/surveyonincomeandlivingconditions/Laeken_Indicators_-_calculation_algorithm.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
77. UNICE position paper on the Commission Communication 'Employment and Social Policies: A Framework for Investing in Quality. 2001 // Business Europe: [сайт]. URL: <https://www.bussinesseurope.eu/sites/buseur/files/media/imported/2002-03849-E.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).
78. Измерение достойного труда на основе рекомендаций Трёхстороннего совещания экспертов по измерению достойного труда (Сентябрь 2008 г.) // ILO: [сайт]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/meetingdocument/wcms_192844.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
79. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version. International Labour Office. Geneva: ILO. 2013. 257 p. ISBN 9789221280187
80. *Vets C., De Witte H., Notelaers G.* Werkkenmerken en het welzijn van Belgische werknemers gedurende het laatste decennium [Work characteristics and welfare of Belgian employees during the last decade], FPS Employment, Labour and Social Dialogue, Brussels. 2009.
81. The future of work in Europe: job quality and work organisation for a smart, sustainable and inclusive growth, Chapter 3 in Employment and Social Developments in Europe 2014, European Commission. Brussels, 2015. ISBN 978-92-79-39484-3
82. *Alpert D., Ferry J., Hockett R.C., Khaleghi A.* The U.S. Private Sector Job Quality Index // Cornell Law School. 2019. // UBWP. Buffalo.EDU: [сайт]. URL: <https://ubwp.buffalo.edu/job-quality-index-jqi/wp-content/uploads/sites/171/2021/08/jqi-white-paper.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
83. *De Moortel D., Gevaert J., Vanroelen Ch.* Employment status and job quality. Eurofound. 2018 // Re-searchgate: [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/329152797_Employment_status_and_job_quality/stats (дата обращения: 12.06.2023).
84. *Bakker A.* The job demands-resources model: State of the art // Journal of Managerial Psychology, 2007. Vol. 22, P. 309–328, DOI <https://dx.doi.org/10.1108/02683940710733115>
85. *Demerouti E.* The job demands-resources model of burnout // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86/3, P. 499–512. DOI <https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.3.499>
86. Working conditions in a global perspective. Publications Office of the European Union and International Labour Organization Luxembourg. Geneva, 2019. DOI <https://doi.org/10.2806/870542>
87. Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики. ЕЭК ООН. 2021 // UNECE: [сайт]. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New%20forms%20of%20employment%20RUS.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
88. Квалиметрия жизни: монография / Г.Г. Азгальдов, В.Н. Бобков, В.Я. Ельмеев [и др.], М.: ВЦУЖ. Ижевск: Издательство института экономики и управления УдГУ, 2006. 820 с. ISBN 5-87227-031-3
89. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / под общ. ред. В.Н. Бобкова. – 2-е изд., дополненное и переработанное. Москва: ВЦУЖ; «Руски», 2014. 409 с. ISBN 978-5-296-00577-4

90. The Quality of Employment (QoE) in nine Latin American countries: A multidimensional perspective / K. Sehnbruch, P. González, M. Apablaza, R. Méndez, V. Arriagada // *World Development*. 2020. Vol. 127. P. 104738. DOI <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104738>
91. Бобков В.Н., Юдина М.А., Бобкова Т.Е. [и др.] Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
92. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения / гл. науч. ред. В.Н. Бобков, зам. гл. ред. Н.В. Локтюхина. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2018. 80 с. ISBN 978-5-7307-1458-8
93. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
94. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // *Социологические исследования*. 2015. № 6. С. 3–13. EDN UAXUBZ
95. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // *Вопросы экономики*. 2023. № 1. С. 59–85. DOI <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-59-85>, EDN GMPYWQ
96. Бобков В.Н., Одинова Е.В. Потенциал качества занятости поколенных групп работников и экономическая устойчивость их домохозяйств // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023. Т. 16. № 3. С. 196–211. DOI <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.10>, EDN UQQIJU
97. Смирных Л.И. Удовлетворённость работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью // *Экономика образования*. 2009. Т. 4. № 2. С. 32–40. EDN TQJQRQ

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: bobkovvn@mail.ru), (elibrary AuthorID: 275902), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>), (ResearchID: U-6527-2019)

Екатерина Алексеевна Черных – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com) (e-library AuthorID: 473083) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>) (ResearcherID: AAF-7310-2021)

Заявленный вклад авторов:

Бобков В.Н. – идея, постановка проблемы, формулирование гипотезы исследования и аргументации ее подтверждения, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Черных Е.А. – разработка концепции исследования, обзор исследований и публикаций, обработка и анализ методик, табличное представление данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Екатерина Алексеевна Черных.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

- United Nations (UN). Report of the Ad Hoc Committee of the Whole to the Twenty-fourth Special Session of the General Assembly (A/S-24/8 Rev.). NY. 2000.
- Green F, Mostafa T. Trends in job quality in Europe. Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg; 2012. ISBN 978-92-897-1071-8; DOI <https://doi.org/10.2806/35164>
- Muñoz de Bustillo R. et al. E pluribus unum? A critical survey of job quality indicators. *Socio-Economic Review*. 2011;9(3):447–475. DOI <https://doi.org/10.1093/ser/mwr005>
- Malyshevsky A.F. Philosophical and terminological dictionary. Kaluga: Grif; 2004. 329 p. ISBN 5-89668-079-1
- Robinson J.P. Some approaches to examining the quality of employment indicators for disaggregated segments of the work force. In A. D. Biderman & T. E. Drury (eds.), *Measuring work quality for social reporting*. New York: Halsted Press, 1976.
- Antonova O.A. The quality of life of the population and the quality of working life. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;6(464):30-41. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10604>
- Maklakova E.A. The quality of working life as an indicator of the realization of labor potential. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University A.S. Pushkin*. 2014;(2):37–47. (In Russ.)
- Butkalyuk V.A. The quality of working life as a component of the quality of life. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing = Sociology: theory, methods, marketing*. 2010;(4):138-151. (In Russ.)
- Potudanskaya V.F., Shaikin D.N. Quality of life and quality of working life as an environment for the formation of labor potential. *Ekonoicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2010;25(190):33-38. (In Russ.)
- Boikova E.B. The concept of the quality of working life and the theory of KTZ as its further development and concretization. *Ekonomika truda i upravleniye personalom: Mezhvuzovskiy sbornik = Labor Economics and Personnel Management: Interuniversity Collection*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg GUEF; 1998. 96 p. (In Russ.)
- Milyaeva L.G. Methodological approaches to assessing the quality of the working life of the personnel of organizations. *Polzunovskiy al'manakh*. 2009;(1):149–155. (In Russ.)
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Litvinov V.A. et al. The quality and standard of living of the population in the new Russia (1991–2005). Moscow: VTSUZH; 2007. 719 p. (In Russ.) ISBN 978-5-87227-033-1
- Chernykh E.A. Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labor Market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):214-226. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>

14. Zholudeva V.V., Melnichenko N.F. Statistical assessment of the quality of working life of workers in the Russian Federation. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2018;15(4):42-51. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-42-51>
15. Basova E.A., Belekhova G.V. The quality of working life in the assessments of men and women (based on a sociological survey of the Vologda Oblast). *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Issues of territorial development*. 2020;8(2):1-21. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.4>
16. Belekhova G.V., Babich L.V., Chekmareva E.A. Theoretical and methodological aspects of the study of the category "quality of working life". *Sotsial'noye prostranstvo = Social space*. 2017;3(10):2-13. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2311> (date of access: 25.05.2023) (In Russ.)
17. Zonova O. V. Quality of working life: definition and evaluation criteria. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of modern economics*. 2010;3(35):79-81. (In Russ.)
18. Tsygankova I.V. Modern views on the problem of the quality of working life. *Vestnik Chelyab. gos. un-ta = Bulletin of the Chelyab. state university*. 2008;19(120):134-141. (In Russ.)
19. Tsygankov V.A. Theory and methodology for studying the quality of working life. Moscow: Economics; 2006. 277 p. (In Russ.)
20. Andreeva E.L., Polkova T.V. Evaluation of the quality of working life of the population of Russian regions. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2014;3(35):91-101. (In Russ.)
21. Chekmareva E.A. Review of modern methods for assessing the quality of the working life of the population. *Kachestvo i zhizn' = Quality and life*. 2016;(4):53-61. URL: https://ql-journal.ru/articles/ru/2016/4/4_2016_sait_53-61.pdf (date of access: 15.05.2023) (In Russ.)
22. Ilmendeeva O.V. Components of the quality of working life. Moscow; 2010. 192 p. (In Russ.)
23. Egorova E.G. Motivation as a socio-psychological factor in the quality of working life. *Izvestiya RGPU im. A. I. Herzen = Proceedings of the Russian State Pedagogical University A. I. Herzen*. 2007;19(45):363-366. (In Russ.)
24. Breev B.D. On the quality of employment in Russia. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*. 2005;7/8:305-325. (In Russ.)
25. Smirnova N.A. The role of the quality of employment in improving the standard of living of the population. Moscow: Publishing house of VCUZH; 2001. 275 p. (In Russ.) ISBN 5-87227-007-0
26. Salnikova I.S. The quality of employment of the population – the desired and the actual. *Chelovek i trud = Person and labor*. 2007;(6):76-78. (In Russ.)
27. Krutova O.S. The quality of employment of the population: typological characteristics. *Vestnik Pomorskogo universiteta = Bulletin of the Pomor University*. 2006;(3):40-46. (In Russ.)
28. Zhuk S.S. A study of the qualitative characteristics of employment: what are you satisfied with and what are you striving for? *European Social Science Journal*. 2015;(6):82-88. (In Russ.)
29. Baskakova M.E., Soboleva I.V. Small business: quality of employment and observance of labor rights. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern world*. 2017;2(95):57-74. (In Russ.)
30. Tarasova G.M. Quality of labor as a basis for creating product quality. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki = Proceedings of the Tula State University Economic and Juridical Sciences*. 2014;(1-1): 304-307. (In Russ.)
31. Stefanova T.G., Kozimyanets K.V. Quality of labor in the quality management system. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg state economic university*, 2016;3(99):82-86. (In Russ.)
32. Handbook on measuring the quality of employment: a statistical framework. Prep. by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. NY: Economic Commission for Europe; United Nations, 2015. 320 p. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_40.pdf (date of access: 15.05.2023).
33. Employment and Social Policies. A Framework for Investing in Quality, European Commission. Brus-sels. 2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0313:FIN:EN:PDF> (date of access: 15.05.2023).
34. Indicators of the quality of working life. Scientific Russia portal. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/indikatory-kachestva-trudovoj-zizni> (date of access: 01.07.2023).
35. Kibanov A.Ya. Economics and sociology of labor: textbook. Moscow: INFRA-M; 2003. 584 p. (In Russ.)
36. Al-Otaibi R. The Impact of Work-Life Quality on Staff Performance at Dawadami Public Hospital, *Saudi Arabia Journal of Human Resource and Sustainability Studies*. 2020;8(2):107-130. DOI <https://doi.org/10.4236/jhrss.2020.82007>
37. Walton R. QWL Indicators – Prospects and Problems. *Studies in Personnel Psychology*. 1974;(6):7-18.
38. Daud N. Investigating the Relationship between Quality of Work Life and Organizational Commitment among Employees in Malaysian Firms. *International Journal of Business & Management*. 2010;5(10):75-82. DOI <https://doi.org/10.5539/ijbm.v5n10p75>
39. Werther W., Davis K. Human Resources and Personnel Management. New York: McGraw-Hill Series in Management; 2002. 672 p. ISBN-10 0070695725
40. Davis L.E., Cherns A.B (Eds.). The Quality of Working Life. New York: Free Press; 1975.
41. Chernyshev I. Towards an International quality of employment framework: conceptual paper of the task force on the measurement of quality of work, Working Paper № 1. Joint UNECE/ILO/EUROSTAT Seminar on the Quality of Work. Geneva, April 18–20, 2007.
42. Indumathy R., Kamalarj S. Labor: A Study on Quality of Work Life among Workers with Special Preference to Textile Industry in Tirupur District a Textile Hub. *International Journal of Multidisciplinary Research*. 2012;(2):265-281. URL: http://www.zenithresearch.org.in/images/stories/pdf/2012/April/ZIJMR/24_ZIJMR_APRIL12_VOL2_ISSUE4.pdf (date of access: 15.05.2023).
43. Hackman J.R., Suttle J.L. Improving life at work: Behavioral science approaches to organizational change. Santa Monica, CA: Goodyear; 1977. 494 p. ISBN 0876204116
44. Delamotte Y. Takezawa S. Quality of Working Life in International Perspective. Geneva: International Labor Office; 1984. 89 p. ISBN 922103402X
45. Feuer D. Quality of work life: a cure for all ills? Training; *The Magazine of Human Resources Development*. 1989;(26):65-66.
46. Retinam G.S. Ismail M. Constructs of Quality of Work Life: A Perspective of Information and Technology Professionals. *European Journal of Social Sciences*. 2008;7(1).
47. Murtin F., et al. The relationship between quality of the working environment, workers' health and well-being: Evidence from 28 OECD countries. OECD Papers on Well-being and Inequalities. Paris: OECD Publishing. 2022;(04). DOI <https://doi.org/10.1787/c3be1162-en>

48. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment, 2017. OECD Publishing, Paris. DOI <http://dx.doi.org/10.1787/9789264278240-en>
49. Cazes S., Hijzen A., Saint-Martin A. Measuring and Assessing Job Quality: The OECD Job Quality Framework. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris: OECD Publishing; 2015. 52 p. DOI <https://doi.org/10.1787/5jrp02kqw1mr-en>
50. Holman D., McClelland C. Job Quality in Growing and Declining Economic Sectors of the EU. Manchester Business School, Manchester. WALQING working paper 2011.3. European Commission, European Research Area. 2011. URL: https://pure.manchester.ac.uk/ws/portalfiles/portal/33083220/FULL_TEXT.PDF (date of access: 15.05.2023).
51. Green F. Demanding work. The paradox of job quality in the affluent economy. Woodstock, Princeton University Press; 2006. ISBN 9780691134413
52. Ivanova K.A. Qualitative characteristics of employment: differentiation of related concepts. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;(3-1):56–62. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=351> (date of access: 15.05.2023).
53. Measuring job quality: difficult but necessary. ILO. URL: <https://ilostat.ilo.org/measuring-job-quality-difficult-but-necessary/> (date of access: 25.05.2023).
54. Vermeylen G. Quality in work and employment in the European Working Conditions Survey, Working Paper № 4 UNECE/ILO/Eurostat Seminar on the Quality of Work, Geneva, May 11 to 13. 2005;4:2. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/2005/05/labour/wp.4.e.pdf> (date of access: 15.05.2023).
55. Tangian A.S. Is work in Europe decent? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005, WSI-Diskussionspapier 2007;(157), Wirtschafts- und Sozialwissenschaftliches Institut in der Hans-Böckler-Stiftung, Düsseldorf. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-219237> (date of access: 15.05.2023).
56. Leschke J., Watt A., Finn M. Putting a number on job quality? Constructing a European job quality in-dex, European Trade Union Institute for Research, Education and Health and Safety. Brussels; 2008. ISSN 1994-4446
57. Chernykh E.A. Dynamics and determinants of satisfaction with the work of Russians in the characteristics of human potential. *Uroven' zhizni naseleniya regionsov Rossii = Living standards of the population of regions of Russia*. 2023;19(2):199–215. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215
58. Cottini E., Lucifora C. Mental health and working conditions in Europe. *ILR Review*. 2013;66(4):958–988. DOI <https://doi.org/10.1177/001979391306600409>
59. Warr P. Work, happiness, and unhappiness. London: Lawrence Erlbaum Associates, Psychology Press; 2007. 562 p. DOI <https://doi.org/10.4324/9780203936856>
60. Green F. Unpacking the misery multiplier: how employability modifies the impacts of unemployment and job insecurity on life satisfaction and mental health. *Journal of Health Economics*. 2011;30(2):265–276. DOI <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2010.12.005>
61. Arends I., Prinz C., Abma F. Job quality, health and at-work productivity. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2017;(195). DOI <https://dx.doi.org/10.1787/43ff6bdc-en>
62. Arnold D. Determinants of the annual duration of sickness presenteeism: Empirical evidence from European data, *Labor*. 2016;(30/2):198–212. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/labr.12053> (date of access: 15.05.2023).
63. Wang J., Ze Q. Human Capital Investment and Employment Quality: The Mediating Role of Career Development. *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023;(11). URL: https://www.researchgate.net/publication/370712222_Human_Capital_Investment_and_Employment_Quality_The_Mediating_Role_of_Career_Development (date of access: 15.05.2023).
64. Veredyuk O.V. Quality of Youth Employment in Russia: Analysis of Job Satisfaction Estimates. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*. 2018;(3):306–323. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>
65. Gevaert J., De Moortel D., Eiffe F., Vanroelen Ch. Does employment status matter for job quality? A cross national perspective. *Work: A Journal of Prevention, Assessment & Rehabilitation*. 2023. DOI <https://doi.org/10.3233/WOR-210916>
66. Tangian A.S. Is flexible work precarious? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005. 2007. *WSI Working Papers 153*, The Institute of Economic and Social Research (WSI), Hans Böckler Foundation. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/21599/1/p_wsi_diskp_153_e.pdf (date of access: 15.05.2023).
67. Tucker D. Precarious Non-Standard Employment – A Review of the Literature. New Zealand: Labor Market Policy Group, Department of Labor; 2002. 78 p.
68. Vives A., Amable M., Ferrer M. et al The Employment Precariousness Scale (EPRES): psychometric properties of a new tool for epidemiological studies among waged and salaried workers. *Occupational and Environmental Medicine*. 2010;67(8):548–555. DOI <https://doi.org/10.1136/oem.2009.048967>
69. Amable M. La precariedad laboral y su impacto en la salud: Un estudio en trabajadores en Espana [Job insecurity and its impact on health: A study of workers in Spain]. Doctoral thesis, Universitat Pompeu Fabra, Barcelona, Spain. 2006.
70. Rodgers G. Precarious work in Western Europe: The state of the debate, in Rodgers G., and Rodgers J., (eds) 'Precarious jobs in labor market regulation: the growth of atypical employment in Western Europe', International Institute for Labor Studies. Geneva: Free University of Brussels; 1989. ISBN 92-9014-452-1
71. Quality of employment conditions and employment relations in Europe. Dublin: Eurofound; 2013. 66 p. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1367en.pdf (date of access: 15.05.2023).
72. Job Quality in the Platform Economy. Geneva: ILO; 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_618167.pdf (date of access: 15.05.2023).
73. Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A., Agloni N. The quality of employment and decent work: definitions, methodologies, and ongoing debates. *Cambridge Journal of Economics*. 2014;38(2):459–477. DOI <https://doi.org/10.1093/cje/bet067>
74. Bescond D., Châtaignier A., Mehran F. Seven indicators to measure decent work: An international comparison. *International Labor Review*. 2003;142(2):179–212. DOI <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00258.x>
75. Bonnet F., Figueiredo J.B., Standing G. A family of decent work indexes. *International Labor Review*. 2003;142(2): 213–238. DOI <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00259.x>
76. Laeken' Indicators – Detailed Calculation Methodology. European Commission EUROSTAT. URL: https://www.cso.ie/en/media/csoie/methods/surveyonincomeandlivingconditions/Laeken_Indicators_-_calculation_algorithm.pdf (date of access: 15.05.2023).

77. UNICE position paper on the Commission Communication 'Employment and Social Policies: A Frame-work for Investing in Quality. 2001. URL: <https://www.business-europe.eu/sites/buseur/files/media/imported/2002-03849-E.pdf> (date of access: 15.05.2023).
78. Measuring Decent Work Based on the Recommendations of the Tripartite Meeting of Experts on Measuring Decent Work (September 2008). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/meetingdocument/wcms_192844.pdf (date of access: 15.05.2023).
79. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version. International Labor Office. Geneva: ILO; 2013. 257 p. ISBN 9789221280187
80. Vets C., De Witte H., Notelaers G. Werkkenmerken en het welzijn van Belgische werknemers gedurende het laatste decennium [Work characteristics and welfare of Belgian employees during the last decade]. Brussels: FPS Employment, Labor and Social Dialogue; 2009.
81. The future of work in Europe: job quality and work organization for a smart, sustainable and inclusive growth, Chapter 3 in Employment and Social Developments in Europe 2014, European Commission. Brussels; 2015. ISBN 978-92-79-39484-3
82. Alpert D., Ferry J., Hockett R.C., Khaleghi A. The U.S. Private Sector Job Quality Index. *Cornell Law School*. 2019. URL: <https://ubwp.buffalo.edu/job-quality-index-jqi/wp-content/uploads/sites/171/2021/08/jqi-white-paper.pdf> (date of access: 15.05.2023).
83. De Moortel D., Gevaert J., Vanroelen Ch. Employment status and job quality. Eurofound; 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/329152797_Employment_status_and_job_quality (date of access: 15.05.2023).
84. Bakker A. The job demands-resources model: State of the art. *Journal of Managerial Psychology*. 2007;(22):309-328. DOI <http://dx.doi.org/10.1108/02683940710733115>
85. Demerouti E. The job demands-resources model of burnout. *Journal of Applied Psychology*. 2001;(86/3):499-512. DOI <https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.3.499>
86. Working conditions in a global perspective. Publications Office of the European Union and International Labor Organization Luxembourg. Geneva; 2019. DOI <https://doi.org/10.2806/870542>
87. New forms of employment and the quality of employment: implications for official statistics. UNECE; 2021. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New%20forms%20of%20employment%20RUS.pdf> (date of access: 15.05.2023).
88. Azgal'dov G.G., Bobkov V.N., El'meev V.YA. et al. Qualimetry of life. Moscow: All-Russian Center for Living Standards; Izhevsk: Publishing House of the Institute of Economics and Management of the Ural State University; 2006. 820 p. (In Russ.)
89. Bobkov V.N., ed. Social'naya politika, uroven' i kachestvo zhizni: slovar'. 2-ye izd., dopolnennoye i pererabotannoye. Moscow: VTSUZH; "Rusaki"; 2014. 409 p. (In Russ.) ISBN 978-5-296-00577-4
90. Sehnbruch K., González P., Apablaza M., Méndez R., Arriagada V. The Quality of Employment (QoE) in nine Latin American countries: A multidimensional perspective. *World Development*. 2020;(127):104738. DOI <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104738>
91. Bobkov V.N., Yudina M.A., Bobkova T.E. et al. The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future: [monograph] /; ed. V.N. Bobkov (editor-in-chief), N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva; FNISC RAS. Moscow: New Chronograph; 2022. 274 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
92. Precarious employment in the Russian Federation: state and directions of decline. Ch. scientific ed. V.N. Bobkov, Deputy ch. ed. N.V. Loktyukhina. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "REU G.V. Plekhanov"; 2018. 80 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7307-1458-8
93. Standing G. Precariat: a new dangerous class. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. 328 p. (In Russ.) ISBN 978-5-91103-209-8
94. Toshchenko Zh.T. Precariat – a new social class. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2015;(6):3-13. (In Russ.)
95. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Job structure evolution in Russia: Polarization, upgrading, stalemate. *Voprosy Ekonomiki = Economic questions*. 2023;(1):59-85. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-59-85>
96. Bobkov V.N., Odintsova E.V. The employment quality potential of generation groups of workers and the economic sustainability of their households. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(3):196–211. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.10>
97. Smirnykh L.I. Job satisfaction: the choice between stable employment and labor mobility. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of education*. 2009;4(2):32-40. (In Russ.)

Information about the authors:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia (e-mail: bobkovvn@mail.ru) (ПИНЦ Author ID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (WoS ResearcherID: U-6527-2019)

Ekaterina A. Chernykh – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia. (e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com) (ПИНЦ Author ID: 473083) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>) (WoS ResearcherID: AAF-7310-2021)

Authors' declared contribution:

Vyacheslav N. Bobkov – idea, statement of the problem, formulation of the research hypothesis and arguments for its confirmation, analysis of the research results, formulation of the research conclusions.

Ekaterina A. Chernykh – development of the research concept, review of research and publications, processing and analysis of methods, tabular presentation of data, analysis of research results, formulation of the research conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Ekaterina A. Chernykh.

The article was submitted 14.06.2023; approved after reviewing 28.07.2023; accepted for publication 15.08.2023

Оригинальная статья

УДК 331.5

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_6_385_394

EDN: LHJVOO

Наёмные работники организаций: качественно-количественная идентификация на основе проявлений неустойчивой занятости

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(odin_ev@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

В статье раскрывается проблематика неустойчивой занятости в аспекте оценивания состояния и динамики её проявлений в формальной экономике – в сегменте занятости по найму. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ проведена качественно-количественная идентификация групп работников организаций на основе верифицированных индикаторов неустойчивой занятости. Выделены три группы работников: 1) устойчиво занятые (индикаторы отсутствуют), 2) переходная группа (имеются от одного до трёх не ключевых индикаторов), 3) неустойчиво занятые (имеются ключевые индикаторы, которые могут сопровождаться не ключевыми проявлениями неустойчивой занятости). Получены количественные оценки данных групп по состоянию до начала вступления нашей страны в новый этап развития в 2022 г. Выявлено, что в 2021 г. среди наёмных работников организаций преобладали неустойчиво занятые – они составляли 87,2%, в том числе умеренная концентрация индикаторов отличала 45,4% работников, высокая концентрация – 33,8% работников, а наиболее уязвимое положение (с наиболее высокой концентрацией индикаторов) имели 8,0% работников. Переходная группа работников насчитывала 5,3%, а устойчиво занятыми являлись только 7,5% работников организаций. Проведённое количественное оценивание выделенных групп работников на основе проявлений неустойчивой занятости в динамике за более чем десятилетний период (2008–2021 гг.) по «реперным точкам» – 2008 г., 2014 г., 2020 г. и 2021 г., показало, что «композиционно» ситуация с качеством занятости в формальном секторе принципиально не изменилась. Доля устойчивой занятости в рассматриваемый период являлась низкой, сохраняясь на уровне менее 10 %, а неустойчивой занятостью с разной концентрацией были охвачены более 80% работников. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости комплексных мер по повышению качества занятости в формальном секторе экономики и снижению проявлений неустойчивой занятости.

Ключевые слова: наёмные работники организаций, качество занятости, неустойчивая занятость, индикаторы неустойчивой занятости, ключевые индикаторы, не ключевые индикаторы, неустойчиво занятые работники, переходная группа работников, устойчиво занятые работники

Для цитирования: *Одинцова Е.В.* Наёмные работники организаций: качественно-количественная идентификация на основе проявлений неустойчивой занятости // *Уровень жизни населения регионов России.* 2023. Том 19. № 3. С. 385–394. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_6_385_394; EDN LHJVOO

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_6_385_394

EDN: LHJVOO

Employees of Organizations: Qualitative and Quantitative Identification Based on Manifestations of Precarious Employment

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(odin_ev@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The article reveals the problems of precarious employment in the aspect of assessing the state and dynamics of its manifestations in the formal economy - in the segment of employment for hire. Qualitative and quantitative identification of groups of employees of organizations based on verified indicators of precarious employment was carried out on the basis of data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics. Three groups of employees are identified: 1) sustainably employed (there are no indicators), 2) transition group (there are from one to three non-key indicators), 3) precariously employed (there are key indicators that may be accompanied by non-key manifestations of precarious employment). Quantitative estimates of these groups were obtained as of the beginning of our country's entry into a new stage of development in 2022. It was revealed that in 2021 among the employees of organizations, the precariously employed prevailed – they made up 87.2%, including a moderate concentration of indicators distinguished 45.4% of employees, a high concentration – 33.8% of employees, and the most vulnerable position (with the highest concentration of indicators) had 8.0% of employees. The transitional group of employees numbered 5.3%, and only 7.5% of employees of organizations were sustainably employed. The conducted quantitative assessment of the selected groups of employees based on the manifestations of precarious employment in dynamics over a ten-year period (2008–2021) by "reference points" – 2008, 2014, 2020 and 2021, showed that the "compositional" situation with the quality of employment in the formal sector haven't changed in principle. The share of sustainable employment in the period under review was low, remaining at less than 10%, and precarious employment with different concentrations covered more than 80% of employees. The results of the study indicate the need for comprehensive measures to improve the quality of employment in the formal sector of the economy and reduce the manifestations of precarious employment.

Keywords: employees of organizations, quality of employment, precarious employment, indicators of precarious employment, key indicators, non-key indicators, precariously employed workers, transitional group of workers, sustainably employed workers

For citation: Odintsova E.V. Employees of Organizations: Qualitative and Quantitative Identification Based on Manifestations of Precarious Employment. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):385–394. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_6_385_394

Введение

Новый этап развития нашей страны после 2022 г. ставит новые вызовы, на которые предстоит отвечать, в том числе и в сфере занятости, в условиях уже имеющихся рисков и проблем вследствие коронакризиса (снижение численности занятых и пр.) и на фоне общих трансформационных процессов, которые претерпевает сфера труда (развитие нестандартных форм занятости и пр.)¹ [1–4]. Актуализируются риски снижения качества занятости в связи с распространением проявлений неустойчивой занятости [4; 5], определяя необходимость приращения научного знания о данном феномене и его последствиях на основе дальнейших исследовательских разработок для выработки эффективных мер повышения качества занятости и противодействия расширению сферы неустойчивой занятости.

Неустойчивая занятость (англ. *precarious employment*), вынужденная утрата (ущемление) трудовых, экономических и социальных прав работников [4, с. 6], является общемировым феноменом, последствия которого не ограничиваются сферой занятости, привлекая внимание к нему российских и зарубежных исследователей. Неустойчивая занятость негативно сказывается как на самих работниках (параметры качества занятости, трудовой потенциал, включая здоровье, и др.) [6–8; и др.], так и на их домохозяйствах (качество и уровень жизни) [9–13; и др.]. Неустойчивая занятость, проецируясь на различные стороны жизни работников, ведёт к прекаризации разных сфер общества (экономической, социальной, культурной и др.) и становлению новых социальных групп (прекариата) [14–17; и др.].

В данном исследовании проблематика неустойчивой занятости прорабатывается автором в аспекте оценивания состояния и динамики её проявлений, позволяя дополнить результаты мониторинговых исследований неустойчивой занятости в рамках Мониторинга доходов и уровня жизни населения России [18].

Цель данного исследования состояла в проведении качественной и количественной идентификации (состояние и динамика) групп работ-

ников, различающихся по наличию проявлений неустойчивой занятости. **Объект исследования** – наёмные работники, занятые в организациях. **Предмет исследования** – качество занятости работников, определяемое наличием и концентрацией индикаторов неустойчивой занятости. Гипотеза исследования: проявления неустойчивой занятости имеют широкое распространение, характеризуясь в рассматриваемый период нарастающей динамикой, как в своих совокупных масштабах, так и в части высокой концентрации её проявлений.

Методология и данные исследования

Неустойчивая занятость, свидетельствующая о низком качестве занятости, получила широкое распространение в нашей стране, охватывая различные сектора экономики, сегменты занятости, группы работников [4; 5; 16]. В рамках данного исследования автор фокусируется на основном (по численности) сегменте занятости в России – занятость по найму в формальном секторе экономики, доля которой в 2021 г. превышала 80%², ставя в центр исследования наёмных работников организаций.

Для выявления групп работников, различающихся в зависимости от проявлений неустойчивой занятости, применялся перечень индикаторов, полученных по результатам более ранних исследований с участием автора, в ходе которых были отобраны и верифицированы значимые для выявления и характеристики данного явления индикаторы, среди которых с учётом их приоритетности были выделены ключевые и не ключевые [19].

В данном исследовании были востребованы следующие из верифицированного перечня индикаторы для идентификации неустойчивой занятости применительно к наёмным работникам (таблица 1).

Приведённые в таблице 1 индикаторы были положены в основу качественной идентификации групп наёмных работников, различающихся по мере снижения качества их занятости и нарастания проявлений неустойчивой занятости (рисунок 1).

² В структуре занятого населения в возрасте 15 лет и старше по месту основной работы и статусу. – См.: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2021 год // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 26.01.2023).

Таблица 1

Индикаторы неустойчивой занятости (для работающих по найму)

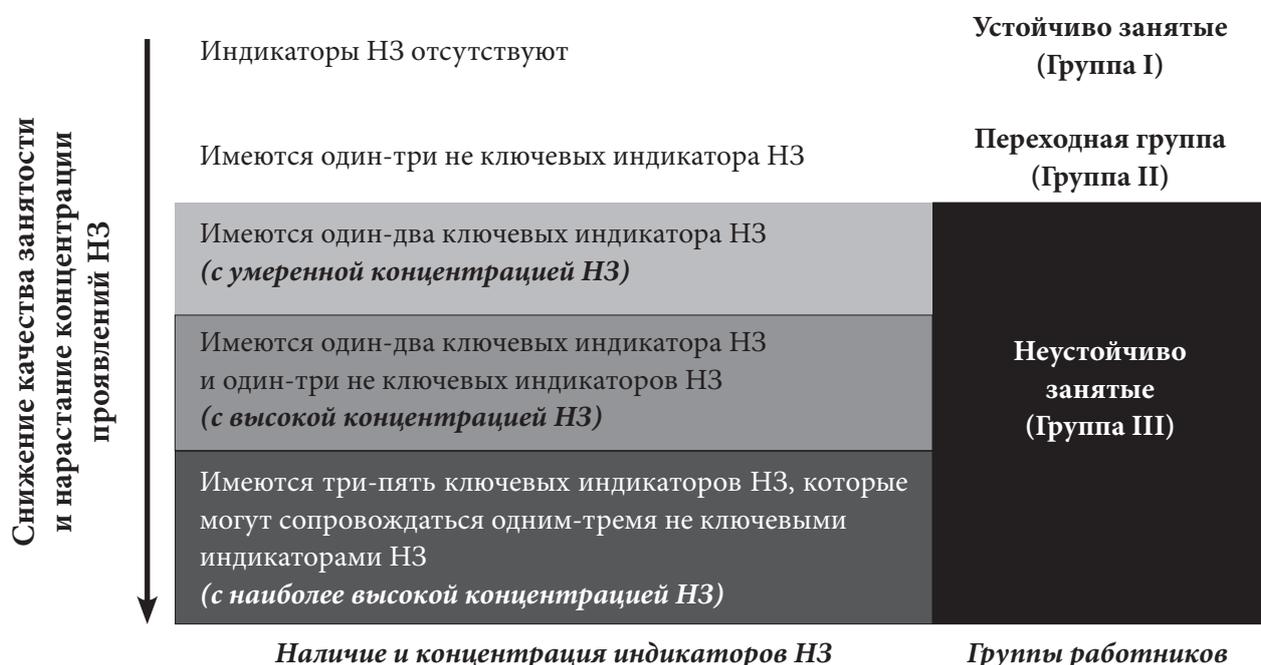
Table 1

Indicators for Identifying Precarious Employment (for Employees)

Перечень индикаторов неустойчивой занятости	Тип индикатора
(1) Занятость на основе устной договорённости без оформления документов (2) Уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств (менее 3,9 прожиточных минимума трудоспособного населения (ПМтр)*) (3) Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя (4) Отсутствие оплачиваемого отпуска (5) Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы	Ключевые
(6) Задолженность по заработной плате (7) Неофициальная (частично или полностью) заработная плата (8) Отклоняющееся от стандартного рабочее время (продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов)	Не ключевые

Источник: составлено автором на основе [19].

*Данный уровень заработной платы, определённый с учётом минимальной иждивенческой нагрузки (пропорциональная нагрузка на одного работающего по содержанию одного ребёнка) и экономии на совместном потреблении, не выводит домохозяйства работников на нижнюю границу душевых доходов, определяющих устойчивое материальное положение (3,1 прожиточных минимума) [19; 20].

Рисунок 1. Группы работников по наличию проявлений неустойчивой занятости

Figure 1. Groups of Employees by the Presence of Manifestations of Precarious Employment

Источник: составлено автором по [20].

Количественная идентификация различающихся по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости групп работников проводилась на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ³ (далее – РМЭЗ). Для проведения оценок использовались репрезентативные данные по индивидам следующих волн РМЭЗ: 17 волна (содержащая данные, собранные в октябре – декабре 2008 г.), 23 волна (октябрь 2014 г. – февраль 2015 г.), 29 волна (октябрь 2020 г. – январь 2021 г.), 30 волна (сентябрь 2021 г. – январь 2022 г.; наиболее поздние данные на момент проведения исследования). На основе данных каждой из указанных волн РМЭЗ была сформирована выборка, включающая наёмных работников организаций (возраст 15 лет и старше), для которых проводилась качественно-количественная идентификация групп с учётом проявлений неустойчивой занятости (17 волна – 4064 чел., 23 волна – 5294 чел., 29 волна – 4810 чел., 30 волна – 4823 чел.). Оценивание проводилось для основной для работников занятости.

Таким образом, в данном исследовании прослеживается динамика качества занятости работников, определяемого проявлениями неустойчивой занятости, за тринадцатилетний период (2008–2021 гг.) по «реперным точкам» – 2008 г. (начало финансово-экономического кризиса), 2014 г. (валютно-финансовый кризис в условиях внешнего санкционного давления), 2020 г. (кризис вследствие COVID-пандемии), а также 2021 г. (восстановление после коронакризиса), фиксирующий ситуацию до вступления нашей страны в 2022 г. в новый этап развития в условиях внешнего санкционного давления и геополитического кризиса.

Результаты исследования

Полученные данные показывают, что устойчивая занятость, отличающаяся отсутствием проявлений неустойчивой занятости, в сегменте российской занятости по найму в формальном секторе экономики характеризуется небольшими масштабами в рассматриваемый период: доля устойчиво занятых работников (группа I) среди занятых в организациях составляет менее 10% (таблица 2). В кризисном 2008 г. доля устойчиво занятых работников составляла 7,4%. В 2014 г. доля устойчивой занятости возросла до 9,1%. В условиях коронакризиса её масштабы снизи-

лись до 5,9%, однако в постпандемийном 2021 г. доля устойчиво занятых восстановилась до уровня выше значений 2008 г., составив 7,5%.

Группа II работников, качество занятости которых снижено наличием одного – трёх не ключевых индикаторов неустойчивой занятости, является своеобразным «буфером» между устойчивой и неустойчивой занятостью. Масштабы переходной группы отличаются ещё меньшими масштабами относительно устойчиво занятых работников, а их динамика может отражать «перемещения» работников с учётом повышения/понижения качества занятости между группами I и III. В начале рассматриваемого периода переходная группа работников составляла 6,5% (2008 г.) и к 2014 г. её доля увеличилась до 7,1%. В 2020 г., как и в случае с устойчиво занятыми работниками, переходная группа сжалась (до 4,5%) вследствие ухудшения качества занятости работников и их перемещения в группу неустойчиво занятых (группа III). В 2021 г. (восстановление после коронакризиса) наблюдалось обратное «движение» работников, и переходная группа увеличилась до 5,3 %, что, однако, было ниже уровня 2008 г.

Большинство наёмных работников, занятых в формальном секторе, сталкивались с неустойчивой занятостью в её ключевых проявлениях, и в период 2008–2021 г. доля таких работников (группа III) принципиально не менялась и не опускалась ниже 83% (таблица 2). «На старте» рассматриваемого периода, в кризисном 2008 г. доля неустойчиво занятых суммарно составляла 86,1%. В 2014 г. суммарные масштабы неустойчивой занятости снизились до 83,8%. Однако коронакризис, сказавшись на сфере занятости и её качестве, привёл к «разрастанию» неустойчивой занятости до почти 90% (в 2020 г. – 89,6%). В постпандемийном 2021 г. совокупная доля неустойчиво занятых снизилась до 87,2%, но не восстановила ни минимального уровня в рассматриваемый период (2014 г.), ни его начального этапа (2008 г.).

Группа неустойчиво занятых работников (группа III) не однородна и различается по концентрации индикаторов неустойчивой занятости (таблица 2). Подгруппа неустойчиво занятых с умеренной концентрацией индикаторов (один – два ключевых индикатора) (подгруппа 3.1), «пограничная» относительно переходной группы работников (группа II), в рассматриваемый период превышала более чем в два-четыре раза суммарную долю работников, находящихся за рамками неустойчивой занятости (группы I и II). Масштабы подгруппы 3.1 неустойчиво занятых выросли с 38,5% в 2008 г. до 45,4% в 2021 г.

Выявленная тенденция нарастания масштабов подгруппы 3.1 неустойчиво занятых может

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Таблица 2

**Распределение наёмных работников организаций по наличию и концентрации индикаторов
неустойчивой занятости, 2008–2021 гг.**

Table 2

**Distribution of Employees of Organizations by the Presence and Concentration of Indicators
of Precarious Employment, 2008–2021**

Группы работников по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости (НЗ) и их характеристика	Масштабы группы, %			
	2021 г.	2020 г.	2014 г.	2008 г.
Группа I: Устойчиво занятые (Отсутствуют индикаторы НЗ)	7,5	5,9	9,1	7,4
Группа II: Переходная группа (Имеются один–три не ключевых индикатора НЗ)	5,3	4,5	7,1	6,5
Группа III: Неустойчиво занятые, всего	87,2	89,6	83,8	86,1
В том числе:				
3.1. С умеренной концентрацией НЗ (Имеются один – два ключевых индикатора НЗ)	45,4	44,3	40,4	38,5
3.2. С высокой концентрацией НЗ (Имеются один – два ключевых индикатора и один–три не ключевых индикатора НЗ)	33,8	33,3	37,0	41,8
3.3. С наиболее высокой концентрацией НЗ (Имеются три–пять ключевых индикаторов НЗ, которые могут сопровождаться одним–тремя не ключевыми индикаторами НЗ)	8,0	12,0	6,4	5,8

Источник: оценка автора на основе данных 17, 23, 29 и 30 волн РМЭЗ.

объясняться обратной тенденцией (снижение масштабов с 41,8 % в 2008 г. до 33,8 % в 2021 г.) для подгруппы 3.2 – с высокой концентрацией индикаторов, включающих как ключевые (один–два), так и не ключевые (один–три) индикаторы. Улучшение качества занятости работников подгруппы 3.2 привело к их перемещению в подгруппу 3.1, с меньшей концентрацией индикаторов неустойчивой занятости.

В подгруппе 3.3 неустойчиво занятых работников, с низким качеством занятости в связи с наиболее высокой в группе III концентрацией индикаторов неустойчивой занятости (высокая концентрация ключевых (три–пять) индикаторов, которая может «отягощаться» наличием не ключевых (один–три) индикаторов), наблюдалась негативная динамика. В 2008 г. доля подгруппы 3.3 составляла 5,8 %, что было минимальным значением в рассматриваемый период. В 2014 г. доля данной подгруппы возросла до 6,4%, а в результате коронакризиса в 2020 г. увеличилась ещё почти в два раза (12,0%). В 2021 г. масштабы самой уязвимой с точки зрения качества занятости подгруппы неустойчиво занятых снизились до 8,0%, однако они ещё не восстановили своих минимальных значений за рассматриваемый период (почти в полтора раза превышают значение, отмеченное в 2008 г.).

Для более глубокого понимания динамики различающихся по качеству занятости групп I–III, проследим, как менялась доля работников с наличием проявлений неустойчивой занятости по её отдельным индикаторам (таблица 3).

Полученные данные показывают, что среди ключевых проявлений неустойчивой занятости наиболее распространённым является уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств. В рассматриваемый период доля работников, имеющих такой уровень заработной платы, превышала 80%. В 2008 г. данный индикатор низкого качества занятости имелся у 81,9% работников организаций. В 2014 г. доля таких работников в формальном секторе немного снизилась (80,1%), а в коронакризисном 2020 г. возросла до максимального значения в рассматриваемый период – 87,2%. В 2021 г. доля работников, сталкивающихся с таким проявлением неустойчивой занятости, снизилась до 85,8%, оставшись выше уровня 2014 г. с минимальным значением индикатора.

Ещё одним распространённым ключевым проявлением неустойчивой занятости в формальном секторе является отсутствие оплачиваемого отпуска. В рассматриваемый период у около трети работников отсутствовал оплачиваемый отпуск. В период 2008–2021 гг. наблюдалась

Таблица 3

Наличие проявлений неустойчивой занятости у наёмных работников организаций, 2008–2021 гг.

Table 3

The Presence of Manifestations of Precarious Employment among Employees of Organizations, 2008–2021

	2021 г.	2020 г.	2014 г.	2008 г.
Доля наёмных работников организаций, качество занятости которых снижено в связи с индикаторами неустойчивой занятости, %				
(1) Занятость на основе устной договорённости без оформления документов	7,0	6,7	7,1	5,7
(2) Уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств	85,8	87,2	80,1	81,9
(3) Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя	3,7	8,5	2,0	2,1
(4) Отсутствие оплачиваемого отпуска	28,2	33,0	30,6	32,7
(5) Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы	5,5	12,9	5,2	5,0
(6) Задолженность по заработной плате	1,0	2,1	3,2	6,2
(7) Неофициальная (частично или полностью) заработная плата	11,6	11,9	10,3	12,9
(8) Отклоняющееся от стандартного рабочее время: продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы)	43,5	43,2	44,5	47,0

Источник: оценка автора на основе данных 17, 23, 29 и 30 волн РМЭЗ.

разнонаправленная динамика доли работников, охваченных данным проявлением неустойчивой занятости. В 2021 г. доля работников, у которых отсутствовал оплачиваемый отпуск, достигла минимального значения – 28,2%. Масштабы распространённости данного индикатора могут отражать не только нарушение трудовых прав работников, но и вынужденный отказ работников от оплачиваемого отпуска (производственная необходимость и др.), а также фактическую работу в период формального отпуска (что является распространённым явлением, например, для научных работников). Распространённость данного проявления неустойчивой занятости, несмотря на слабую позитивную динамику, требует внимания для повышения качества занятости работников в виду негативных последствий как для самих работников (негативный фактор для здоровья, работоспособности), так и для экономики (снижение производительности труда и т.п.).

Доля работников, занятых в организациях на основе устной договорённости без оформления документов, сохранялась на уровне 6–7% в период 2008–2021 гг. В 2008 г. доля неофициально занятых работников была наименьшей – 5,7%, в 2014 г. она возросла до 7,1% и к 2021 г., после небольшого снижения в 2020 г. (6,7%), вернулась к данному уровню (7,0%). Низкое качество занятости данных работников, которые, по сути, находятся за рамками легальной занятости, несёт

риски ещё большей концентрации неустойчивой занятости в виду отсутствия гарантий соблюдения трудовых прав из-за неоформленных трудовых отношений.

Динамика индикатора вынужденного неоплачиваемого отпуска по инициативе работодателя отражает негативное влияние пандемии на качество занятости. В 2008–2014 гг. доля работников, сталкивающихся с таким проявлением неустойчивой занятости, составляла 2,0–2,1%, однако в 2020 г. она кратно возросла – до 8,5%. В 2021 г., с учётом «выхода» из пандемии, доля таких работников снизилась до 3,7%, не восстановив пока уровня допандемийных значений. По индикатору уменьшения работодателем заработной платы или сокращения часов работы наблюдалась схожая динамика. В 2008–2014 гг. доля работников, которым по инициативе работодателя уменьшалась заработная плата или сокращались часы работы, составляла 5,0–5,2%. В коронакризисном 2020 г. доля таких работников возросла более чем в два раза – до 12,9%, однако в 2021 г. (5,5%) она почти восстановила допандемийные значения.

Динамика данных индикаторов позволяет говорить, что качество занятости работников вынужденно снижается работодателем в виду экономических, производственных и прочих причин, о чём ярко свидетельствует резкое увеличение доли работников с данными индикаторами неустойчивой занятости в коронакризисный 2020 г.

Данные проявления неустойчивой занятости требуют внимания с точки зрения объективности причин для снижения качества занятости работников и соблюдения работодателями трудовых прав работников в данных условиях.

Среди не ключевых проявлений неустойчивой занятости в формальном секторе наиболее часто встречается нестандартная продолжительность рабочего времени. В период 2008–2020 гг. наблюдалось снижение доли работников с данным проявлением неустойчивой занятости – с 47,0% до 43,2%. В 2021 г. доля работников с нестандартной (более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы) в неделю) продолжительностью рабочего времени немного возросла – до 43,5%. Данный индикатор неустойчивой занятости требует внимания, учитывая негативное влияние на здоровье работников и т.п. – в случае переработок, а также неполную реализацию в занятости работников – в случае недостаточной продолжительности рабочего времени.

Менее распространённым не ключевым проявлением неустойчивой занятости является выплата неофициальной (частично или полностью) заработной платы. Занятость таких работников является «теневой» и несёт риски для положения домохозяйств работников, имея в виду не гарантированность (регулярность и размер) теневой заработной платы. В 2008 г. доля работников, получающих заработную плату частично или полностью неофициально, составляла 12,9%, в 2014 г. их доля уменьшилась до 10,3%. В коронакризисном 2020 г. доля таких работников возросла до 11,9%, а в 2021 г. – немного снизилась (11,6%), но превышала уровень наименьшего значения, зафиксированного в 2014 г.

Целенаправленная работа по снижению распространённости каждого из проявлений неустойчивой занятости позволит повысить качество занятости работников, снизить масштабы неустойчивой занятости (как по её отдельным проявлениям, так и в концентрированной форме) и увеличить масштабы устойчивой занятости. Примером позитивного влияния на качество занятости работников целенаправленной системной работы является практика борьбы с задолженностью по заработной плате. Данное проявление неустойчивой занятости удалось радикально снизить: доля работников, сталкивающихся с задолженностью по заработной плате, уменьшилась с 6,2% в 2008 г. до 1,0% в 2021 г.

Выводы

Проведённое исследование показало, что доля устойчивой занятости, при которой работникам обеспечено качество занятости без проявлений

её неустойчивости, в формальном секторе является низкой. В рассматриваемый более чем десятилетний период (2008–2021 гг.) доля устойчиво занятых работников организаций сохранялась на уровне менее 10%, составив в 2021 г. 7,5%. Совокупные масштабы неустойчивой занятости, демонстрируя в рассматриваемый период разнонаправленную динамику, являлись высокими, охватывая более 80% работников организаций. Доля наиболее уязвимой занятости – с наиболее высокой концентрацией индикаторов неустойчивой занятости, – нарастала, но в посткоронакризисном 2021 г. наметилась тенденция на снижение её масштабов, которые, однако, пока превышают минимальные «реперные» значения в рассматриваемой ретроспективе. Это свидетельствует о необходимости комплексных целенаправленных мер по повышению качества занятости в формальном секторе экономики и снижению проявлений неустойчивой занятости.

Потенциал к расширению сферы устойчивой занятости имеется в переходной группе, качество занятости в которой снижено наличием одного–трёх индикаторов неустойчивой занятости. Принимая во внимание динамику неустойчивой занятости с учётом её декомпозиции по отдельным индикаторам (таблица 3), можно говорить, что это, в основном, два индикатора – неофициальная (частично или полностью) заработная плата и отклоняющееся от стандартного рабочее время. Однако повышение качества занятости в этой группе работников не позволит довести сферу устойчивой занятости даже до 20,0%, т.к. доля переходной группы (5,3% в 2021 г.) ниже, чем доля группы устойчиво занятых работников. Более широкую «базу» для расширения сферы устойчивой занятости представляет группа неустойчиво занятых с умеренной концентрацией неустойчивой занятости (один – два ключевых индикатора), которая в 2021 г. составила 45,4%. Целенаправленная политика мониторинга и борьбы с нарушениями трудовых прав работников, создания условий (стимулирования работодателей) для повышения качества занятости работников в этих двух группах работников позволит существенно увеличить сегмент устойчивой занятости в наиболее массовом секторе занятости по найму – в организациях.

Полученные результаты исследования также позволяют сделать вывод о необходимости выделения в самостоятельное направление политики повышения качества занятости проблему заработной платы, которая не позволяет обеспечить устойчивости материального положения домохозяйств работников. Данная проблема затрагивает более 80,0% наёмных работников формального

сектора и влияет на совокупные масштабы групп с концентрированными проявлениями неустойчивой занятости. Решение данной проблемы также будет способствовать решению задачи повышения уровня жизни россиян.

Обращает на себя внимание сектор занятости в организациях, где качество занятости работников снижено накоплением нескольких индикаторов неустойчивой занятости. Согласно полученным данным, в 2021 г. 41,8% работников характеризовались концентрацией ключевых индикаторов неустойчивой занятости, которая отягощалась наличием не ключевых её проявлений, из них 8,0% отличались наиболее уязвимым с точки зрения качества занятости положением. Данный сектор занятости по найму в организациях

требует пристального внимания при выработке мер повышения качества занятости.

Снижение масштабов неустойчивой занятости в организациях не исчерпывает проблему повышения качества занятости. Её решение требует системной, комплексной работы, поскольку эрозия качества занятости не ограничивается рамками формального сектора и охватывает широкие слои населения – помимо неустойчиво занятых в формальном секторе она также затрагивает занятых в неформальном секторе, безработных (крайняя форма проявления неустойчивой занятости) и имеющих потенциально теневою занятость лиц трудоспособного возраста, не входящих в состав рабочей силы [21].

Список литературы

1. Леонидова Г.В. Качество трудового потенциала и занятости в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 5. DOI <https://doi.org/10.15838/sa.2021.5.32.2>; EDN KITQXN
2. Лайкам К.Э., Бикбаева А.Р., Павлова Е.К. Влияние пандемии коронавируса на рынок труда // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4. С. 5–19. DOI <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-5-19>; EDN WZKWYG
3. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости / Под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. М.: Проспект, 2022. 256 с. ISBN 978-5-392-36600-2
4. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 342 с. ISBN: 978-5-406-00369-5
5. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107. DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>; EDN YGFLON
6. Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // Проблемы развития территории. 2018. № 1(93). С. 7–21. DOI <https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.93.1>; EDN YNUKHA
7. From Job Strain to Employment Strain: Health Effects of Precarious Employment / W. Lewchuk, A. de Wolff, A. King, M. Polanyi // Just Labour. 2003. Vol. 3. P. 23–35.
8. Quinlan M., Mayhew C., Bohle P. The Global Expansion of Precarious Employment, Work Disorganization, and Consequences for Occupational Health: A Review of Recent Research // International Journal of Health Services. 2001. Vol. 31. Issue 2. P. 335–414.
9. Popov A. V., Solovèva T.S. Analyzing and classifying the implications of employment precarization: individual, organizational and social levels // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. No. 6. P. 182–196. DOI <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.10>
10. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / Под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WQQAYF
11. The Precarity Penalty: How Insecure Employment Disadvantages Workers and Their Families / W. Lewchuk, M. Laflèche, S. Procyk, Ch. Cook, D. Dyson, L. Goldring, K. Lior, A. Meisner, J. Shields, A. Tambureno, P. Viducis // Alternate Routes. 2016. Vol. 27. P. 87–108.
12. Pun N., Chen P., Jin S. Reconceptualising Youth Poverty through the Lens of Precarious Employment during the Pandemic: The Case of Creative Industry // Social Policy and Society. 2022. P. 1–16. DOI <https://doi.org/10.1017/S1474746421000932>
13. Кученкова А.В. Прекаризация занятости как фактор ухудшения материального положения // От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 73–92.
14. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
15. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110. EDN VGMFUZ
16. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Весь Мир, 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6; EDN ECFBHN
17. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1; DOI <https://doi.org/10.55604/9785777708861>
18. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2021 год: [Монография]. Вып. 5(201) / В.Н. Бобков [и др.]; Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 114 с. ISBN 978-5-89697-398-0; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022>; EDN ANDDTL

19. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Иванова, Т.В. Чащина // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 4. С. 502–520. DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7>; EDN KWLGGN
20. *Одинцова Е.В.* Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 99–111. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111; EDN RAUMOI
21. *Бобков В.Н., Одинцова Е.В.* Повышение качества занятости и привлекательности жизни в регионах как проблема экономической безопасности Российской Федерации // *Труд и социальные отношения*. 2022. Том 33. № 6. С. 5–17. DOI <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-6-5-17>; EDN XTGIXV

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: odin_ev@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 999153) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>) (WoS ResearcherID: U-7061-2019).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

- Leonidova G.V. The Quality of Labor Potential and Employment in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Social area*. 2021;7(5). (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.15838/sa.2021.5.32.2>
- Laikam K.E., Bikbaeva A.R., Pavlova E.K. Impact of the Coronavirus Pandemic on Labor Market. *Federalism*. 2021;26(4):5-19. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-5-19>
- Lyutov N.L., Chernykh N.V. (eds.) *Trudovye otnosheniya v usloviyah razvitiya nestandartnyh form zanyatosti: monografiya [Labor relations in the conditions of development of non-standard forms of employment: monograph]*. Moscow: Prospect; 2022. 256 p. (In Russ.) ISBN 978-5-392-36600-2
- Bobkov V.N., ed. *Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, ocenivanie i vektor sokrashcheniya [Precarious employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, evaluation and reduction]*. 2nd ed., ster. Moscow: KNORUS; 2019. 342 p. (In Russ.) ISBN 978-5-406-00369-5.
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia. *Russian Economic Journal*. 2022;(1):78–107. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>
- Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Precarious Employment as a Barrier to Effective Implementation of Employment Potential. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2018;1(93): 7-21. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.93.1>
- Lewchuk W., de Wolff A., King A., Polanyi M. From Job Strain to Employment Strain: Health Effects of Precarious Employment. *Just Labour*. 2003;(3):23-35. DOI <https://doi.org/10.25071/1705-1436.165>
- Quinlan M., Mayhew C., Bohle P. The Global Expansion of Precarious Employment, Work Disorganization, and Consequences for Occupational Health: A Review of Recent Research. *International Journal of Health Services*. 2001;31(2):335-414. DOI <https://doi.org/10.2190/607H-TTV0-QCN6-YLT4>
- Popov A.V., Solov'eva T.S. Analyzing and classifying the implications of employment precarization: individual, organizational and social levels. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(6):182-196. DOI <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.10>
- Bobkov V.N., Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F., eds. *Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego [The standard of living and quality of life of the Russian population: from reality to designing the future]*. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
- The Precarity Penalty: How Insecure Employment Disadvantages Workers and Their Families. *Alternate Routes*. 2016;(27):87-108.
- Pun N., Chen P., Jin S. Reconceptualising Youth Poverty through the Lens of Precarious Employment during the Pandemic: The Case of Creative Industry. *Social Policy and Society*. 2022;1-16. DOI <https://doi.org/10.1017/S1474746421000932>
- Kuchenkova A.V. Prekarizatsiya zanyatosti kak faktor uhudsheniya material'nogo polozheniya [Precarization of employment as a factor of deterioration of the financial situation]. In: Toshchenko Zh.T., ed. *Ot prekarnej zanyatosti k prekarizatsii zhizni [From precarious employment to precarization of life]*. Moscow: Ves' mir Publishing House; 2022. P. 73-92. (In Russ.)
- Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic; 2011. 198 p.
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasiukova E.N. Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994–2013 data). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015;(12):99-110. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., ed. *Prekarnaya zanyatost: istoki, kriterii, osobennosti [Precarious employment: origins, criteria, features]*. Moscow: The Whole World Publishing House; 2021. 400 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7777-0852-6.
- Toshchenko Zh.T., ed. *Ot prekarnej zanyatosti k prekarizatsii zhizni [From precarious employment to precarization of life]*. Moscow: Ves' mir Publishing House; 2022. 364 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7777-0886-1; DOI <https://doi.org/10.55604/9785777708861>

18. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (eds.) Monitoring dohodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2021 god: [Monografiya]. [Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia – 2021]. Vol. 5 (201). Moscow: FCTAS RAS. 2022. 114 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-398-0; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022>
19. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., Chashchina T.V. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502–520. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7>
20. Odintsova E.V. Realization of the Labor Potential of Employees in the Quality of their Employment and the Standard of Living of Households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(1):99–111. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111
21. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Improving the quality of employment and life appeal in the regions as a problem of economic security of the Russian Federation. *Trud i social'nye otnosheniya = Labor and social relations*. 2022;33(6):5–17. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-6-5-17>

Information about the author:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia (e-mail: odin_ev@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 999153), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>), (WoS ResearcherID: U-7061-2019).

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.06.2023; approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 15.08.2023

Оригинальная статья

УДК 369.011

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406

EDN: MCQQSC

Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов

Алефтина Александровна Гулюгина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(algula@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Аннотация

В статье анализируется уровень и динамика покупательной способности денежных доходов населения России в разных социально-экономических условиях периода 2000–2022 гг., определяется глубина низкой обеспеченности и оценивается общая структура денежных доходов населения для обеспечения устойчивого позитивного тренда покупательной способности среднедушевых денежных доходов. Методология исследования опирается на модель социального расслоения, применяемую в мониторинговых исследованиях доходов и уровня жизни населения на основе покупательной способности душевых денежных доходов. Определено, что к 2007 г. покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения преодолела пороговые критерии социальных слоев с обеспеченностью низкого и ниже среднего уровней, достигнув уровня нижнего среднего слоя. Показано, что последующие годы характеризуются стагнацией покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения и высоким риском смещения её уровня к более низкому значению. Выявлено, что уровень модального среднедушевого денежного дохода в нашей стране является низким, а его покупательная способность соответствует низкой обеспеченности населения. Констатируется высокий уровень государственных расходов на социальные пособия и социальную помощь. Это свидетельствует о том, что условия для формирования позитивного тренда покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения на современном этапе, к сожалению, требуют быстрого роста государственных расходов на социальные пособия и социальную помощь из-за недостаточных темпов роста доходов от занятости как основного источника денежных доходов населения.

Ключевые слова: денежные доходы, дифференциация, низкая обеспеченность, покупательная способность денежных доходов населения, прожиточный минимум, экономическое расслоение, уровень жизни.

Для цитирования: Гулюгина А.А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 395–406. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406; EDN MCQQSC

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406

EDN: MCQQSC

Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges

Aleftina A. Gulyugina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(algula@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Abstract

The article analyzes the level and dynamics of the purchasing power of money incomes of the population of Russia in different socio-economic conditions of the period 2000–2022, determines the depth of low security and evaluates the general structure of money incomes of the population to ensure a stable positive trend in the purchasing power of per capita money incomes. The research methodology is based on the model of social stratification used in monitoring studies of incomes and living standards of the population based on the purchasing power of per capita cash income. It has been determined that by 2007 the purchasing power of the average per capita money income of the population has overcome the threshold criteria of social strata with low and below average levels of security, having reached the level of the lower middle stratum. It is shown that subsequent years are characterized by stagnation in the purchasing power of the average per capita cash income of the population and a high risk of its level shifting to a lower value. It was revealed that the level of modal per capita money income in our country is low, and its purchasing power corresponds to the low security of the population. A high level of public spending on social benefits and social assistance is stated. This indicates that the conditions for the formation of a positive trend in the purchasing power of the average per capita cash income of the population at the present stage, unfortunately, require a rapid increase in government spending on social benefits and social assistance due to insufficient growth in income from employment as the main source of cash income of the population.

Keywords: monetary income, differentiation, low security, purchasing power of the population's monetary income, subsistence minimum, economic stratification, standard of living

For citation: Gulyugina A. A. Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):395-406. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406

Введение

Вопросы, связанные с уровнем жизни населения, сохраняют актуальность на всех этапах развития общества. Важнейший индикатор уровня жизни – покупательная способность денежных доходов населения, оценивающая номинальные денежные доходы и потребление в их количественной и качественной взаимосвязи. На макро- и мезоуровне покупательная способность денежных доходов населения дополняет показатели реальных и реальных располагаемых денежных доходов, увязывая уровень жизни населения с его социальными стандартами, на микроуровне она позволяет оценить принадлежность домохозяйств к тому или иному социальному слою по уровню жизни. Под влиянием вызовов, формирующих как ограничения, так и новые возможности, условия для роста уровня жизни населения трансформируются. Исследования покупательной способности денежных доходов населения позволяют сориентировать меры социальной политики по отношению к социальным слоям с различным уровнем жизни.

Теоретико-методологические основы изучения уровня жизни населения и ключевая роль покупательной способности денежных доходов населения в этом процессе показаны в коллективной научной монографии [1]. Научная позиция авторов в определении сущности покупательной способности денежных доходов населения состоит в том, что она «в концентрированном виде аккумулирует в себе как изменения собственно номинальных денежных доходов населения, так и изменения цен на основные товары и услуги, необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности» [1, с. 491].

Исследования покупательной способности населения и её структурных компонентов проводятся российскими учёными в разных направлениях – в контексте социально-экономических проблем, во взаимосвязи с человеческим потенциалом, при изучении социального неравенства, стандартов потребления, территориальных диспропорций, бедности, социальной поддержки и т.д. [2–21]. Особое внимание учёные обращают на последствия проводимых реформ.

Согласно социологическим исследованиям, в начале 2000-х годов в России начала формироваться социальная структура, характерная для западных стран, при этом 44% россиян в 2001 г. оценивали материальные условия своей жизни как плохие, а 16% считали, что их жизнь в целом складывается плохо¹. 20-летние итоги реформирова-

ния, по данным социологических исследований, показали: низкий уровень жизни стал для населения бесспорным лидером проблем (имелась в виду не столько глубокая бедность, сколько малообеспеченность, когда доход позволял питаться хотя бы удовлетворительно и решать проблемы с одеждой), второе место в списке проблем отводилось отсутствию социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности [22, с. 77–96].

Удручающие последствия 20-летней капиталистической трансформации были продемонстрированы в научной публикации [23]. Это – рост неустойчивости занятости и слоя наименее оплачиваемых работников; увеличение масштабов бедности по доходам, используемым на потребление; избыточное социально-экономическое неравенство; высокая дифференциация жилищной обеспеченности населения; острые демографические проблемы; деградация образовательной сферы.

Существенно отличались выводы, посвящённые 20-летним итогам реформирования, сформулированные авторами доклада [24]. В частности, в докладе отмечалось, что в России за период 1989–2009 гг. произошли важные изменения в структуре потребления и образе жизни населения, процесс лучшего удовлетворения спроса населения был необратимым, рост расходов населения замещал недостаток государственного финансирования, после тяжелейшего кризиса были восстановлены масштабы экономики, а уровень жизни в целом повысился, упадка среднего уровня благосостояния населения России по сравнению с предреформенным уровнем не было. Вместе с тем, авторы доклада признавали, что главная сложность – это методологические и информационные проблемы. По мнению авторов статьи [25], экономический рост 2000-х годов привел к превращению среднеобеспеченных в значимую социальную силу, в результате в России по международным методикам для развивающихся стран не осталось бедных, а в образе жизни и потреблении продуктов питания, товаров длительного пользования произошло сближение между бедными и небедными домохозяйствами, что привело к смещению ценностей выживания к ценностям в области человеческого развития и возникновению предпосылок для дальнейшего смещения.

Научные исследования последних лет свидетельствуют о том, что значительная часть российского общества в настоящее время продолжает испытывать дефицит денежных средств, оставаясь стеснённой в расходах – за период 1993–2021 гг. наиболее существенно возросла (с 34 до 53%) группа граждан с доходами, которых хватает толь-

¹ Михаил Горшков: Условия плохие, а живем сносно // VIPERSON: [сайт]. 19 октября 2004. URL: <https://viperson.ru/articles/mihail-gorshkov-usloviya-plohie-a-zhivem-snosno?ysclid=lkz8s6ebop823023865> (дата обращения: 05.08.2023).

ко для приобретения необходимых продуктов и одежды, при сокращении, согласно самооценке, числа граждан в состоянии нищеты и бедности, и росте числа тех, кто может позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, а также тех, кто может купить всё [26, с. 57–58]. Итоги 30 лет капиталистической трансформации показывают, что в России сформировались значительные масштабы неустойчивой (прекаризованной) занятости и неустойчивого материального положения домохозяйств работников; сложился устойчиво низкий уровень потребления у основной части населения и одновременно высокое неравенство в текущем потреблении и обеспечении жилищем; отмечается хроническая жилищная бедность, закредитованность населения с высокими социальными рисками и с созданием опасных иллюзий о доступности материальных благ [27].

К 2022 г. значительных масштабов как на международном уровне, так и в России достигла экономическая нестабильность, провоцирующая социальные проблемы. В обзоре, опубликованном Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, отмечается, что изменилась международная среда для инвестиций, обозначилась подверженность тройному кризису (продовольственному, топливному, финансовому), рост цен на энергоносители и продукты питания вызывают кризис стоимости жизни, снижающий реальные доходы [28]. Коронавирусная пандемия спровоцировала новый комплекс проблем. Для России уникальность коронакризиса состоит в том, что «он в наибольшей степени осложнил положение той части населения, которая имеет средний уровень доходов и не занята в бюджетном секторе» [29, с. 20]. С позиции нарастания в России угроз национальной безопасности социальная и продовольственная безопасность приобрела ключевую значимость [30, с. 17].

Угрозу социальной безопасности несёт в себе высокое социальное неравенство. Согласно результатам мониторингового исследования доходов и уровня жизни населения России, в 2021 г. численность наименее обеспеченного (бедного) населения и населения низкой обеспеченности занимали в социальной структуре в совокупности 41,2% (12,7% и 28,5%, соответственно)² [31, с. 77]. В отличие от проблемы бедности, которая активно изучается, просчитывается и решается на уровне национальной цели³, проблема низкой

обеспеченности не имеет сколько-нибудь значительной определённости, хотя риски обеднения у населения низкой обеспеченности наиболее высокие по сравнению с другими социальными слоями, характеризующимися более высоким уровнем достатка. Для характеристики ситуации с низкой обеспеченностью информативным является показатель глубины низкой обеспеченности.

Объектом исследования является уровень жизни населения, *предмет исследования* – покупательная способность населения. *Цель исследования* – проанализировать уровень и динамику покупательной способности населения России в разных социально-экономических условиях в период 2000–2022 гг., определить глубину низкой обеспеченности и оценить общую структуру денежных доходов населения с точки зрения обеспечения позитивного тренда покупательной способности среднедушевых доходов населения. *Гипотеза исследования*: глубину низкой обеспеченности позволяет идентифицировать уровень покупательной способности модального душевого денежного дохода населения.

Методология и данные исследования

В исследованиях российских учёных применяются разные подходы при оценивании реального экономического положения населения. Первый из них опирается на статистические показатели – реальные и реальные располагаемые денежные доходы населения, покупательную способность населения. Реальные денежные доходы определяются путём деления индекса номинального размера денежных доходов населения на индекс потребительских цен за соответствующий временной период, реальные располагаемые денежные доходы определяются путём деления индекса номинального размера располагаемых денежных доходов населения (денежные доходы за вычетом обязательных платежей) на индекс потребительских цен⁴. Покупательная способность населения, согласно методологии статистики, выражается через товарный эквивалент среднемесячных денежных доходов населения и основой для её расчёта являются среднедушевые денежные доходы и средняя потребительская цена товара (услуги) – представителя⁵.

В настоящей работе понятие покупательной способности населения соответствует концепции мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения, согласно которой показатель

² Расчёты выполнены на основе прожиточного минимума, определённого по методологии 2020 года (по потребительской корзине).

³ Снижение к 2030 году уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года, согласно Указа Президента РФ от 21.07.2020 N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года".

⁴ Социально-экономическое положение России – 2023 г. Методологические пояснения // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵ Методологические положения по расчёту показателей денежных доходов и расходов населения // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.07.2023).

оценивает соотношение доходов и прожиточного минимума как минимально приемлемого стандарта текущего потребления [1; 32]. Уровень покупательной способности доходов населения (ПС) в виде количества наборов прожиточного минимума в душевых денежных доходах характеризует в обобщённом виде достигнутый уровень жизни. Это легло в основу мониторинговых исследований социально-экономического расслоения, при котором идентифицируются разные модели доходной обеспеченности: наименее обеспеченные (бедные) с ПС доходов менее 1ПМ в среднем на душу; низкообеспеченные с ПС 1-2ПМ; обеспеченные ниже среднего уровня с ПС 2-3,1ПМ; среднеобеспеченные с ПС 3,1-11ПМ; высокообеспеченные с ПС от 11ПМ [11; 31; 32]. Данная классификация используется в настоящей работе при оценивании уровня и динамики покупательной способности доходов населения в целом по России.

Прожиточный минимум в реализации российской социальной политики сегодня остаётся единственным официально признанным социальным стандартом качества жизни. Методы его определения неоднократно пересматривались: в 2000–2012 гг. расчёты проводились на основе нормативной потребительской корзины по минимальным нормативным наборам продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг; в 2013–2020 гг. нормативно-статистическим способом по нормативному минимальному продуктовому набору и досчётному оцениванию стоимости непродовольственных товаров и услуг; с 2021 г. относительным способом, исходя из величины медианного среднедушевого дохода, без участия потребительской корзины⁶. Радикальное изменение с 2021 г. методологии определения прожиточного минимума послужило основанием для выполнения специальных расчётов величины показателя на основе потребительской корзины, действовавшей до 2021 г., в целях проведения на принципах сопоставимости анализа динамических рядов величины прожиточного минимума и производных от него показателей уровня жизни населения.

За покупательной способностью среднедушевых денежных доходов населения скрывается неоднозначная покупательная способность разных видов денежных доходов. Для выявления проблемных аспектов фактической обеспеченности населения в работе анализируется покупательная способность денежных доходов основных источников, а также медианного и модального среднедушевого дохода как индикаторов распределения населения по уровню доходов.

⁶ Действие положения приостановлено до 01.01.2024 (ФЗ от 06.12.2021 N 409-ФЗ, от 05.12.2022 N 470-ФЗ).

Особое внимание уделяется низкой обеспеченности населения и её глубине. Под глубиной низкой обеспеченности понимается дефицит наиболее распространённого в рамках низкообеспеченного слоя душевого денежного дохода до верхней границы данного слоя с учётом уровня покупательной способности.

Информационную основу для исследования составили данные государственной статистики и результаты мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения. Для проведения исследования задействованы методы экономико-статистического анализа.

Результаты исследования

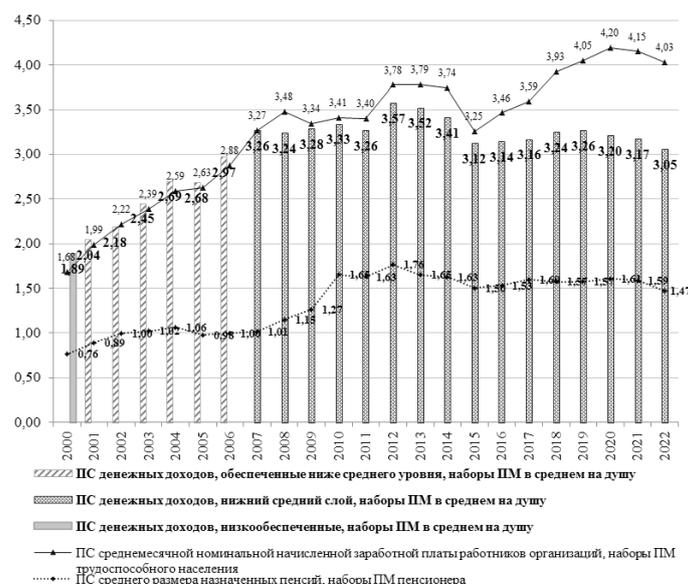
Покупательная способность *среднедушевых* денежных доходов населения за период 2000–2022 гг. выросла в 1,6 раза (до 3,05 в 2022 г.) (см. рисунок 1) в условиях роста доходов в 19,7 раза (до 44937 руб.) и прожиточного минимума в 12,2 раза (до 14728 руб.⁷). Исходя из критериальных значений социально-экономической дифференциации, используемых в мониторинговых исследованиях, и распространяя их с некоторой степенью условности на 2000–2022 годы, могут быть выделены три социальных слоя: низкообеспеченные (1–2ПМ), обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,1ПМ), нижний средний слой (3,1–4ПМ).

Активный рост покупательной способности доходов населения в рассматриваемом периоде пришёлся на 2001–2006 гг., когда ситуация в экономике складывалась благоприятной и индекс физического объёма ВВП на душу населения ежегодно составлял более 105%⁸. За шесть лет был преодолён переход среднедушевой ПС от низкого уровня обеспеченности (2000 г., 1,89 ПМ в среднем на душу) к среднему уровню обеспеченности (2007 г., 3,26 ПМ), хотя и в пределах нижнего среднего слоя.

Период 2007–2022 гг. был осложнён экономическими кризисами, антироссийскими санкциями, коронакризисом, нарастанием международного военно-политического напряжения. В результате на протяжении этого периода покупательная способность душевых доходов населения не превышала 3,57 среднедушевых ПМ (2012 г.). Показатель снижался не только в условиях экономических кризисов – за 16 лет по совокупности 8 лет были с положительной динамикой покупательной способности душевых доходов населения и также 8 лет с её отрицательной динамикой. Худшим стал 2022 год как результат трёхлетнего снижения, начиная с коронакризисного 2020 г.

⁷ Рассчитано по потребительской корзине, действовавшей в 2020 г.

⁸ Индексы физического объёма валового внутреннего продукта на душу населения (в процентах к предыдущему году) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 10.07.2023).

Рисунок 1. Уровень покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, среднего размера назначенной пенсии в период 2000–2022 годы

Figure 1. The Level of Purchasing Power of the Average per Capita Monetary Income of the Population, the Average Monthly Nominal Accrued Wages of Employees of Organizations, the Average Size of the Assigned Pension in the Period 2000–2022

Примечание: трактовка покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения не распространяется на покупательную способность заработной платы и пенсии.

Источники: рассчитано на основе данных Росстата⁹.

В результате уровень показателя в 2022 г. оказался наименьшим с 2007 г.

Расчёты покупательной способности *медианного* среднедушевого дохода показывают, что в 2014–2022 годы его уровень был ниже, чем по среднедушевым денежным доходам, составляя 2,3–2,5 ПМ в среднем на душу, а покупательная способность модального среднедушевого дохода, т.е. наиболее часто встречаемого, указывала на низкую обеспеченность, составляя всего лишь 1,3–1,4 ПМ (см. таблица 1). При этом наблюдается сближение обоих показателей с критериальными границами покупательной способности доходов в более низких слоях.

У средней начисленной заработной платы работающих покупательная способность выше, чем по среднедушевым денежным доходам. У работников организаций в 2022 г. она выросла относительно 2000 г. в 2,4 раза – до 4,03 ПМ трудоспособного населения с максимумом 4,20 ПМ в 2020 г. (см. рисунок 1). Для всех наёмных работников (в организациях и у индивидуальных предпринимателей) покупательная способность начисленной заработной платы существенно ниже

⁹ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

из-за более низкой заработной платы наёмных работников в неформальном секторе занятости. В 2022 г. она составила 3,18 ПМ трудоспособного населения¹⁰. Вместе с тем, расчёты на основе данных выборочного обследования организаций без субъектов малого предпринимательства за апрель, которое охватывает крупные и средние организации всех видов экономической деятельности и форм собственности, показывают, что покупательная способность медианного размера начисленной заработной платы составляла в 2017, 2019, 2021 годах всего лишь 2,6–2,9 ПМ трудоспособного населения второго квартала¹¹.

¹⁰ Информация о среднемесячной начисленной заработной плате наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячном доходе от трудовой деятельности) // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.07.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

¹¹ Уровень оплаты труда, медианное значение начисленной заработной платы работников организаций по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.07.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

Таблица 1

Покупательная способность среднедушевых денежных доходов, медианного и модального среднедушевых денежных доходов в период 2014–2022 годы¹²

Table 1

Purchasing Power of per Capita Monetary Income, Median and Modal per Capita Monetary Income in the Period 2014–2022

	Покупательная способность, наборы ПМ в среднем на душу населения		
	среднедушевого денежного дохода	медианного среднедушевого дохода	модального среднедушевого дохода
2014 г.	3,41	2,53	1,40
2015 г.	3,12	2,33	1,30
2016 г.	3,14	2,35	1,31
2017 г.	3,16	2,37	1,33
2018 г.	3,24	2,41	1,34
2019 г.	3,26	2,42	1,36
2020 г.	3,20	2,39	1,37
2021 г.	3,17	2,37	1,34
2022 г.	3,05	2,36	1,39

Источники: рассчитано на основе данных Росстата¹³.

Сохраняется высокая дифференциация покупательной способности заработной платы по видам экономической деятельности. Наиболее значительной она отмечается у работников, деятельность которых связана с добычей нефти и природного газа. В 2022 г. покупательная способность средней заработной платы у них составила 10,4 ПМ трудоспособного населения, что на индивидуальном уровне позволяет говорить о принадлежности к верхнему среднему слою. В то же время в худшем положении находятся работники, деятельность которых связана с производством одежды (1,7 ПМ), что на индивидуальном уровне характеризует их как низкообеспеченных. Разрыв составил 6,1 раз¹⁴.

¹² Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

¹³ Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за 2000–2020 годы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2023). Медиана среднедушевого денежного дохода (медианный среднедушевой доход) в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.07.2023). Средний и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

¹⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000–2022 гг. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.07.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021 г. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

Хронически низкой является покупательная способность среднего размера назначенной пенсии. Она увеличилась в 2022 г. к 2000 г. в 1,9 раз (до 1,47 ПМ пенсионера), достигнув наибольшего значения 1,76 ПМ пенсионера в 2010 г. (см. рисунок 1). Как категория пенсионеры с 2010 года были выведены из состояния бедности (принадлежности к наименее обеспеченному слою) Федеральным законом от 24.07.2009 года N 213-ФЗ, когда в реализацию социальной политики была введена региональная социальная доплата к пенсии для увеличения дохода неработающих пенсионеров до прожиточного минимума на территории проживания. Низкие пенсии побуждают лиц пенсионного возраста к продолжению трудовой деятельности. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Росстатом, показали, что из общего числа респондентов-пенсионеров каждый пятый-шестой пенсионер (17,8% от общего числа) в 2022 г. работал, однако эта доля работающих пенсионеров снижается – в 2011–2020 гг. она составляла 20% и более. Среди получателей пенсии по старости в 2022 г. работал каждый 4–5-й пенсионер (22,4% от общего числа получателей пенсии по старости), и их доля заметно возросла – в 2011–2020 гг. она составляла не более 18,8%.¹⁵

Поддержать уровень потребления в условиях низкой обеспеченности позволяют социальные пособия и социальная помощь. В 2000 г. выплаты на пособия и социальную помощь в общем объёме

¹⁵ Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 15.07.2023).

денежных доходов населения занимали 2,0%¹⁶, в 2014 г. – 4,6%, 2021 г. – 6,1% (см. таблица 2). Резкий рост этой доли пришёлся на коронакризисный 2020 г. – до 6,6% при 4,4% годом ранее.

В структуре денежных доходов доля оплаты труда в последние годы закрепились на уровне допандемийного 2019 г. – в пределах 57% (см. таблица 2). Доля пенсий с социальными доплатами является устойчивой, занимая 13–14% в структуре денежных доходов населения. Доходы как от

предпринимательской деятельности, так и от собственности с 2020 г. оказались меньше, чем объём выплат на пособия и социальную помощь. Это означает, что не только доходы от занятости, но и существенно возросшие объёмы выплат на пособия и социальную помощь по совокупности не обеспечили возврат на траекторию роста покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения – с 2020 г. её уровень снижался.

Таблица 2

Структура общего объёма денежных доходов населения и доля населения с доходами ниже среднедушевых и модалного среднедушевого

Table 2

The Structure of the Total Monetary Income of the Population and the Share of the Population with Incomes Below the per Capita and Modal per Capita

	Годы					
	2014	2015	2019	2020	2021	2022
Денежные доходы – всего, %	100	100	100	100	100	100
в том числе						
оплата труда	54,9	52,8	57,3	57,2	57,2	56,7
доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности	7,0	6,5	5,9	5,2	5,7	6,2
доходы от собственности	4,8	5,1	5,1	5,8	5,7	5,3
прочие денежные поступления	15,1	17,4	12,9	10,4	10,8	10,8
социальные выплаты	18,2	18,2	18,8	21,4	20,6	21,0
из них						
– пенсии и доплаты к пенсиям	12,8	13,1	13,8	14,2	13,9	-
– пособия и социальная помощь	4,6	4,3	4,4	6,6	6,1	-
– стипендии и страховые возмещения	0,8	0,8	0,6	0,6	0,6	-
Доля населения с доходами ниже среднедушевых, %	65,0	64,9	64,9	64,7	64,8	64,2
Доля населения с доходами ниже модалного среднедушевого, %	22,1	22,3	22,2	22,6	22,4	23,3
в том числе						
с доходами ниже величины ПМ (наименее обеспеченные (бедные))	11,3	13,4	12,3	12,1	12,7	11,9
с доходами от ПМ до модалного (низкообеспеченные)	10,8	8,9	9,9	10,5	9,7	11,4

Источники: данные Росстата, расчёты на основе данных Росстата¹⁷.

¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. // Росстат. М., 2022. С. 160.

¹⁷ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2023). В расчётах покупательной способности доходов за 2021–2022 гг. использовался прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

Доля населения с доходами ниже среднедушевого в 2014–2022 гг. составляла 64–65%, свидетельствуя о том, что уровень покупательной способности среднедушевых доходов (3,05–3,57 ПМ в среднем на душу), соответствующий в социальной структуре нижнему среднему слою, был сформирован под влиянием высокодоходной части населения – в распределении доходов 5-й квинтильной группе принадлежит около 47% общего объёма денежных доходов¹⁸.

В то же время 50% населения имела душевые доходы ниже медианного с покупательной способностью (2,3–2,5 ПМ) социального слоя с ниже среднего уровнем жизни, а 22% населения (23,3% в 2023 г. по предварительным данным Росстата) имели душевые доходы ниже модального с покупательной способностью (1,3–1,4 ПМ) низкообеспеченного слоя. При этом отмечается взаимосвязь наименее обеспеченных (бедных) и низкообеспеченных с душевыми доходами ниже модального, которая проявляется в том, что по устойчивой общей их доле сокращение одних ведёт к росту других, и наоборот. Это указывает на то, что уровень жизни 22% населения страны хронически зависим от социальных пособий и социальной помощи, при этом почти половина из них, не являясь по критерию наименее обеспеченной (бедной), по своему уровню жизни крайне близка к состоянию бедности.

Учитывая, что покупательная способность модального душевого дохода составляет 1,3–1,4 среднедушевых ПМ или в среднем 1,35 ПМ, а пороговый критериальный уровень покупательной способности среднедушевых доходов низкообеспеченного слоя со слоем обеспеченных ниже среднего уровня – 2 ПМ, то разница 0,65 ПМ определяет дефицит медианного душевого дохода в размере 65% от прожиточного минимума, т.е. глубину низкой обеспеченности.

Серьёзным дестабилизирующим фактором для покупательной способности доходов является рост стоимости жизни. На рисунке 2 хорошо видно, что прожиточный минимум, как правило, дорожает более высокими темпами, чем это показывает индекс потребительских цен. Это обусловлено тем, что органами статистики отслеживаются потребительские цены по более чем 600 товарным позициям, в то время как в потребительской корзине прожиточного минимума (по методологии 2020 года) учитываются потребительские цены только на социально значимые товарные позиции нормативного продуктового набора (33 позиции). В кризисные годы темпы роста потребительских цен ускоряются, что отмечалось в 2008 г. и в 2015 г.

¹⁸ Распределение общего объёма денежных доходов по 20-ти процентным группам населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.07.2023).

В 2020 г. коронавирусная пандемия повлияла на ситуацию в лучшую сторону, однако это отыгралось в последующие 2021–2022 годы. За два этих года прожиточный минимум, рассчитанный по потребительской корзине, подорожал на 30,2% при росте потребительских цен на 21,3%.

В годы кризисов поведение населения в распределении доходов, как правило, корректировалось – снижалась доля потребительских расходов и возрастала доля доходов, направляемых на сбережения (2,7–9,1% в 2014–2021 гг.). Так, в 2015 г. доля потребительских расходов составила 77,2%, а прироста сбережений 9,1%, в 2020 г. – 75,7% и 9,1%, соответственно.¹⁹

Заключение

Результаты исследования показали, что покупательная способность среднедушевых доходов населения с 2007 г. закрепились в застойном положении, соответствующем нижнему среднему слою (3,1–4 ПМ) с высоким риском смещения на более низкий уровень.

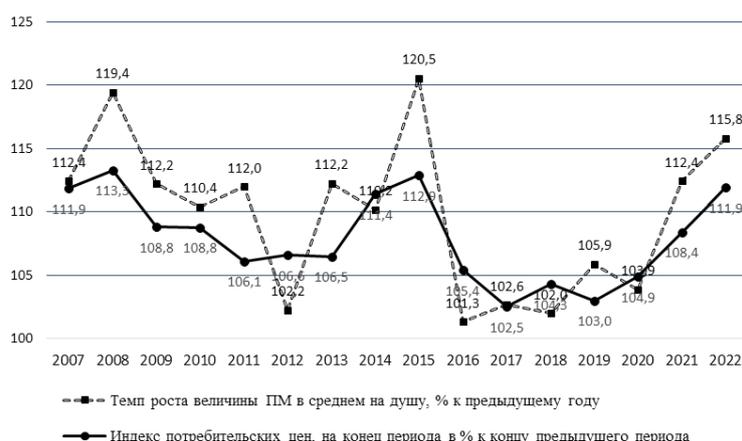
Гипотеза исследования подтвердилась: выявлен крайне низкий уровень покупательной способности модального среднедушевого денежного дохода. Его уровень составляет 1,3–1,4 среднедушевых ПМ, устойчиво располагается в опасной близости к границе наименьшей обеспеченности (бедности) и характеризует глубину низкой обеспеченности 65% от ПМ, охватывая до 11% населения, что сопоставимо с долей наименее обеспеченного (бедного) населения. Более половины населения имеет доходы, покупательная способность которых существенно ниже, чем у среднедушевых денежных доходов. Главная причина – высокое экономическое неравенство, при котором 47% доходов стабильно принадлежит пятой квинтильной группе.

Основной источник доходов – оплата труда – в отдельных секторах экономики воспроизводит низкую обеспеченность на индивидуальном уровне и бедность при наличии иждивенцев. Дополняет картину устойчиво низкий уровень пенсионного обеспечения.

Неотъемлемой компонентой общей структуры денежных доходов населения стали социальные пособия и социальная помощь, которые по своей значимости для населения превзошли в последние годы доходы от предпринимательской деятельности и доходы от собственности.

Динамика покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения формируется в условиях усиления социальной поддержки за счёт социальных пособий и социальной помощи из-за недостаточного роста покупательной способности доходов от занятости.

¹⁹ Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2023).

Рисунок 2. Темпы роста величины прожиточного минимума в среднем на душу населения и индексы потребительских цен в России в 2007–2022 гг., в %

Figure 2. The Growth Rate of the Subsistence Minimum on Average per Capita and Consumer Price Indices in Russia in 2007–2022, in %

Источники: данные Росстата, расчёты на основе данных Росстата²⁰.

Существенно возросшие с 2020 г. объёмы выплат на пособия и социальную помощь (до более 6% в структуре доходов населения) не восполняют в последние годы недостаток основных источников доходов: заработной платы, предпринимательских доходов и доходов от собственности. При сохранении темпов роста ос-

новых источников доходов без должного учёта темпов роста стоимости жизни условием для возврата на траекторию роста покупательной способности среднестатистических денежных доходов населения становится дальнейшее повышение объёмов выплат на социальные пособия и социальную помощь.

Список литературы

1. Качество и уровень жизни населения в новой России: (1991–2005 гг.) / В.Н. Бобков, В.А. Литвинов [и др.]. М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007. 719 с. ISBN 978-5-87227-033-1; EDN YOZLJR
2. Литвинов В.А. Денежные доходы и покупательная способность населения регионов России. М.: ВЦУЖ, 1998. 203 с.
3. Такмакова Е.В. Покупательная способность доходов населения как фактор экономического роста // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3(37). С. 45–52. EDN MXHDTF
4. Абрамян С.И., Федотов А.А. Человеческий потенциал и уровень жизни населения: функциональные взаимосвязи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12(94). С. 11–14. DOI <http://dx.doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-11-14>; EDN JTWIPU
5. Литвинов В.А. Покупательная способность россиян в условиях кризиса // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 8–9. С. 98–104. EDN MBWJJB
6. Алехина А.А. Снижение покупательной способности денежных доходов населения как социально-экономическая проблема // Россия и новые вызовы: экономика и общество: материалы II Международной научно-практической конференции; (Курск, 19 апреля 2023 года). Курск: Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова, 2023. С. 9–14. EDN KEOPP
7. Фрумкин Б.Е. Дифференциация доходов населения и потребление продовольствия как опекаемого блага // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3(47). С. 184–189. DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-9>; EDN ANQTPZ
8. Milanovic B. Global Income Inequality: What It Is And Why It Matters? // UN Department of Economic and Social Affairs. DESA Working Paper. 2006. No. 28. 17 p.
9. Simonovits A. Simple Models of Income Redistribution. 2018, Palgrave Macmillan. 292 p. ISBN 978-3-319-72501-7; DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72502-4>

²⁰ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 10.07.2023). Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2000–2020 годы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.07.2023). Величина ПМ за 2021–2022 гг. рассчитана по потребительской корзине 2020 г. для сопоставимости динамического ряда.

10. Bussolo M., Checchi D., Peragine V. Long-term evolution of inequality of opportunity: Educated parents still matter // *The Journal of Economic Inequality*. 2023. Vol. 21. Iss. 2. P. 277–323. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09562-6>
11. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. № 3(31). С. 170–186. DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-8>; EDN WRKYZB
12. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. Том 13. Вып. 4. С. 971–984. DOI <http://dx.doi.org/10.17059/2017-4-1>; EDN XIGYOK
13. Kanbur R. Sustainable Development Goals and the Study of Economic Inequality // *The Journal of Economic Inequality*. 2021. Vol. 19. Iss. 1. P. 3–11. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-020-09452-9>
14. Воронкова Е.К., Громова Е.И., Керн И.Т. Современные реалии социальных стандартов Российской Федерации: потребительская корзина и уровень жизни // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2019. № 4(106). С. 23–31. DOI <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-23-31>; EDN RGFOTT
15. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Гулюгина А.А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть первая) // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 3. С. 4–15. DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.1>; EDN SYEGLZ
16. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Гулюгина А.А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть вторая) // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 4. С. 4–18. DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.1>; EDN YHFSEL
17. Суринов А.Е., Лунтов А.Б. Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // *Экономика региона*. 2021. Том 17. Вып. 3. С. 814–827. DOI <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7>
18. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Издательство Дело. 2019. 52 с. ISBN 978-5-7749-1427-2; EDN VUAWLM
19. Growing up poor but doing well: Contextual factors that predict academic success / R. Jagannathan, L. Donnelly, S. McLanahan [et al.] // *The Journal of Economic Inequality*. 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 169–200. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09549-3>
20. Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy // *Current Anthropology*. 2014. No. 55(9). P. 4–16. DOI <https://doi.org/10.1086/676327>
21. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WOQAYF
22. Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров: аналитический доклад: сборник научных трудов / ред. В.В. Петухов, М.К. Горшков, Р. Крумм. М.: Весь Мир, 2011. 326 с. ISBN 978-5-7777-0529-7
23. Бобков В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // *Российский экономический журнал*. 2012. № 2. С. 10–28. EDN PFRYQH
24. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах [Текст]: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон [и др.]; (Москва, 5–7 апр. 2011 г.); рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 86 с.
25. Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. Изменения в уровне доходов, потребления, бедности и в социальных запросах российского населения в течение 2000–2012 годов // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 12(190). С. 11–27. EDN SBDJRL
26. Левашов В.К. Тридцать лет и момент истины российских трансформаций // *Россия реформирующаяся: ежегодник*: вып. 20. 2022. С. 47–79. DOI <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.2>; EDN DGXUPA
27. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одицова Е.В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // *Российский экономический журнал*. 2022. № 1. С. 78–107. DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>; EDN YGFLOH
28. World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment (enterprise.press) // UNCTAD: [website]. URL: [https://unctad.org/publications-search?f\[0\]=product%3A397](https://unctad.org/publications-search?f[0]=product%3A397) (дата обращения: 24.06.2023).
29. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / А.Г. Аганбегян, А.Н. Клепач, Б.Н. Порфирьев, М.Н. Узяков, А.А. Широков // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 6(183). С. 18–26. DOI <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>; EDN VDIXXR
30. Винслав Ю.Б. 2022: экономические тренды, актуализация факторов национальной безопасности в системе макроуровневого стратегического планирования // *Российский экономический журнал*. 2022. № 1. С. 4–31. DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-4-31>; EDN VFHXEA
31. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2021 год: [Монография]. Вып. 5(201) / В.Н. Бобков [и др.]; Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 114 с. ISBN 978-5-89697-398-0; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022>; EDN ANDDTL
32. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Том 16. № 3. С. 9–23. DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1>; EDN ASIDQD

Информация об авторе:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: algula@mail.ru) (ПИНЦ Author ID: 305797) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>) (ResearcherID: H-2175-2018).
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023; одобрена после рецензирования 11.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Bobkov V.N., Litvinov V.A. et al. The quality and standard of living of the population in the new Russia (1991-2005). Moscow: VTSUZH. 2007. 719 p. (In Russ.) ISBN 978-5-87227-033-1
2. Litvinov V.A. Monetary income and purchasing power of the population of the regions of Russia. Moscow: VTSUZH. 1998. 203 p. (In Russ.)
3. Takmakova E.V. Purchasing power of household income as a factor of economic growth. *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2010;3(37):45-52. (In Russ.)
4. Abramyan S.I., Fedotov A.A. Human potential and the standard of living of the population: functional relationships. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice.* 2022;12(94):11-14. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-11-14>
5. Litvinov V.A. Purchasing power of Russians in the crisis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2009;(8-9):98-104. (In Russ.)
6. Alyokhina A.A. Reduction of the purchasing power of monetary incomes of the population as a socio-economic problem. Russia and New Challenges: Economy and Society: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. (Kursk, April 19, 2023). Kursk: Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov. 2023;9-14. (In Russ.)
7. Frumkin B.Ye. Income differentiation and consumption of food as a patronized good. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii = New Economic Journal.* 2020;3(47):184-189. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-9>
8. Milanovic B. Global Income Inequality: What It Is And Why It Matters? UN Department of Economic and Social Affairs. DESA Working Paper. 2006. No. 28. 17 p.
9. Simonovits A. Simple Models of Income Redistribution. 2018, Palgrave Macmillan. 292 p. ISBN 978-3-319-72501-7; DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72502-4>
10. Bussolo M., Checchi D., Peragine V. Long-term evolution of inequality of opportunity: Educated parents still matter. *The Journal of Economic Inequality.* 2023;21(2):277-323. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09562-6>
11. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii = New Economic Journal.* 2016;3(31):170-186. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-8>
12. Bobkov V.N., Kolmakov I.B. Identifying the social structure and the inequality of monetary incomes of the population of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = Economy of Region.* 2017;13(4):971-984. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.17059/2017-4-1>
13. Kanbur R. Sustainable Development Goals and the Study of Economic Inequality. *The Journal of Economic Inequality.* 2021;19(1):3-11. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-020-09452-9>
14. Voronkova E.K., Gromova E.I., Keri I.T. Present Day's Realities of Social Standards in the Russian Federation: Consumer Basket and Living Standard. *Vestnik Rossiiskogo ehkonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics.* 2019;(4):23-31. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-23-31>
15. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Gulyugina A.A. Consumer basket as the basis for the State guarantees of minimum monetary income of Russian citizens (Part 1). *Narodonaselenie = Population.* 2020;23(3):4-15. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.1>
16. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Gulyugina A.A. Consumer basket as the basis for the State guarantees of minimum monetary income of Russian citizens (Part 2). *Narodonaselenie = Population.* 2020;23(4):4-18. DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.1> (In Russ.)
17. Surinov A.E., Luppov A.B. Influence of Regional Differences in the Cost of Living on National Income Inequality. *Ekonomika Regiona = Economy of Region.* 2021;17(3):814-827. DOI <https://doi.org/10.17059/ekon. reg.2021-3-7> (In Russ.)
18. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. Social Policy in the Long Term: Multidimensional Poverty and Effective Targeting. M.: Delo Publishing House. 2019. 52 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7749-1427-2
19. Jagannathan R., Donnelly L., McLanahan S. et al. Growing up poor but doing well: Contextual factors that predict academic success. *The Journal of Economic Inequality.* 2023;21(1):169-200. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09549-3>
20. Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy. *Current Anthropology.* 2014;55(9):4-16. DOI <https://doi.org/10.1086/676327>
21. The standard of living and quality of life of the Russian population: from reality to designing the future. Ed. by V.N. Bobkov (ed.), N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva. Moscow: FCTAS RAS, 2022. 274 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
22. Twenty years of reforms through the eyes of Russians. The experience of many years of sociological measurements: analytical report: collection of scientific papers; Ed. by V.V. Petukhov, M.K. Gorshkov, R. Krumm. Moscow: The Whole World. 2011. 326 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7777-0529-7
23. Bobkov V. Depressing social results of the twenty-year capitalist transformation of Russia. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal.* 2012;(2):10-28. (In Russ.)
24. Andrushchak G.V., Burdyak A.Ya., Gimpelson V.E. [et al.] The level and way of life of the population of Russia in 1989-2009 [Text]: dokl. to the XII International Scientific Conference on problems of economic and social development. (Moscow, 5-7 Apr. 2011); Ed. by E.G. Yasin.; Nats. research. uni-t "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 86 p. (In Russ.)
25. Dmitriev M.E., Misikhina S.G. Changes in the level of income, consumption, poverty and social needs of the Russian population during 2000-2012. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2013;12(190):11-27. (In Russ.)
26. Levashov V.K. Thirty years and the moment of truth of Russian transformations. *Russia in reform: yearbook.* 2022;(20):47-79. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.2>

27. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia. *Russian Economic Journal*. 2022;(1):78–107. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>
28. World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment (enterprise.press). UNCTAD: [website]. URL: [https://unctad.org/publications-search?f\[0\]=product%3A397](https://unctad.org/publications-search?f[0]=product%3A397) (date of application: 24.06.2023).
29. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiryev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2020;6(183):18-26. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>
30. Vinslav Yu.B. 2022: The rise of threats to national security, the actualization of the tasks of improving the quality of state management of the economy. *Russian Economic Journal = Russian Economic Journal*. 2022;(1):4-31. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-4-31>
31. Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia – 2021. Vol. 5(201). Ed. by V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 114 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-398-0; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022>
32. Bobkov V.N., Gulugina A.A. 25 Years of Monitoring Income and Living Standards of the Russian Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(3):9–23. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1>

Information about the author:

Aleftina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia (e-mail: algula@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 305797) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>) (ResearcherID: H-2175-2018). The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.08.2023; approved after reviewing 11.08.2023; accepted for publication 15.08.2023

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420

EDN: NQFGBM

Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога)

Галина Анатольевна Чередниченко

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

(galcher2211@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8005-9146>)

Аннотация

Введение ЕГЭ, декларировавшее цели сокращения социального и территориального неравенства доступа к высшему образованию (ВО), позволило обеспечить единые требования и стандарты ВО при переходе на Болонскую систему и шло в одном русле с институциональными преобразованиями средней и высшей школы (усиление иерархии и селективности). Совместным результатом стало нарастание социального неравенства и территориально-поселенческих ограничений в доступе к ВО, которое различается качеством подготовки и будущей экономической выгоды на рынке труда. Шла социальная консолидация двух образовательных треков молодёжи: дающего доступ посредством ЕГЭ к очному обучению ВО (преимущественно для выходцев из средних и высших страт) и открывающего путь – через транзит СПО – к заочной подготовке (существенно чаще для молодёжи с пониженными экономическими и социокультурными ресурсами). Социально-экономическая обусловленность доступа к разному качеству ВО усиливается межрегиональными и поселенческими различиями, а универсальная конкуренция на основе ЕГЭ вымывает из регионов наиболее подготовленную к учёбе молодёжь. Снижается мотивация и возможности получения ВО (ценимого рынком труда) у молодёжи из малоресурсных групп и усиливается её выталкивание в сектор СПО. Когда система ВО функционирует на рыночной основе, а в накоплении образовательных достижений учащихся и выпускников школ всё большую роль играют частные инвестиции, неизбежен перекос в выборе направлений подготовки ВО: преобладание социально-гуманитарного, правового профиля и недостаток по техническим и научно-естественным специальностям. Поэтому актуальный запрос общества на подготовку инженерных кадров трудно осуществим нынешними мерами госполитики.

Ключевые слова: ЕГЭ, стратификация системы образования, неравенство доступа в вузы, очное и заочное обучение, направления подготовки

Для цитирования: Чередниченко Г.А. Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 407–420. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420; EDN NQFGBM

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420

EDN: NQFGBM

The Era of the USE and Reforms in Education (the View of a Sociologist)

Galina A. Cherednichenko

Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(e-mail: galcher2211@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8005-9146>)

Abstract

The introduction of the Unified State Examination (USE), which was declared in order to reduce social and territorial inequality in access to higher education (HE), made it possible to ensure uniform requirements and standards for HE for the transition to the Bologna system and went in line with the institutional transformations of secondary and higher education (strengthening the hierarchy and selectivity). The joint result was an increase in social inequality and territorial and settlement restrictions on access to HE, which differs in the quality and future economic benefits in the labor market. There was a social consolidation of two educational tracks of youth: giving access through the USE to full-time HE education (mainly for people from middle and higher strata) and opening the way – through the transit of SVE – to distance learning (much more common for young people with reduced economic and sociocultural resources). The socioeconomic conditionality of access to different quality of HE is enhanced by interregional and settlement differences, and universal competition based on the USE removes the most prepared young people from the regions. Motivation and opportunities to obtain HE (valued by the labor market) among young people from low-resource groups are declining, and their push into the SVE sector is intensifying. When the HE system operates on a market basis, and private investment plays an increasing role in the accumulation of educational achievements of students and school graduates, a bias in the choice of HE specialties is inevitable: the predominance of the social-humanitarian, legal profile and the lack of technical and scientific-natural specialties. Therefore, the currently central demand of society for the education of engineering personnel is difficult to implement with the actual measures of state policy.

Keywords: Unified State Exam, stratification of the education system, inequality in access to universities, full-time and part-time education, HE specialties

For citation: Cherednichenko G. A. The Era of the USE and Reforms in Education (the View of a Sociologist). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):407–420. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420

Введение

С благодарностью главному редактору журнала, профессору В.Н. Бобкову за организацию дискуссии о проблемах высшего образования (ВО) включаюсь в обсуждение факторов, от которых зависит выполнение высшей школой своей сущностной функции подготовки для общества всё новых кадров профессионалов. О.А Александрова представила убедительный анализ и доказательную картину того, как негативные стороны сегодняшнего обеспечения (или порой – отказа от поддержки) экономики необходимыми кадрами специалистов связаны с неолиберальной парадигмой, под давлением и в русле которой осуществлялось реформирование всей системы образования. Дополнение этой линии исследований позицией социолога, т. е. рассмотрение социальных последствий реформирования всей системы российского образования, сопровождавшегося существенными институциональными изменениями средней и высшей школы – позволяет показать более универсальную составляющую роли высшего образования в общественном развитии и в свете сегодняшних актуальных задач, стоящих перед страной.

Предмет, объект, цель, гипотеза. Исходя из тематики дискуссии, проходящей в журнале, основным объектом исследования является российское высшее образование. Вместе с тем, учитывая системный характер образования и связанность ВО со средней школой, более точно объектом изучения следует назвать среднее и высшее образование в их связи/соподчинении. Предмет исследования – социальные последствия институциональных преобразований в системе школьного и высшего образования (которые произошли в результате реформ последнего двадцатилетия) в том отношении, как они формируют доступность разных социальных групп к качеству высшего образования. Цель исследования – выявить, как сформировавшиеся институциональные структуры среднего и высшего образования совместно с механизмом перехода из средней школы в высшую (ЕГЭ) влияют (и могут исказить) результаты мер госполитики управления высшим образованием. В ходе анализа на конкретных материалах статистики и социологических обследований предлагается проверить ряд гипотез. Социальными последствиями реформ в системе образования (выразившихся в институциональных преобразованиях средней и высшей школы совместно с механизмом перехода из первой во вторую – ЕГЭ) стало нарастание социального неравенства доступа молодёжи к ВО, которое различается по уровню качества подготовки и будущей экономической отдаче на рынке труда. Со-

циально-экономическая обусловленность доступа к качественному ВО накладывается на структурную консолидацию региональной сети вузов, что усиливает территориально-поселенческие неравенства и межрегиональные диспропорции в подготовке кадров профессионалов. В условиях коммерциализации образования и большой доли инвестиций семей в школьное образование детей (выстраивания образовательных стратегий по степени выгоды от вложений) применяемые меры госполитики в отношении ВО могут не давать (или давать искажение) результатов: на примере трудностей преодоления в структуре специализаций недостаточной доли инженерно-технической подготовки.

Использованные данные и методы. Изучение ведётся на широкой информационной базе – материалах государственной статистики и результатах социологических и экономических исследований. В аналитической интерпретации используются как опубликованные в сборниках данные госстатистики, так и расчёты автора (относительно очного и заочного обучения ВО) на базе первичных статистических материалов: по данным форм Федерального статистического наблюдения ВПО_1, размещённых на сайте Минобрнауки РФ. Также привлекаются материалы социологических исследований автора и, в частности, исследовательского проекта, осуществлённого в 2018–2020 гг. под руководством автора «Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда». Рассматриваются и аналитически трактуются опубликованные результаты обследований НИУ ВШЭ, осуществлённых, в частности в ходе «Мониторинга экономики образования», мониторинга «Траектории в образовании и профессии», «Мониторинга качества приема в вузы».

Теоретическими и методологическими основаниями исследования служат те, что позволяют на конкретной фактологической основе выявлять социальные последствия институциональных преобразований системы образования. Это прежде всего, теоретико-методологические принципы исследований образовательных траекторий разных социальных групп молодёжи. Коротко, исходя из множества публикаций (в т.ч. [1, 2, 3]), их можно обозначить следующим образом. Траектории изучаются как многоступенчатый кумулятивный процесс движения человека через образовательную систему, где предыдущие решения и опыт оказывают воздействие на последующие; они разворачиваются под воздействием семейного бэкграунда и социального окружения, динамики институтов образования, рынка труда и пр. Применяются положения теории челове-

ческого капитала (ЧК), в частности разработки особого значения формирования ЧК у главного актора постиндустриальной эпохи – профессионалов с высшим образованием, а также вопрос об инвестициях в ЧК в ракурсе экономического неравенства. Важной методологической базой является социологическая теория воспроизводственной функции системы образования. Она ниже характеризуется более подробно.

Две системные функции образования

С позиций социологии система образования выполняет две основные – системные – функции. Во-первых, обеспечивает трансляцию знаний и профессиональных навыков, подготовку к социальной и профессиональной деятельности. Во-вторых, одновременно и в результате выполнения первой функции, легитимно (путем присвоения дипломов, сертификатов, званий и т.п.) содействует распределению людей по разнородным в социально-экономическом отношении позициям, тем самым обеспечивая социальное воспроизводство и порождая социальное неравенство их положения относительно владения материальными, властными, культурными, символическими (репутационными) ресурсами. П. Бурдье и Ж.-К. Пассрон, разработавшие понимание воспроизводственной функции системы образования как латентной, скрытой [4, 5], показали, что в классовом обществе господствующие, элитные, привилегированные слои обеспечивают своё социальное воспроизводство за счёт привилегированных учебных заведений и каналов подготовки в системе школьного и высшего образования (ВО). А механизмом воспроизводства становится воздействие культурного капитала, который накапливается с ранних лет в родительской семье и ключевым образом влияет на образовательные достижения в школе и высшем образовании. Прирост достижений и компетентности оказывается значительным или малым в зависимости от условий, в которых проходила с самых малых лет социализация молодого человека. Наличие в окружении ребенка больших культурно-интеллектуальных ресурсов, атмосферы уважения к умственному труду, развитых практик культурного поведения и накопления знаний, развитой речи и т.п. вознаграждается системой оценивания в средней и высшей школе. Напротив, представители низших слоев населения, лишенные с детства культурных практик, с трудом формируют мотивацию к обучению и добиваются образовательных достижений. Проявляющиеся неравенства академических успехов школа относит только к неравенству способностей и естественных дарований, тем самым она подменяет социальные

причины культурных неравенств перед школой, то есть неравных возможностей родителей создать культурную среду, которая содействовала бы развитию таких способностей детей, которые вознаграждаются в образовательной системе. [6, 7]. Истинность и продуктивность теории воспроизводственной функции системы образования и роли культурного капитала подтвердились в течение последующих десятилетий результатами соответствующих социологических исследований во множестве стран и в России, признавались на конгрессах Всемирной социологической ассоциации.

В советской школе практикой единого образования и методами развития познавательных способностей с младших классов в существенной степени удавалось смягчать изначальные неравенства перед образованием детей из социально и культурно обделенных слоев. В новой России на смену сложной и затратной политики реального содействия в развитии образовательного потенциала всего поколения пришло последовательное снижение государственных затрат на образование и его коммерциализация. Кроме того, к латентному накоплению культурного капитала в семьях средних и высших страт общества добавилась осознанная и целенаправленная стратегия вложений родителей в дополнительное внешкольное (порой еще на более раннем этапе) образование и разнообразное развитие ребенка, которое преимущественно платное. Не говоря о существенных экономических инвестициях семей в компенсацию издержек стандартов школьного образования (см. ниже).

В выполнении системой образования двух своих основных функций важное значение приобретают институционализация средней и высшей школы (структуризация по разным уровням качества предоставляемой подготовки) и механизм перехода от среднего образования к высшему.

ЕГЭ на первом этапе

Кардинальной институциональной переменной при переходе из средней в высшую школу стало введение ЕГЭ (с 2002 г. экспериментально по регионам, с 1 января 2009 г. – повсеместно). Декларировалось, что ЕГЭ повысит объективность итоговой аттестации выпускников средних школ и обеспечит им равные возможности получения среднего и высшего образования, ослабит региональные различия и таким образом будет способствовать демократизации и прозрачности процедуры поступления в вузы страны.

Исследование о соотношении реальных последствий введения ЕГЭ с поставленными целями и задачами, проведенное спустя 2 эксперимен-

тальных года, показало: как и ранее студенты рекрутируются из тех же социокультурных слоев; ЕГЭ сопровождается платными образовательными услугами; воспроизводит на ином уровне материальные и поселенческие неравенства, что ограничивает его социальную эффективность [8]. Объем коррупции в образовании в 2010 году увеличился: из вузов взяточничество перешло на уровень школы (оценка департамента экономической безопасности МВД)¹. Аргументы о негативном воздействии ЕГЭ на образовательный потенциал молодого поколения столь многочисленны, что отсылаем к обобщающей публикации [9].

За скобками деклараций о целях ЕГЭ оставалось то, что так решался ряд управленческих задач в рамках включения российского образования в процессы глобализации и экономии государственных затрат по моделям оптимизации управления. ЕГЭ до настоящего времени являлся инструментом обеспечения сопоставимости результатов образовательной деятельности в ходе международных сравнительных исследований – PIPS, PIRLS, TIMSS, PISA – ради использования их результатов для реформирования системы российского образования в соответствии с глобальными трендами и в целях повышения его конкурентоспособности [10]. Формально в документах о Болонской системе образования нет требований ЕГЭ. Однако, чтобы появилась возможность ввести в российской высшей школе единые требования и стандарты образовательных процессов по Болонской системе, необходимо было вначале перейти на единый европейский механизм доступа в вузы. Его российским аналогом и стал ЕГЭ. Ниже пойдет речь ещё об одной важной роли ЕГЭ в управлении ВО.

Наращение социальной дифференциации средней и высшей школы

Сегодня, после двадцатилетия реформ и перекладывания государством части расходов по финансированию образования на население² педагогическое и социальное неравенство получения среднего и высшего образования усилилось. Расширялась сеть частных учебных заведений и школ особого статуса (гимназий, лицеев, специализированных школ и классов) с высокими стандартами преподавания, создающими преимуществами при поступлении в вуз. Вероятность

¹ ЕГЭ проэкзаменовали на коррупцию // Коммерсант, 26.05.2010. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1375468> (дата обращения 16.07.2022).

² Доля расходов на общее образование в совокупных расходах государства на образование сократилась с 50,3 до 42,0% с 2000 к 2020 гг.; соответствующая доля расходов на высшее образование снизилась с 19,9 до 14,9% с 2010 по 2020 гг. [18, с. 175].

обучения в них коррелирует с высокими социально-экономическим и культурным положением родителей [2, с. 258–284; 11, с. 228–258]. Усиливалась многообразная дифференциация высшего образования по мере перехода к массовому ВО. Известно теоретически и показано эмпирически, что при переходе к массовому ВО формируется и нарастает стратификация по качеству подготовки и будущей экономической выгоды на рынке труда [12, 13]. Переход к массовому ВО шел во многом за счет платного и заочного обучения [14], т.е. расширения сегмента сниженного качества подготовки. На другом полюсе обособлялся сектор вузов и программ с высокими конкурсами при приеме на бюджетные места, с повышенными требованиями к студентам в ходе обучения и более высокими стандартами преподавания. Различия усилились при реализации государственных программ, нацеленных на повышение конкурентоспособности ВО России на глобальном рынке образовательных услуг, миграцию студентов и признание российских дипломов. Предоставление отдельными вузами мировых стандартов подготовки позволяет обеспечивать кадрами крупные международные корпорации – драйверы технологического развития – как в нашей стране, так и открывает возможности трудоустройства за рубежом. Сегодня выделяют как минимум три категории вузов: 1) ведущие («Ассоциация ведущих университетов», «Глобальные университеты», НИУ, федеральные университеты, «Проект 5–100»); 2) опорные (крупные региональные центры, объединившие несколько вузов); 3) прочие. Распределение студентов очного обучения бакалавриата и специалитета между тремя категориями составляло 18%–10%–73% соответственно (данные репрезентативного обследования 2020 г. [15, с. 8]).

Перемены в институционализации и два после-школьных трека.

ЕГЭ, углубление иерархии и селективности средней и высшей школы усилили социальное неравенство доступа к очному и заочному обучению ВО. (Деление на очное и заочное обучение ВО – единственный из возможных на материалах статистики показатель, который позволяет, хотя и весьма обобщенно, фиксировать различие в качестве подготовки³). Консолидировались два типа образовательных треков: Академический (11 классов–ЕГЭ–ВО очного обучения) и Комбинированный (9 классов–СПО–ВО заочного об-

³ Различие подтверждается разной дефицитностью той и иной подготовки: в 2022 г. конкурс (подано заявлений/принято) при приеме на бюджетные места бакалавриата был 12,5 у очников и 5,3 у заочников, на платные места – 7,6 и 2,4; при приеме на специалитет: 10,0–4,3 и 5,6–2,1 соответственно [19].

учения, поступление по результатам приёмных экзаменов).

Когда приём в вуз стал зависеть исключительно от результатов ЕГЭ, интенсифицировалось обращение к репетиторству ради получения конкурентных преимуществ, что закрепило привилегии детей из материально обеспеченных и социально и культурно продвинутых семей. По данным мониторинга при одинаковой успеваемости в конце 9-го класса дети из высокодоходных групп семей лучше сдают ЕГЭ в среднем на 4–5 баллов (из 100), нежели из групп низко обеспеченных [16]. Достижение более высоких баллов ЕГЭ обеспечивается выбором более эффективного направления инвестиций в предварительный тренинг, а также обучением в селективных школах.

Существенная зависимость результатов ЕГЭ от материальных инвестиций семей учащихся в подготовку породило социальную сегрегацию на имеющих возможности таких вложений, и на тех, кто из-за сдержанных/пониженных экономических и культурных ресурсов не мог рассчитывать на успешную сдачу экзамена в 11 классе. Вторые уже при окончании 9 класса стали вырабатывать альтернативные стратегии поступления в вуз. Ими стали стратегии «обходного манёвра»: после 9 класса переход на учёбу в колледжи с двойной целью: гарантии на рынке труда в виде диплома СПО и возможности поступления в вуз, минуя ЕГЭ на основе вступительных экзаменов. Показательно, что по мере присоединения регионов страны к ЕГЭ синхронно шло снижение (особенно сильное в экономически менее развитых субъектах РФ, т.е. с повышенным удельным весом демократических слоёв населения) доли учащихся 9-х классов, переходивших в 10-й [17]. В целом по стране этот показатель снижался следующим образом: в 2000–2010–2020 гг. соответственно 66,8–59,7–50,0% [18, с. 240]. В 2000–2016–2021 гг. при приёме в вузы РФ на очное обучение устойчиво преобладают лица с полным средним образованием (89,2–89,1–83,4%); в то время как при приёме на заочное обучение всё меньше лиц приходят со средним полным образованием (36,7–21,5–17,5%) и всё больше тех, кто имеет СПО (55,7–68,6–76,8%) [19].

Молодёжь академического и комбинированного треков: социальные характеристики

Шансы попасть в академический трек всё более определяются факторами, напрямую не отражающими уровень способностей абитуриента, а связанными с экономическими и социокультурными ресурсами семей учащихся; они влияют

как на доступ в высшую школу, так и на качество получаемого ВО [20]. Данные репрезентативного обследования 2020 г. показывают: у 54% студентов матери имеют высшее образование (в т. ч. учёную степень); в ведущих вузах – 62%, в вузах «Проекта 5–100» – 68%, в МГУ и СПбГУ – 73%. 54% студентов относят себя по материальному положению семьи к группам: «Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля затруднена» и «Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск». Таких студентов ещё больше в ведущих вузах (58%), вузах «Проекта 5–100» (59,5%), МГУ и СПбГУ (68,4%) [15, с. 21–23]. Выпускники селективных вузов в среднем получают более высокую заработную плату и более востребованы на рынке труда: «премия» за обучение в престижном вузе подтверждается рейтингами заработных плат выпускников ВО⁴ и исследованиями [21].

Трек «Школа–СПО» всегда формировался как правило учащимися из семей со сдержанным или низким социально-экономическим положением и/или со слабой успеваемостью. Но эпоха ЕГЭ расширила социальные рамки и сделала более многочисленным поток, переходящих из 9 класса в СПО непосредственно за подготовкой и/или ради транзита в вуз. Сегодня «треть выпускников системы СПО, как правило, поступают — минуя процедуру сдачи ЕГЭ – в менее селективные вузы» [13, с. 17]. Комбинированный трек ведёт как правило не только на заочное обучение, но и на платные учебные места: в 2021 г. таких было 73,5 % от приёма на заочные и 39,0 % у поступивших на очные отделения ВО [19].

По результатам социологического исследования 2019 г.⁵ заочниками как правило становятся те, кто на момент окончания школы принадлежали по происхождению к средне- и малоресурсным группам населения. У 61,7% обследованных отцы были рабочими (в т. ч. 35,7% – квалифицированными и 23,5% – обученными), а 25,9% матерей относились к специалистам средней и 21,6% – высшей квалификации⁶. Среди опрошенных оканчивали школу в селах, посёлках и малых городах 25,2%, в средних и больших – 21,2%, в крупных – 27,5%, а в Москве и Санкт-Петербурге – только 6,8%. Письменные ответы респондентов о названии вуза учёбы, закодированные ис-

⁴ SJ. Рейтинг вузов России и Москвы 2022. URL: <https://students.superjob.ru/reiting-vuzov/it/> (дата обращения 27.07.2022).

⁵ Опрос 2019 г. на общероссийской структурированной онлайн панели всех крупных (более 200 тыс. жителей) городов РФ охватывал в равных долях студентов-заочников и получивших в 2005–2018 гг. дипломы ВО после заочной учебы [22].

⁶ Статус родителей кодировался исследователями на основе письменных ответов респондентов на 3 открытых и 1 закрытый вопрос.

следователями на основе рейтинга вузов России RAEX⁷, показали: учились в наиболее престижных вузах – занимающих места с 1-го до 50-го в ранге ТОП-100 (RAEX) – 10,6% респондентов, места с 51 по 100-е – 11,2% и оставшиеся 78,2% – в вузах за пределом сотни репутационных [22, с. 78, 81, 107, 108].

В распределении по направлениям подготовки у студентов очников на «Науки об обществе» приходится 29% состава, инженерно-технические специальности – 19%, математические и естественные науки – 20%, медицина – 13% [15, с. 15]. У студентов заочных отделений структура скошена, соответствующие показатели: 54–24–2,9–1,4%. Преимущественное обучение триаде «экономика-право-менеджмент» (в направлении «Науки об обществе»), где все места платные, а «цена» их самая низкая по рынку⁸, оборачивается низким качеством, девальвацией дипломов, трудоустройством не по специальности. После заочной подготовки в вузе получают позиции, соответствующие уровню квалификации диплома ВО, 73,1% из тех, кто работают по специальности и только 33,9% среди занятых не по профилю подготовки [22, с. 112, 132–133]. Т. е. в этом секторе ВО некая доля программ, учебных мест и т.п., не обеспечивает достаточного накопления фундаментальных квалификаций, тождественных уровню высшего образования.

Социально-территориальные ограничения

Социальные факторы неравенства в образовании во многом мультиплицируются межрегиональными различиями. В обстоятельном исследовании неравенства доступа к ВО в его территориальном ракурсе [23] показана зависимость территориальной доступности ВО от наличия мест в вузах региона проживания, возможности получить высокий уровень качества подготовки, наличия достаточных финансовых ресурсов для обучения у разных социальных и поселенческих групп. Складывающаяся межрегиональная дифференциация доступности и структурная консолидация предложения ВО (количество и качество высшего образования – в своих структурных единицах – неравномерно распределенные по территории) становятся ключевыми трендами образовательного ландшафта российских регионов. Он сохраняет и усиливает действие неака-

демических факторов доступа к наиболее выгодным (по уровню качества обучения и будущей отдаче на рынке труда) направлениям подготовки и вузам.

Отметим здесь только один негативный эффект от усиления структурной консолидации сети вузов. В результате шедшего обособления сектора двух уровней селективных вузов наиболее сильные студенты, магистерские программы, наиболее востребованные направления подготовки все более сосредотачивались в ведущих университетах обеих столиц и крупнейших городов регионов–экономических доноров. Местожителство в городе расположения высокоселективного университета (или материальная возможность переезда туда для учебы) во многом определяют возможность поступить в него. Здесь проявляется кумулятивный эффект повышения шансов доступа для выходцев из семей, обеспеченных повышенными социокультурными и материальными ресурсами: их доля выше в мегаполисах, они более экономически мобильны. Одновременно, в целях повышения показателей среднего уровня качества обучения управленческими решениями производилась реструктуризация сети вузов; лишение аккредитации вузовских филиалов (всего сокращено 1000 организаций за 2015–2018 гг.); частью – закрытие, частью – усечение программ заочного обучения. Безусловно, закрываемые структурные подразделения на практике принадлежали к тому самому сектору ВО, который, как выше указывалось, предоставлял подготовку низкого качества. Однако все они работали как правило на массовый спрос, поэтому сокращение числа образовательных организаций, расположенных, главным образом, далеко не в крупных населенных пунктах, сужение возможностей совмещать учёбу с работой – дискриминирует прежде всего молодёжь из малоресурсных социальных групп. Подобные модели оптимизации образовательной структуры – это самые удобные способы, позволяющие управленцам достигать формально цели повышения качества формирования человеческого капитала будущих профессионалов: отсеять структуры низкого качества, а не заниматься экономически затратной и кропотливой работой по изменению в этих подразделениях направлений подготовки, улучшению педагогических кадров и ещё многого из того, что позволяет совершенствовать обучение. Негативные последствия такой оптимизации ложатся бременем на общество: усиливаются ограничения социально-экономического развития регионов–реципиентов бюджетной поддержки, средних и малых городов, сельской местности, удаленных территорий – всех тех объектов, где налицо отставание экономического

⁷ RAEX Аналитика. Рейтинг вузов России. 2018 г. URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.9/index.php?rating/rating-2018.html>. (дата обращения 23.11.2019). RAEX Аналитика с 2012 г. составляет ежегодные рейтинги вузов России, используя статистические показатели и опросы 30 тыс. респондентов: представителей академических и научных кругов, студентов и выпускников, работодателей.

⁸ Отмена заочного образования // Радио Свобода: [сайт]. 2016. URL: <https://www.svoboda.org/a/27856022.html> (дата обращения 23.06.2018).

развития и потребность в его стимулировании в частности за счёт развития местного человеческого капитала профессионалов.

Концентрация качественной подготовки по востребованным и перспективным направлениям в территориально ограниченном секторе вузов повышает шансы доступа для выходцев из семей высоко образованных и обеспеченных родителей, что снижает мотивацию и возможности получения высшего образования у молодёжи из малоресурсных семей и имеющих поселенческие ограничения. Всё это ведёт к выталкиванию данных групп в сектор СПО, о чём свидетельствует госстатистика. Ряд исследователей данные о снижении после 2016 г. численности приёма в вузы при одновременном повышении приёма в СПО трактует как «разворот спроса молодёжи от ВО к СПО» [24].

Более дифференцированный анализ данных статистики – отдельно по очному и заочному приёму ВО – обнаруживает⁹, что «разворот спроса» идет за счёт малоресурсных групп молодёжи, которые тем самым выражают отказ в доверии тому сегменту ВО, в который они в недавний период были привлечены и допущены – главным образом, заочное обучение, платные учебные места, не селективные вузы, массовые программы бакалавриата. Тогда ответ системы ВО на мощный запрос к подготовке кадров для секторов сервисной занятости и низового менеджериата при одновременном сильном сжатии потребностей в профессиональных квалификациях реального сектора экономики сопровождался развитием рыночного сегмента ВО и переходом на Болонскую систему. Преобладание программ бакалавриата с их акцентом на базовый багаж подготовки и универсальные компетенции в ущерб фундаментальности образования выводило на рынок труда относительно гибкого и способного перестраиваться работника, большая востребованность которого, особенно в низовом звене, быстро была исчерпана. Полученная полу-образованность – особенно в заочном обучении, при сниженном качестве подготовки – без фундаментальных знаний ещё быстрее оборачивалась девальвированными дипломами. Во-многом именно социальные круги «новичков» на рынке ВО (из малоресурсных по происхождению групп) оплатили маркетинговые схемы его развития. По мере того, как качество высшего образования становилось всё более социально-экономически обусловленной привилегией, демократические социальные круги стали отказываться в доверии тому сектору высшего образования, в который им в реальности по преимуществу предоставлялся доступ.

⁹ Статья автора об указанных процессах находится в производстве в журнале «СОЦИС».

ЕГЭ как инструмент управления в сфере ВО

С 2018 г. Высшая школа экономики при поддержке Минобрнауки РФ проводит Мониторинг качества приёма на бюджетные и платные места российских вузов. Институт образования НИУ ВШЭ осуществляет и публикует анализ данных (2022 г. – общие результаты [25], в региональном разрезе [26]), исследует отдельные проблемы [27]). Эти материалы, помимо прямого назначения – использования исследователями и Минобрнауки РФ – остаются в поле зрения довольно узкого круга специалистов. Между тем для более широкой общественности представляет интерес даже их краткое реферирование и анализ в том ракурсе, что был начат выше: выявление процессов региональной дифференциации ВО, связанных со структурной консолидацией и действием социально-экономических факторов неравенства доступа к качественной подготовке в высшей школе.

Ключевым показателем качества – «наиболее простым, проверяемым и достоверным» – Мониторингом признается взвешенный средний балл ЕГЭ, с которым абитуриенты поступили в вуз (сумма баллов делится на число зачтённых предметов); он, с одной стороны, выявляет шансы абитуриента поступить в конкретный вуз, на конкретный факультет и характеризует предпочтения молодёжи, и, с другой – является признаком престижа вуза, факультета и их усилий по повышению своей репутации, ранга на рынке ВО. Используется также показатель средневзвешенной стоимости годового обучения по направлениям, на которые состоялся платный приём. В Мониторинге участвуют все российские вузы, приём в которые ведётся по результатам ЕГЭ (кроме творческих, силовых ведомств и т.п.): в 2022 г. 812 вузов (396 головных государственных, 321 филиал и 95 негосударственных); практически весь рынок ВО по очной форме обучения.

Приводимые далее данные демонстрируют результат многослойного механизма селекции абитуриентов, которая благодаря инструменту ЕГЭ превращается во взаимно поддерживающее движение. С одной стороны, абитуриент, подавая заявление в 5 вузов на 2–10 (с этого года – 5) специальностей, стремится как можно «дороже продать» свой образовательный капитал (средний балл ЕГЭ), т. е. быть допущенным в более репутационный/дефицитный/востребованный вуз/факультет/специальность. Поскольку личный выбор выступает в виде веера вариантов (от лучшего к худшему), то в результате допуск осуществляет «сито» процедуры зачисления: в два этапа, в несколько волн с возможными дополнительными приёмами (в случае недобора по бюджету

и т.п.). С другой стороны, в результате существенной стратификации по разным уровням качества вузов/факультетов/направлений подготовки отбор осуществляется технологично: чем выше репутация/востребованность образовательной структуры, тем больше прав на зачисление абитуриентов с более высоким показателем ЕГЭ. Поскольку средний балл ЕГЭ при приёме на 1 курс эксперты Мониторинга и Минобрнауки трактует как индикатор качества деятельности каждого университета/факультета, который влияет на действия управляющего регулятора в отношении них, то, естественно, вузы стремятся добиваться повышения этих показателей. Руководитель Мониторинга характеризует как достижение, положение о том, что удалось добиться увеличения до 50% доли тех, кого зачисляют с ЕГЭ в районе 70 баллов: «Такая динамика стала возможной во многом благодаря тому, что мониторинг качества приёма стал восприниматься как один из важнейших индикаторов деятельности университетов. Вузы получили ясный сигнал – надо бороться за хороших абитуриентов, – и начали делать это» [25].

Итак, по общим данным Мониторинга средний балл бюджетного приема с 2020 г. превышает порог отличной оценки – 70 баллов ЕГЭ и к 2022 г. сохраняется на том же уровне – 70,3. Показатель платного приёма равен 65,5, а совокупного – 68,6. Высокая доля студентов зачисляется с баллами выше 80 и она растет: с 18,9 до 21% за 2019–2022 гг., в т. ч. среди бюджетников таких 26,1%, среди зачисленных на платные места – 12,3%.

Исключительна концентрация «высокобалльников» в самых селективных вузах страны, которые преимущественно расположены в обеих столицах – Москве и С-Петербурге. Вот топ-25 самых крупных по приёму (более 3 тыс. студентов) на 1-й курс вузов с указанием среднего балла ЕГЭ на бюджетные места, они же самые репутационные: МФТИ (97,1), НИУ ВШЭ–Москва (95,1), МГИМО (95,1), НИУ ВШЭ–Санкт-Петербург (94,7), ИТМО (93,7), РАНХиГС (93,1), МИФИ (91,4), Финансовый университет (91), СПбГУ (90,1), МГЛУ (89,6), НИУ ВШЭ–Нижегород (89,2), МГЮА (89,1), МИСиС (89), МГУ им. Ломоносова (88,9), РЭУ им. Плеханова (88,7), МГПУ (86,9), РГГУ (86,4), РУДН (85,8), СПбГЭУ (84,3), НГУ (82,8), Сеченовский университет (82,7), ГУУ (82,7), Российская таможенная академия (82,3), РНИМУ им. Пирогова (82), УрГЮУ (81,2). Аналогична картина (с некоторыми вариациями) топ-25 лидеров по платному приему: показатели от МФТИ (93,8) до ДГМУ (72)[25].

Ключевым аспектом в региональном разрезе становится размежевания локальностей разных

масштабов относительно демонстрации более сильных или более слабых показателей ЕГЭ при приёме. В 2022 г. среди регионов с крупнейшими системами ВО (число зачисленных от 112 до 10,6 тыс. первокурсников) относились к тем, где выше среднего по стране (68,6) показатель ЕГЭ при зачислении на совокупный (бюджет и платный) приём, следующие: Москва и Московская обл. (75), С-Петербург (74,3), Татарстан (70,6), Нижегородская (69,3) и Свердловская (68,7) области. Другие регионы этой группы – Краснодарский край, Новосибирская, Самарская, Воронежская область, Красноярский край, Ростовская обл. – даже представляя известные и достаточно репутационные университеты в своих областных центрах – в масштабах всего территориального образования теряют своих успешных абитуриентов, демонстрируя показатели от 67,7 до 64,7 [26].

Любой механизм селекции, отбора самых лучших, достаточно лучших, менее лучших и т.д. – процесс двусторонний, означающий, что, после срединной зоны, на противоположном полюсе формируются сообщества худших, более худших и совсем худших. Поэтому неизбежно обнаруживаются территории, локации, вузы, которым приходится вести обучение студентов, являющихся плодами негативного отсева. В 2022 г. в число регионов со средним баллом зачисления ниже 60 (школьная тройка) попали: Хакасия (59,6), Камчатский край, Амурская область, Карачаево-Черкессия, Калмыкия, Забайкальский край, Сахалинская область, Тыва (57,4) [26]. Разумеется, численный потенциал обучающихся в этих регионах – самый малый в масштабах страны, а негатив ситуации с приёмом в вузы обязан также общему сниженному потенциалу их экономического развития.

Одним из трендов госполитики Минобрнауки РФ самых последних лет заявлена поддержка региональных вузов для снижения диспропорций в системе ВО, возникших за последние десятилетия. Мониторинг показывает, что с 2020 по 2022 г. количество бюджетных мест приёма было увеличено на 20% в целом по 85-ти региональным вузам. Между тем, данные свидетельствуют, что контрольные цифры приёма росли сильнее в тех университетах, «где был потенциал к наращиванию качества приёма при росте бюджетных мест», т.е. именно вузам с высокими показателями ЕГЭ прежде прочих прибавляли долю бюджетных мест; неудивительно, что ими становились селективные университеты регионов с развитым научно-образовательным потенциалом, например, такие: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Томский госуниверситет [26].

Эксперты о результатах государственной политики в системе ВО

Другими трендами нынешней госполитики в отношении вузов (наряду с названной поддержкой региональных вузов) утверждены следующие два: увеличение бюджетного набора (осуществлялось до 2022 г.) и приоритет технических направлений подготовки и ИТ над другими направлениями для интенсификации технологического развития страны. Реальные последствия принятых решений анализируют на данных Мониторинга 2018–2022 гг. эксперты Центра финансово-экономических решений в образовании НИУ ВШЭ. Рассматривается спрос (показатели приёма) на ВО со стороны абитуриентов в зависимости от среднего балла ЕГЭ, и в зависимости от средней стоимости обучения. Исходя из экономических суждений, эксперты равнозначно подходят и к показателям оплаты обучения, и среднему баллу ЕГЭ, который трактуется тоже как валюта на рынке ВО [27].

С увеличением приёма на бюджетные места происходило зеркальное замещение спроса на места платного обучения: с 2018 г. приём на бюджет существенно рос до 2021 г. и стагнировал в 2022 г.; на платные места – сокращался до 2020 г. и стагнировал до 2022. При этом рост предложения бюджетных мест вылился в увеличение с каждым годом контингента зачисленных с низкими баллами ЕГЭ, что происходило главным образом за счёт вузов в регионах (т. е. помимо обеих столиц). Таким образом положительным эффектом мер государственной политики можно считать действительное замещение в регионах платного образования бюджетным, происходившее, однако, посредством снижения уровня образовательного потенциала зачисленных [27].

Разрыв в среднем балле между бюджетным и платным приёмом уменьшился и в 2021–22 гг. стал менее пяти баллов. Практически все поступившие на платное обучение в 2022 году имели такие показатели ЕГЭ, что могли бы поступить на бюджет по тому же направлению в вузы более низкой репутации и/или в регионах. Число платников с хорошими баллами меньше, чем число бюджетных мест, которые по итогам зачисления заняли студенты со средним ЕГЭ меньше 56 [25]. Региональные диспропорции ещё сильнее коррелируют с социально-экономической обусловленностью доступа к качественному ВО именно в динамике платного приёма. В 2018–2022 гг. был рост спроса на платные места в диапазоне 100–150 тыс. руб. на фоне того, что оплата обучения по регламенту Министерства сохранялась постоянной. Это означает, что те «покупатели» ВО, которые остаются на рынке платных услуг, готовы оплачивать поступление в селективные вузы с более

дорогими учебными местами. При этом, если в регионах средняя стоимость обучения и показатели коммерческого приёма не меняются, то в столицах (Москва, С-Петербург и области) постепенно растёт и средняя стоимость, и численность студентов. Таким образом, московские и петербургские вузы перетягивают на платный приём отовсюду абитуриентов с высокими баллами, поскольку в этом сегменте потребителей ВО борьба идёт уже не только за репутацию – бренд университета – но и за социальную среду, за то, кто с кем учится. В результате в целом – по совокупному приёму – Москва и Петербург привлекают более 70% абитуриентов с баллами 80+ [27].

В разрезе направлений подготовки к 2022 г. лидерами в структуре совокупного приёма были следующие: Москва и область – социально-экономические (38%), технические (20%), математические/ИТ (16%), гуманитарные (10%); С-Петербург и область – 31–28–14–9 соответственно; в регионах – технические (23%), социально-экономические (22%), математические/ИТ (13%), педагогические (12%). Однако, с точки зрения приоритета в развитии технических направлений подготовки хронологическая динамика реального спроса (т.е. зачисления в результате приёма) находится в противофазе с мерами госполитики (за исключением ИТ-специальностей, показавших резкий рост за два последние года): доля инженерно-технических специальностей постепенно снижается, а социально-экономических – как минимум не падает. Совокупный приём на инженерно-технические специальности поддерживался за счёт перераспределения в пользу технарей бюджетных мест от социально-экономических и гуманитарных направлений (выдавливанием их спроса в коммерческое образование). Приём на технические направления в двух столицах ранее почти не менялся, а с 2021 г. стал снижаться при сохранении высоких показателей ЕГЭ у поступающих; в регионах, напротив – рос до 2021 г. при значительно худших средних баллах ЕГЭ при зачислении [25]. В 2022 г. контрольные цифры приёма в вузы существенно скорректировали (более 73% бюджетных мест направили в регионы; из 588 тысяч бюджетных мест инженерам выделено более 251 тысяч)¹⁰. В ходе первой волны зачисления значительное число бюджетных мест приёма на инженерно-технические специальности в регионах не было заполнено; и только в результате дополнительных волн зачисления места заполнялись абитуриентами с низкими результатами среднего балла ЕГЭ.

¹⁰ «Новые известия», 1 июня 2022 г. URL: <https://newizv.ru/news/society/01-06-2022/kak-popast-na-byudzhetye-v-vuzy-vstupayut-v-silu-novye-pravila-priema-studentov> (дата обращения 03.04.2023)

Общественный запрос на инженерные кадры и институциональные возможности

В сегодняшнем преобладании в структуре направлений и специализаций подготовки социально-экономического и гуманитарного спектра над инженерно-техническим нельзя видеть только недалёковидные целенаправленные федеральных управленческих структур и образовательной политики отдельных учебных заведений прошлых десятилетий. Совершенно неизбежными являются также те результаты попыток последних лет Минобрнауки РФ усилить значимость технических направлений, что были продемонстрированы выше и которые обнаружили, что реальные процессы искажают, казалось бы, целесообразные решения. Сегодняшняя потребность общества в определённом контексте образования (в частности – приоритете технической подготовки) сталкивается с институциональными и социальными условиями деятельности общеобразовательной и высшей школы, включая механизм доступа в вузы, сформировавшимися как минимум за последнее двадцатилетие.

Преобразования шли в парадигме ускоренного развития системы образования и подготовки кадров в соответствии с теорией человеческого капитала (ЧК). Эта теория, разработанная 60 лет назад Г. Беккером и Т. Шульцем [28, 29], в этом веке была значительно развита относительно исключительного значения в развитии постиндустриального общества человеческого капитала и его формирования у главного актора постиндустриальных изменений – профессионалов с высшим образованием [30–33]. Образование стало рассматриваться как инвестиционное благо, поскольку инвестиции в человеческий капитал обеспечивают его обладателю получение в будущем более высокого дохода, а на уровне экономики общества – в длительной перспективе ведёт к большей эффективности и конкурентоспособности. Г. Беккер также, анализируя спрос и предложение инвестиций в человеческий капитал в ракурсе экономического неравенства людей, сформулировал универсальную модель распределения личных доходов. Отдача от вложений в человека в среднем выше, чем от вложений в физический капитал. Поэтому стратегия рациональных семей такова: инвестировать сначала в человеческий капитал детей, поскольку отдача от него сравнительно больше, а затем, по мере получения доходности от него переключаться на инвестирование в другие активы, чтобы впоследствии передать эти активы наследникам. В результате семьи, оставляющие наследства, производят инвестиции в человеческий капитал детей в оптимальном размере, тогда как семьи, не оставляющие наслед-

ства, чаще всего недоинвестируют в их образование [34].

Учитывая многообразно зафиксированное положение о всё большей доле расходов на образование, перекладываемой государством на семьи, понятно, что спрос на образование не только по качеству, но и по направлениям подготовки всё больше определяется тем, что находят более эффективным для своих семейных инвестиций разные слои тех потребителей ВО, которые готовы вкладывать ресурсы как в общеобразовательное развитие детей, так и в оплату их учёбы в вузах. В условиях большой доли инвестиций семей в образование детей, а также непосредственного коммерческого обучения изменяются инвестиционные образовательные стратегии населения, которые складываются как механизм, состоящий в снижении затрат на определённый тип диплома путём увеличения степени его прибыльности. В этом как раз и проявляется новое для России отношение к образованию – не как к культурному, а как к инвестиционному благу. Учащиеся и их семьи, рассматривая профессиональное (то есть постобязательное) образование как инвестиции, оценивают его (не строго статистически, а на основе располагаемой социальной информации), с точки зрения отношения «уровень образования – потенциальные места занятости и продвижения» и отсюда с позиции «планируемые затраты – будущие выгоды». Важным выступает и такой критерий, как вклад личных усилий, прилагаемых стараний, напряжения, воли (существенно больший при освоении естественно-научных дисциплин). Спрос с позиций степени выгоды ведёт к тому, что при выборе направлений обучения (опции между наиболее крупными направлениями – социально-экономическим/гуманитарным и техническим/естественнонаучным) он в тенденции склоняется в пользу того, что имеет более высокую отдачу (выгоду) – первого. Такое положение наблюдается во всех странах со свободными и конкурентными системами образования [35].

Это имеет прямое отношение к сложившемуся (и трудно преодолеваемому существующими резервами мер госполитики) перекошу в структуре направлений и специализаций подготовки ВО – преобладание специальностей экономического, социально-гуманитарного, правового профиля и недостаток по научно-естественным, инженерным профессиям. Поэтому неудивительно, что простое увеличение бюджетных мест на инженерные специальности в региональных вузах оборачивается зачислением абитуриентов-троечников, т. е. той молодёжи, которая получила подготовку преимущественно по школьному госстандарту и низкий показатель ЕГЭ. Сегодня

у выпускников средней школы мала привлекательность инженерного труда, а установки большей части долгие годы были сориентированы на сервисную экономику. В госстандартах школьных программ физика, химия, др. естественные науки сокращались. Для роста привлекательности инженерного дела необходимы сильные сигналы рынка труда о зарплатах на региональных предприятиях, усиления школьных программ физики и химии (ныне плохо стыкуется с ФГОС 3+), чтобы родители и учащиеся согласились инвестировать в 2 года старшей школы и 5 лет вуза.

Тенденции относительно приёма на техническое направление подготовки приводились по данным Мониторинга, т.е. по очному обучению ВО. А как было указано выше, доля студентов, обучающихся на инженера, выше у заочников, нежели очников. По данным статистики Минобрнауки РФ в приёме 2021 г. в вузы на инженерно-технические специальности приходилось на очном обучении 18,5% от всех зачисленных, а на заочном 30,9% соответственно. В абсолютной численности – 108,6 и 64,4 тыс. человек соответственно. Если к числу принятых на заочное добавить тех, кто поступил на очно-заочное обучение (социально однородные группы), то соотношение численности очников и не-очников в контингенте «подготовка инженера» будет 58 к 42% [19]. Очевидно, что именно те социальные группы молодежи, которых сегодня охарактеризованными выше механизмами «вытолкнули» из старших классов средней школы, становятся важным резервом массовых кадров для решения задач импортозамещения/опережения прежде всего в регионах, в то время как кадрам, формируемым селективными вузами, главным образом назначено обеспечивать развитие техносферы и прорывных технологий.

В целом, очевидно, что увеличение и улучшение подготовки профессионалов естественно-научного и инженерного профиля преимущественно становится заботой государства, равно как и повышение образовательного потенциала школьников/абитуриентов этих направлений. Коммерческие структуры, ориентированные на спрос потребителя в более инвестиционно «выгодном» экономическо-гуманитарном образовании, будут продолжать функционирование в этом направлении. Необходим комплекс государственных мер, включающих как поддержку преподавания естественно-научных дисциплин в общеобразовательных школах, увеличения соответствующих специализаций обучения в старших классах, развития и поддержки научно-технического творчества школьников в системе дополнительного образования, так и специальную политику восстановления и развития естественно-научного и

технического направлений в высшей школе. Таким образом, мы вновь приходим к хорошо известному – необходимости увеличения государственного финансирования развития прежде всего школьного образования. Не только прошлый опыт развития образования в нашей стране, но нынешние успехи в образовании, способствовавшие блестящим результатам экономического развития в лидирующих странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Южная Корея, Япония, Гонконг, Сингапур, район Китая Шанхай) свидетельствуют: только обеспечение общественных расходов на образование в размере более 5 % ВВП позволяет одновременно решать задачи, с одной стороны, поддержки способностей и талантов учащихся на принципах высокой соревновательности, и, с другой стороны – содействия выходцам из социально и культурно обделенных слоёв в развитии образовательного потенциала, обеспечения доступа к качественному ВО, выбору профессионального поприща по личным способностям и интересам [36, с. 148–169].

Заключение

В результате реформ, шедших в русле встраивания в глобальное развитие, в российской системе образования сложились такие институциональные преобразования (иерархичная структура образовательных организаций, форм обучения, направлений подготовки; усиление межрегиональных диспропорций; переход из средней в высшую школу посредством ЕГЭ), которые усилили социальное и территориально-поселенческое неравенство доступа молодежи к высшему образованию различающегося качества и потенциальных выгод на рынке труда. Нацеленность на повышение экономической эффективности в ходе подготовки кадров профессионалов за счёт включения значительной доли семейных инвестиций в формирование человеческого капитала учащейся молодежи сопровождалось усилением роли семейных стратегий в получении качества и направлений подготовки, выборе локации вузов обучения. Неизбежными становятся диспропорции в структуре направлений подготовки ВО, которые сложно поддаются управлению регулятором, если сохраняется прежняя доля государственного финансирования, особенно в системе школьного образования.

Затруднения в получении качественного школьного и высшего образования по основаниям, связанными с социально-экономическими, культурными различиями семей учащихся и территориально-поселенческими факторами, ведут к деформации социальной функции высшего образования как института, назначение которого

формировать (в опоре на природные задатки и познавательные способности) интеллектуальный потенциал общества, способный отвечать на разнообразные общественные вызовы современности. Самовоспроизводство интеллектуальной элиты ведёт к риску её социальной «ущербности», когда ее представители с трудом способны осознавать процессы, происходящие в других странах, а живущие в обеих столицах – проблемы провинции, т.е. в целом осмысливать и выражать интересы всего общества. Преодоление ряда эле-

ментов тех трансформаций образовательной системы, которые в условиях суверенизации развития страны утратили актуальность, должно стать частью новых путей развития российского высшего образования. Они стоят в ряду более общих требуемых перемен в организации общественных институтов в рамках непростого процесса осмысления нашего места в мире и образа будущего. И критический анализ сегодняшнего положения в системе высшего образования – исходный пункт поисков необходимых решений.

Список литературы

1. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с. ISBN 978-5-98201-029-2
2. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодёжи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014. 559 с. ISBN 978-5-906001-29-0
3. Образовательные стратегии обучающихся: изменения за 20 лет. М.: НИУ ВШЭ, 2022, Информационный бюллетень, № 19 (36). 64 с.
4. Bourdieu P., Passeron J.-C. La reproduction. Eléments pour une théorie du système d'enseignement. 1970. Paris: Ed. de Minuit, 285 p.
5. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования: пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с. ISBN 5-09-014104-5
6. Bourdieu P. L'école conservatrice. Les inégalités devant l'école et devant la culture // Revue française de sociologie. 1966. Vol. 7. No 3. С. 325–247.
7. Bourdieu P. Les trois états du capital culturel // Actes de la recherche en sciences sociales. 1979. Iss. 30. P. 3-6.
8. Эфендиев А.Г., Решетникова К.В. Первые результаты ЕГЭ: анализ социальных последствий и тенденций // Вопросы образования. 2004. № 2. С. 288–310.
9. Ростовская Т.К., Попова И.В., Кучмаева О.В. Влияние единого государственного экзамена на состояние образовательного потенциала молодёжи // Человеческий капитал. 2019. № 4(124). С. 64–75. DOI <https://doi.org/10.25629/НС.2019.04.08>
10. Разбираемся в концепции основных международных сравнительных исследований качества школьного образования // Клуб директоров. 2022. URL: <https://director.rosuchebnik.ru/articles/> (дата обращения: 20.05.2023).
11. Образование и социальная дифференциация (Отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева). М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2018. 454 с. ISBN 978-5-7598-1734-5
12. Trow M. Reflections on the Transition from Elite to Mass to Universal Access: Forms and Phases of Higher Education in Modern Societies since WWII // International Handbook of Higher Education. Springer. 2007. P. 243–280.
13. Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 72 с. ISSN 2500-0608
14. Чередниченко Г.А. Заочная форма получения высшего образования в сравнении с очной (на материалах статистики РФ) // Вопросы образования. № 2. 2018. С. 254–282. DOI <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-2-254-282>
15. Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию. М.: НИУ ВШЭ. Информационный бюллетень. 2021. № 17. 48 с. ISBN 978-5-7598-2605-7
16. Прахов И.А. Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 74–99. DOI <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-74-99>; EDN SXHKBP
17. Адамович К. А. Образовательные траектории российских учащихся после 9-го класса в 2000-2017 гг.: типы региональных ситуаций и предикторы различий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 116–142. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1792>; EDN JJCRVR
18. Индикаторы образования: 2022: Статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 508 с. ISBN 978-5-7598-2598-2; DOI <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2598-2>; EDN BFVQPA
19. Расчёты автора по данным форм Федерального статистического наблюдения ВПО-1 2013-2022 гг.: Высшее образование. Сайт Минобрнауки РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>.
20. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость. М.: НИУ ВШЭ. Серия Факты образования. 2018. № 5(20). 24 с. ISSN 2587-9456
21. Роцин С.Ю., Рудаков В.Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. Т. 12. № 8. С. 74–95. DOI <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-8-74-95>; EDN WIMDMH
22. Чередниченко Г.А. Вознесенская Е.Д., Кузнецов И.С. Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда: монография. (Отв. ред. Г. А. Чередниченко). М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 173 с. ISBN 978-5-89697-338-6
23. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ. Серия Современная аналитика образования. 2020. № 13(43). 68 с. ISSN 2500-0608

24. Мальцева В. А., Шабалин А. И. Не-обходной манёвр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42. DOI <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>; EDN VFPICX
25. Качество приёма в российские вузы в 2022 году: основные итоги. Сайт НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/news/edu/809208007.html>
26. Региональный разрез мониторинга качества приёма: ключевые аспекты. Сайт НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/news/edu/812947116.html>
27. Абанкина И.В., Зиньковский К.В. Рост, замещение и стагнация спроса на высшее образование. Что дальше в разрезе студенческих столиц и регионов? На основе данных проекта «Мониторинг качества приема в вузы» НИУ ВШЭ: URL: <https://ioe.hse.ru/news/814967649.html>; Презентация pdf и полная видеозапись семинара ВШЭ 17 февраля 2023 г. по имеющейся ссылке / (дата обращения: 07.06.2023).
28. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. The University of Chicago Press, 1964. 412 p.
29. Schultz Th. W. Economic value of education. N.Y., 1963. 92 p.
30. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, культура, общество. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
31. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тезисы доклада. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 63 с. ISBN 978-5-7598-1758-1
32. Тихонова Н.Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 2. С. 140–165. DOI <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>; EDN YTNNOV
33. Каравай А.В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // Terra Economicus. 2021. № 19(1). С. 124–137. DOI <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-124-137>; EDN JYYDWW
34. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с. ISBN 5-7598-0173-2
35. Cherkaoui M. Sociologie de l'éducation. Paris: PUF, 2010. 48 p.
36. Барбер М., Доннелли К., Ривзи С. Океаны инноваций. Атлантический океан, Тихий океан, мировое лидерство и будущее образования // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 109–185. EDN PVJFRR

Информация об авторе:

Галина Анатольевна Чередниченко – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, учёный секретарь Центра социологии науки и образования, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
(e-mail: galcher2211@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 166526) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8005-9146>) (Researcher ID: R-7005-2016)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

- Konstantinovskiy D.L. Inequality and education. The experience of sociological studies of the life start of Russian youth (1960s – early 2000s). М: CSF; 2008. 552 p. (In Russ.) ISBN 978-5-98201-029-2
- Cherednichenko G.A. Educational and Career Trajectories of Russian Youth (Based on Sociological Research). Moscow: CSF and M; 2014. 559 p. (In Russ.) ISBN 978-5-906001-29-0
- Educational Strategies of Students: Changes in 20 Years. Moscow: NRU HSE. *Information bulletin*. 2022. No. 19 (36). 64 p.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. La reproduction. Eléments pour une théorie du système d'enseignement. Paris: Ed. de Minuit; 1970. 285 p.
- Burdye P., Passeron Zh.-K. Reproduction: elements of the theory of the education system. Tran. from French N. A. Shmatko. Moscow: Education; 2007. 267 p. (In Russ.) ISBN 5-09-014104-5
- Bourdieu P. L'école conservatrice. Les inégalités devant l'école et devant la culture // *Revue française de sociologie*. 1966; 7(3):325-247.
- Bourdieu P. Les trois états du capital culturel // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1979;30:3-6.
- Efendiyev A., Reshetnikova K. First USE Results: Analysis of Social Consequences and Trends // *Educational Studies Moscow*. 2004;2:288-310. (In Russ.)
- Rostovskaya T., Popova I., Kuchmayeva O. The impact of the unified state exam on the educational potential of young people // *Human capital*. 2019;4(124):64-75. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.25629/HC.2019.04.08>
- We understand the concept of the main international comparative studies of the quality of school education. Directors Club. 2022 [Electronic resource]. URL: <https://director.rosuchebnik.ru/articles/> (accessed on 20.05.2023) (In Russ.)
- Education and social differentiation / ed. M. Karnoy, I. D. Frumin, N. N. Karmayeva. Moscow: NRU HSE; 2018. 454 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-1734-5
- Trow M. Reflections on the Transition from Elite to Mass to Universal Access: Forms and Phases of Higher Education in Modern Societies since WWII // *International Handbook of Higher Education*. Springer. 2007:243–280.
- Malinovskii S.S., Shibanova Ye.Yu. Accessibility of higher education in Russia: how to turn expansion into equality. Moscow, NRU HSE, 2022. 72 p. (In Russ.) ISSN 2500-0608
- Cherednichenko G. Distance Learning as Compared to Full-Time Programs in Higher Education (Based on Russia's Official Statistics) // *Educational Studies Moscow*. 2018;2:254-282 (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-2-254-282>
- Key university choice strategies and barriers to access to higher education. Moscow: NRU HSE. *Information bulletin*. 2021. No. 17. 48 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-2605-7

16. Prakhov I. The Impact of Investments in Further Training on USE Results // *Educational Studies Moscow*. 2014;3:74-99. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-74-99>
17. Adamovich K. A. Educational trajectories of Russian students after grade 9 in 2000-2017: types of regional situations and predictors of differences // *Public opinion monitoring: economic and social changes*. 2022;1:116-142. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1792>
18. Indicators of Education in the Russian Federation: 2022. Data Book. M.: NRU HSE; 2022. 508 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-2598-2; DOI <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2598-2>
19. Author's calculations based on data from the forms of the Federal Statistical Observation HPE_1 2013-2022: Higher education. Website of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>.
20. Khavenson T., Chirkina T. Educational transitions in Russia: the socio-economic situation of the family and academic performance. Moscow: NRU HSE. *Series Facts of Education*. 2018;20(5):24. (In Russ.) ISSN 2587-9456
21. Roshchin S., Rudakov V. The influence of the «quality» of the university on the wages of graduates // *Economic questions*. 2016;12(8):74-95. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-8-74-95>
22. Cherednichenko G.A., Voznesenskaya E.D., Kuznetsov I.S. Part-time student and graduates of higher education: social behavior in education and the labor market: monograph. Ed. G.A. Cherednichenko. Moscow: Ed. FCTAS RAS, 2020. 173 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-338-6
23. Regional differentiation of higher education accessibility in Russia. M.: NRU HSE. *Series Modern Analytics of Education*. 2020. No 13(43). 68 p. (In Russ.) ISSN 2500-0608
24. Maltseva V. A., Shabalin A. I. A Non-detour maneuver, or the Boom in demand for Secondary Vocational Education in Russia. // *Educational Studies Moscow*. 2021;2:10-42. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>
25. The quality of admission to Russian universities in 2022: main results. Website of the NRU HSE. <https://www.hse.ru/news/edu/809208007.html> (In Russ.)
26. Regional aspect of reception quality monitoring: key aspects. Website of the NRU HSE. <https://www.hse.ru/news/edu/812947116.html> (In Russ.)
27. Abankina I.V., Zinkovsky K.V. Growth, replacement and stagnation of demand for higher education. What's next in the context of student capitals and regions? Based on data from the HSE Admissions Quality Monitoring project. URL: <https://ioe.hse.ru/news/814967649.html>; Presentation pdf and full video recording of the HSE seminar on February 17, 2023 at the available link (accessed on 07.06.2023). (In Russ.)
28. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. The University of Chicago Press; 1964. 412 p.
29. Schultz Th. W. Economic value of education. N.Y.; 1963. 92 p.
30. Castells M. Information Age: Economy, Culture, Society. Moscow: SU HSE; 2000. 608 p.
31. How to increase human capital and its contribution to economic and social development: abstracts of the report. Moscow: NRU HSE; 2018. 63 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-1758-1
32. Tikhonova N.E. Human capital of professionals and leaders: state and dynamics // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2017; 2:140-165. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>
33. Karavay A.V. The state of the human capital of Russian professionals // *Terra Economicus*. 2021;19(1):124-137. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-124-137>
34. Becker G.S. Human Behavior: An Economic Approach. Selected works on economic theory. Moscow: SU HSE; 2003. 672 p. ISBN 5-7598-0173-2
35. Cherkaoui M. Sociologie de l'éducation. Paris: PUF; 2010. 48 p.
36. Barber M., Donnelly K., Reevsey S. Oceans of Innovation. Atlantic Ocean, Pacific Ocean, World Leadership and the Future of Education // *Educational Studies Moscow*. 2012; 4:109-185. (In Russ.)

Information about the author:

Galina A. Cherednichenko – Doctor of Sociology, Chief Researcher, Scientific Secretary of the Center for the Sociology of Science and Education, Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: galcher2211@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 166526) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8005-9146>) (Researcher ID: R-7005-2016) The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 13.06.2023; approved after reviewing 02.07.2023; accepted for publication 15.08.2023

Оригинальная статья

УДК 316.442 (470.345)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_9_421_431

EDN: MPOGUO

Структура бедности регионального социума (на примере Республики Мордовия)

Любовь Николаевна Курышова^{1,2}, Оксана Николаевна Курмышкина³

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Саранск, Россия (kuryshovaln@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>)

² Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

³ Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия (mad-oksana@yandex.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>)

Аннотация

Статья посвящена проблеме бедности, её измерению и оценке. Рассмотрены классические подходы изучения бедности, проанализированы методики ее оценки, а также работы зарубежных и отечественных исследователей в области социологии. Работа выполнена на основе масштабного социологического исследования и анализа баз данных с разной выборочной совокупностью, репрезентирующих Республику Мордовия в целом, каждый муниципальный район и столицу региона в отдельности, а также целевую группу бедных домохозяйств в частности. На основе комплексного подхода к оценке материального положения населения и классических концепций измерения бедности структурирована, выявлены масштабы объективной и субъективной бедности регионального социума. Реализуемая политика мер социальной поддержки в той или иной степени позволяет сохранять официальную бедность на относительно невысоком уровне. Определено, что субъективное восприятие людьми собственного социально-экономического положения существенно отличается от их положения с точки зрения монетарного подхода и объективных критериев. Выявлено, что половина семей региона, перешагнув порог официальной бедности, остаются в неустойчивом положении и депривированном состоянии. Треть семей оценивают своё состояние как малоимущее в течение пяти лет. Предложен авторский подход и определена бедность ситуационная, постоянная, хроническая и застойная. Сделан вывод, что сложившаяся социально-экономическая структура общества рискогенна: практически каждая вторая семья региона находится в зоне риска и под влиянием различных факторов может пополнить когорту бедных. В первую очередь это может коснуться семей с детьми и домохозяйств, в которых есть неработающие граждане.

Ключевые слова: бедность, малоимущие, застойная бедность, постоянная бедность, объективная бедность, субъективная бедность, регион, рискогенность, уровень дохода, хроническая бедность

Для цитирования: Курышова Л.Н., Курмышкина О.Н. Структура бедности регионального социума (на примере Республики Мордовия) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 421–431. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_9_421_431; EDN MPOGUO

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_9_421_431

EDN: MPOGUO

The Structure of Poverty in Regional Society (on the Example of the Republic of Mordovia)

Lyubov' N. Kuryshova^{1,2}, Oksana N. Kurmyshkina³

¹ National Research Mordovia State University, Saransk, Russia (kuryshovaln@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>)

² Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

³ Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia (mad-oksana@yandex.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>)

Abstract

The article is devoted to the problem of poverty, its measurement and evaluation. Classical approaches to the study of poverty are considered, methods of its pacification are studied. The author analyzed the works of foreign and domestic researchers. The work was carried out on the basis of a large-scale sociological study. The data represent the Republic of Mordovia, each municipal district and the capital of the region, as well as the target group of poor households. Poverty is structured on the basis of an integrated approach to assessing the socio-economic situation of the population and classical concepts. The paper reveals the scale of objective and subjective poverty of the regional society. Statistical poverty remains at a relatively low level due to the implemented policies and measures of social support. People's subjective perception of socio-economic status differs significantly from their monetary status and objective criteria. Half of the region's families crossed the threshold of official poverty, but found themselves in an unstable situation and deprived state. A third of families assess their condition as poor within five years. The authors proposed their own approach to poverty assessment. Definitions are given: situational poverty, permanent poverty, chronic poverty, stagnant poverty. The current socio-economic structure of society is risky: almost every second family in the region is at risk and under the influence of various factors can replenish the cohort of the poor. First of all, this may concern families with children and households in which there are unemployed citizens.

Keywords: poverty, the poor, stagnant poverty, permanent poverty, objective poverty, subjective poverty, region, risk, income level, chronic poverty

For citation: Kuryshova L.N., Kurmyshkina O.N. The Structure of Poverty in Regional Society (on the Example of the Republic of Mordovia). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii—Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):421–431. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_9_421_431

Введение

Проблема бедности остаётся на повестке российской социальной политики и на контроле у государства не одно десятилетие. «Уровень бедности» включён в Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации¹. Снижение уровня бедности в два раза является одной из национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года². В целях выполнения поставленной задачи в декабре 2018 года в 21 субъекте федерации стартовал пилотный проект, в их число вошла и Республика Мордовия. С этой целью разработана Региональная программа снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума³.

Бедность – это многомерное и многоаспектное понятие, которое находится в фокусе изучения статистики, экономики, социологии и других наук. К бедным относят не просто группу людей (семей), с определённым уровнем дохода, а также с особым стилем потребления и образом жизни. Бедность представляет собой комплексное экономическое, социальное, социокультурное явление с различными формами проявления и сложной структурой. Слой бедных неоднороден, его можно представить в виде иерархической структуры или в форме социального (дискурсивного) поля.

Для решения поставленной государственной задачи важным является методология определения бедности и измерения слоя бедных, т.е. вопросы определения критериев бедности, измерения её параметров и определения групп, находящихся в малоимущем состоянии в течение длительного периода.

Социальная структура современного российского общества активно изучается отечественными

ми учёными. Применяются комплексные оценки и новые подходы к анализу стратификации, например, на основании соотношения жизненных шансов и рисков [1], при изучении региональной бедности используют объективный и субъективный подходы [2], исследуют качество жизни отдельных социальных групп [3, 4, 5]. Исследовательской оценке подвергаются правительственные программы по снижению уровня бедности. Решение проблемы видится при помощи институтов участия, главная цель которых — обеспечение высокого уровня социальной интеграции, исключая стигматизацию бедности и превращение бедных в «вид людей» [6, с. 46].

Объект исследования региональная бедность населения Республики Мордовия.

Предмет исследования объективная и субъективная бедность регионального социума.

Цель исследования определить уровень и структуру бедности в региональном социуме на основе комплексного подхода.

Гипотеза исследования заключается в том, что бедность неоднородна по своей структуре. Комплексный подход с применением объективных и субъективных критериев позволяет выявить группы ситуационной, постоянной и хронической бедности, а также определить застойную бедность. Существует несоответствие границ объективной и субъективной бедности, при этом уровень субъективной бедности выше. Не менее половины населения находится в нестабильном экономическом состоянии и могут представлять группу риска, а социальная структура регионального социума является рискогенной.

Теоретические и методологические положения

Существует множество теорий, обращающихся к теме бедности, большинство из которых развиваются в рамках концепций социального неравенства. Представители социального дарвинизма [7; 8; 9] и социального эгалитаризма [10; 11] говорили о справедливости этого явления; последователи стратификационного [12] и классового подходов [11] определили место бедности в социальной структуре общества, о значении бедных в обществе заявили структурные функционалисты [13].

В социологической теории отдельно стоит вопрос измерения бедности, где сложились несколько подходов: абсолютный и относительный, объективный и субъективный.

Абсолютная концепция основывается на прожиточном минимуме – наборе основных потребностей, необходимых для поддержания жизни

¹ Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040027> (дата обращения: 26. 04. 2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 26. 04. 2023).

³ Постановление Правительства Республики Мордовия от 14 сентября 2020 г. № 535 «Об утверждении Региональной программы снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1300202009170011> (дата обращения: 26. 04. 2023).

и работоспособности, и дохода, способного их удовлетворить [14, с. 352–353].

Относительная бедность основывается на сравнении относительно некоторого стандарта жизни. При таком подходе индивид беден относительно достатка других небедных членов общества. В целом в рамках относительного подхода к измерению бедности чётко выделились два направления. В соответствии с первым, основное внимание уделяется средствам к существованию, а именно на способность семей приобретать товары, необходимые для удовлетворения основных потребностей. Второй подход основан на измерении бедности через лишения [15] и известен как «гражданско-правовая теория бедности». Таким образом, «бедные – это те, чьи располагаемые средства не дают возможность полноценно участвовать в жизни общества» [16].

Европейские исследователи при установлении границы бедности базируются на относительной концепции и применяют два основных подхода [17]. Например, по методике организации экономического сотрудничества и развития к бедным относят всех, чей доход ниже черты бедности — меньше 60% медианного дохода [18]. Европейское статистическое агентство определяет доход бедных на уровне ниже 50% среднедушевого дохода в стране.

Абсолютный и относительные подходы можно назвать объективными, так как в основе определения бедности лежит объективный показатель – доход населения. Стоит отметить, что эти подходы применимы как в рамках официальной статистики, так и в ходе социологических исследований.

Субъективная концепция бедности основывается на мнении, что критерии бедности определяет население, непосредственно индивид может сказать, беден ли он. Собственная оценка материального благосостояния определяет статус человека. Данный подход применим только в рамках социологических исследований, где люди сами определяют своё материальное положение, оценивая свои денежные доходы и их покупательную способность⁴.

В социальной практике объективная и субъективная оценка материального положения не всегда совпадает.

Научно-исследовательский интерес российских учёных фокусируется как на выявлении уровня бедности, так и на способах её изучения. Одними из первых структуру российского общества с применением объективного подхода изу-

чали С.А. Айвазян [19], Т.Ю. Богомолова [20], Л.Н. Овчарова [21], Н.М. Римашевская [22], Л. Хахулина и М. Тучек [23]. О важности изучения относительной бедности заявила М.А. Можина [24]. Одновременно объективный и субъективный методы изучения бедности применялись у широкого круга современных исследователей [5, 25, 26, 27].

В России при определении уровня бедности до 2020 года руководствовались абсолютным подходом, порогом бедности выступала величина прожиточного минимума – стоимостная оценка потребительской корзины. Уровень бедности рассчитывался как доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта Российской Федерации. Понятие прожиточного минимума, порядок его расчёта и периодичность определения прописаны в Федеральном законе⁵. С 2021 года для определения прожиточного минимума применяется относительный подход: он исчисляется исходя из величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год⁶. Соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год с 2021 года установлен в размере 44,2 %⁷.

В то же время, в конце 2021 года был введён параметр «граница бедности», который стал использоваться Росстатом при расчёте уровня бедности. Граница бедности соответствует стоимостной оценке потребительской корзины за прошлый квартал с учётом инфляции и позволяет обеспечить максимальную сопоставимость показателей в динамике⁸. Таким образом при определении статистического уровня бедности вновь стал применяться абсолютный подход.

Слой бедных в структуре современного российского общества представляет собой совокупность нескольких групп: группа абсолютно

⁵ Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Консультант [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (дата обращения: 26. 04. 2023).

⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290119> (дата обращения: 26. 04. 2023).

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290119> (дата обращения: 26. 04. 2023).

⁸ Росстат представляет информацию о границе бедности в IV квартале 2022 года // Росстат [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/200416#:~:text=Граница%20бедности%20в%20целом%20за,10%2C5%25%20жителей%20страны> (дата обращения: 26. 04. 2023).

⁴ Курышова Л.Н. Стиль потребления бедных в современном российском обществе : Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. ГОУВПО «Мордовский государственный университет им Н.П. Огарева». Саранск. 2009. 205 с.

бедных – люди с доходами ниже установленного порога бедности; группа относительно бедных – люди, перешагнувшие порог бедности, но доходы которых не позволяют поддерживать распространённый уровень жизни; группа субъективно бедных – люди, независимо от величины своих доходов считают себя бедными⁹. В любом случае, в независимости от того, как мы определяем уровень бедности, существует группа домохозяйств, которые при любом подходе малоимущие.

Материалы и методы

С целью комплексного анализа и определения структуры бедности регионального социума в 2021 году сотрудниками ГКУ РМ «Научного центра социально-экономического мониторинга» проведено социологическое исследование «Материальное положение населения Республики Мордовия». Исследование проведено по репрезентативной выборке для каждого муниципального образования Республики Мордовия, всего было опрошено 8560 человек. В каждом районе и ГО Саранск выборка репрезентирует население по трём признакам: пол, возраст, место жительства (райцентр и другие населённые пункты). Так как плотность населения в муниципальных образованиях различна, для презентации данных по республике, из всего массива данных были отобраны 1000 анкет. Признаками отбора выступили: пол, возраст и место жительства (город, село). Доля опрошенных по отобранным квотам соответствует статистическим данным.

В целях определения структуры бедности регионального социума применён комплексный подход, заключающийся в использовании объективного и субъективного методов измерения.

Объективный подход основан на официальной методике определения бедности¹⁰ и предусматривал определение положения семьи или одиноко проживающего гражданина через соотношение среднедушевого дохода семьи, указанного респондентом, и величины прожиточного минимума. Использование величины прожиточного минимума обусловлено несколькими фактами: 1) на момент проведения исследования параметр «граница бедности» определена не была, 2) для определения мер социальной поддержки в связи с малоимущим положением используется вели-

чина прожиточного минимума; 3) величина прожиточного минимума (9716 руб.¹¹) в Республике Мордовия практически соответствует денежной границе бедности (9797 руб.¹²), установленной в 2021 году.

Согласно указанной методике для ранжирования бедных целесообразно применять коэффициент сигма бедности (σ): соотношение среднедушевого дохода (СД) к прожиточному минимуму (ПМ): $\sigma = \text{СД}/\text{ПМ}$. К бедным относятся семьи или одиноко проживающие граждане, если $\sigma \leq 1$. При условии $1 < \sigma \leq 2$, семья или одиноко проживающий гражданин признается не бедной (бедным), но находящейся в зоне риска. Если $\sigma > 2$, семья или одиноко проживающий гражданин не признается бедной. Группа бедных делится на «очень бедные» ($0 \leq \sigma \leq 0,5$), «бедные» ($0,5 < \sigma \leq 0,8$), «умеренно бедные» (от $0,8 < \sigma \leq 1,0$).

Субъективный подход основывался на самооценке собственного материального положения и отнесения своей семьи к одной из следующих групп: высокообеспеченные, среднеобеспеченные, малоимущие. Анализу подлежали исследуемый (2021 год), предыдущий (2020 год) годы (для определения объективного и субъективного положения) и пятилетняя ретроспектива (для определения субъективного положения). В результате были определены следующие состояния семьи или одиноко проживающего гражданина и виды бедности:

Объективная (монетарная) бедность — бедность по доходам, когда среднедушевой доход семьи респондента был ниже величины прожиточного минимума в определённый период времени.

Объективная постоянная бедность — бедность по доходам, когда среднедушевой доход семьи респондента был ниже величины прожиточного минимума в течение двух лет (в 2021 и 2020 годах).

Субъективная бедность — бедность, основанная на субъективной оценке материального статуса семьи, когда респондент относил свою семью к малоимущей в определённый период времени.

Субъективная постоянная бедность — бедность, основанная на субъективной оценке материального статуса семьи: семья малоимущая в исследуемый и предыдущий годы.

Субъективная хроническая бедность — бедность, основанная на субъективной оценке материального статуса семьи: семья малоимущая в течение пятилетнего периода.

⁹ Курьшова Л.Н. Стиль потребления бедных в современном российском обществе: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева». Саранск. 2009. С. 163.

¹⁰ Протокол заседания рабочей группы по контролю за реализацией пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза // Протокол заседания [сайт]. URL: <https://mt04.ru/upload/iblock/6cf/6cf2bc31f2dc6ea7b6b98ff4e85fa0be.pdf> (дата обращения: 04.05. 2023).

¹¹ На основании Постановления Правительства Республики Мордовия от 29 января 2021 г. № 25 «Об установлении величины прожиточного минимума в Республике Мордовия на 2021 год» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1300202102010006>. (дата обращения: 26. 04. 2023)

¹² Граница бедности. 2021. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-9_gb.docx (дата обращения: 04.05. 2023).

Застойная бедность на основе комплексного подхода (сочетание объективного и субъективно-го) – бедность, предполагающая ситуацию одновременного пребывания в состоянии объективной постоянной и субъективной постоянной бедности (объективно и субъективно бедные в течение длительного периода).

Нестабильное материальное положение (мы называем это периодическая или ситуационная бедность) – семья хотя бы один раз была бедной или малоимущей за анализируемый период. Семья была отнесена к бедной по объективному или субъективному критерию хотя бы один раз за пятилетний период.

Благополучное материальное положение – семья не относилась к бедным ни по объективному, ни по субъективному критерию в течение пятилетнего периода.

Авторы статьи акцентируют внимание, что проведённое исследование уровня бедности социума репрезентативны для Мордовии и не могут распространяться на все население России.

Результаты исследования

В соответствии с официальной статистикой величина прожиточного минимума в Республике Мордовия на 2021 год в среднем на душу населения составила 9 716 руб., для трудоспособного населения – 10 442 руб., пенсионеров – 9 020 руб., детей – 10 149 руб.¹³ Граница бедности в 2021 году была установлена на уровне 9797 руб. Согласно статистическим данным численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в Мордовии составила 17,9%¹⁴, а уровень бедности составил 16,5%¹⁵.

Объективная (монетарная) бедность

По результатам опроса уровень объективной (монетарной) бедности в Мордовии в 2021 и 2020 годах составил 13% (рисунок 1). Доля же россиян, живущих за чертой бедности, составляла четверть населения страны [25, с. 83]. Половина населения региона находится в группе риска, члены которой при неблагоприятных условиях могут пополнить группу бедных.

¹³ На основании Постановления Правительства Республики Мордовия от 29 января 2021 г. № 25 «Об установлении величины прожиточного минимума в Республике Мордовия на 2021 год» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1300202102010006>. (дата обращения: 26. 04. 2023).

¹⁴ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 04. 05. 2023).

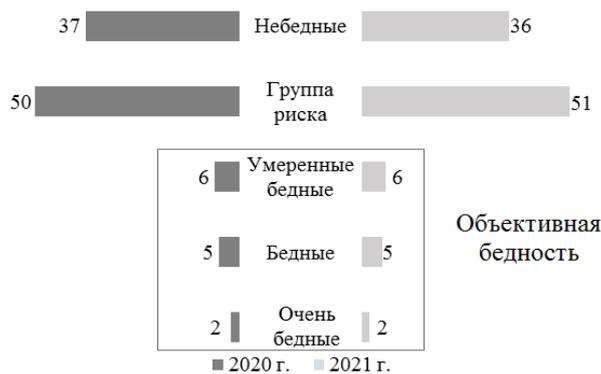
¹⁵ Уровень бедности в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urow_52.xlsx (дата обращения: 04. 05. 2023).

Согласно полученным данным, 12% опрошенного населения находились в состоянии объективной постоянной бедности, 3% респондентов – в экономически нестабильном положении (периодическая, ситуационная бедность) и 85% – в относительном благополучии (рисунок 2.). Таким образом уровень объективной бедности в республике не меняется. Ситуация за год не улучшилась и не ухудшилась, что можно считать относительно положительным показателем. В исследовании 2020 года в Мордовии констатировалась стабилизация материального положения людей [28, с. 9].

Безусловно, преодоление абсолютной бедности в первую очередь видится в повышении доходов населения, так экономисты предлагают введение УБДБ (условный базовый доход бедных), представляющий собой дифференцированную денежную дополнительную социальную выплату, позволяющую устанавливать малоимущим домохозяйствам гарантированный минимальный душевой доход, равный региональному прожиточному минимуму [29 с. 211].

Субъективная бедность

Субъективная оценка материального положения населения выявлялась на основе отнесения опрошенными себя к определённому слою: высокообеспеченный, среднеобеспеченный и малоимущий. Экономическое положение жителей региона по субъективным оценкам неоднозначно (рисунок 3). По данным опроса, уровень жизни населения Мордовии за пять лет снизился: 40% респондентов назвали свои семьи малоимущими в марте 2021 года, 38% указали, что их семьи были малоимущими год назад, 34% – пять лет назад. Такая ситуация объясняется тем, что денежные доходы населения, даже если и растут в монетарном выражении, могут сокращаться в их реальном содержании из-за роста цен. В результате субъективное восприятие материального положения может иметь отрицательную динамику и весьма отличаться от объективных показателей доходов. Весьма показательным для описания такой ситуации является субъективная оценка покупательной способности. В частности, как показало исследование, к категории совсем необеспеченных (семьи живут в долг, денег не хватает на продукты питания) относятся около 6% населения. Треть населения является малообеспеченной или бедной (денежные доходы обеспечивают лишь питание). При этом заметен тренд в сторону низкой обеспеченности: растёт доля малообеспеченных граждан с одновременным уменьшением группы обеспеченных [30].

Рисунок 1. Распределение населения по соотношению среднедушевого денежного дохода и величины прожиточного минимума, %

Figure 1. Distribution of the Population Depending on the Per Capita Monetary Income and the Subsistence Minimum, %

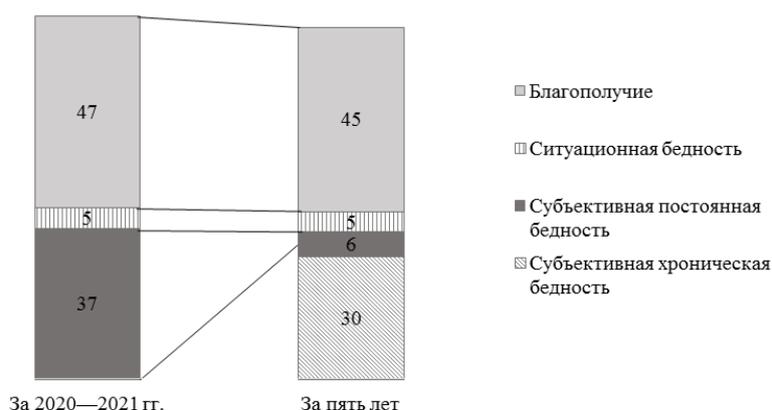
Источник: данные авторского исследования.

Рисунок 2. Изменение материального положения респондентов за год в зависимости от уровня дохода, %

Figure 2. Changes in the Financial Situation of Respondents Over the Year, Depending on the Level of Income, %

Источник: данные авторского исследования.

Рисунок 3. Изменение материального положения респондентов за год и пять лет в зависимости от субъективных оценок материального положения, %

Figure 3. The Change in the Financial Situation of Respondents for a Year and Five Years, Depending on Subjective Assessments of the Financial Situation, %

Источник: данные авторского исследования.

При анализе пятилетнего периода к благополучным можно отнести 45% семей. Около 5% составила периодическая или ситуационная бедность (один раз в обозначенные три отрезка времени семья была малоимущей). К постоянно бедным семьям можно отнести около 6% (дважды признали себя малоимущими). Почти треть (30%) населения, согласно оценкам респондентов материального статуса своих семей, находится в состоянии субъективной хронической бедности (в настоящее время, год и пять лет назад оценивает свои семьи как малоимущие).

Как видно из рисунков 2 и 3 доля населения, субъективно воспринимающих себя бедными, и часть жителей, являющиеся бедными по доходам, не совпадает. Меньше трети жителей считают себя бедными, в то время как монетарно бедными является 12%. Субъективное восприятие себя бедными оказалось практически не связано с их материальным положением [25, с. 91].

Застойная бедность

Застойная бедность региона выявлялась при соотношении групп абсолютной и относительной бедности. Согласно комплексному подходу в застойной бедности находятся семьи, которые на протяжении двух лет имели среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума и по субъективной оценке были малоимущими на протяжении пяти лет. Такие же требования предъявлялись к категории не бедных.

В Республике Мордовия в состоянии застойной бедности находятся 7% семей, в благополучии (семья никогда не была в бедности) – половина

домохозяйств региона – 51%. Треть семей (33%) входят в группу с нестабильным экономическим положением, за изучаемый период они как минимум раз были бедными и ощущали себя таковыми (рисунок 4). Практически каждая десятая семья (9%) находится в зоне риска застойной бедности: по доходам относится к объективно бедным, но не ощущают себя малоимущими. Что, возможно, связано с нежеланием признавать себя малоимущим, или оптимистической точкой зрения на жизненные обстоятельства. Однако данная категория в ближайшее время может пополнить группу застойных бедных. Субъективное восприятие бедности становится основным фактором, оказывающим комплексное психологическое воздействие на оценку людьми самых разных аспектов жизни: своего повседневного эмоционального состояния, отношения к деятельности органов власти, к общему положению дел в стране, к своему будущему и будущему своих детей [31, с. 17]. В этом и заключается главная угроза бедности.

В группе бедных больше всего семей с детьми (61%) и семей с неработающим взрослым (61%). На материальное положение малоимущей семьи влияет не только уровень дохода, но и высокая иждивенческая нагрузка. Семьи с детьми – самая массовая и наиболее уязвимая категория бедных в России [32, с. 186]. Поэтому улучшение материального положения малоимущих семей в первую очередь видится в трудоустройстве неработающих взрослых. Следует отметить, что субъективная оценка материального положения семьи с детьми выше оценки их материального положения по объективным показателям дохода [27].

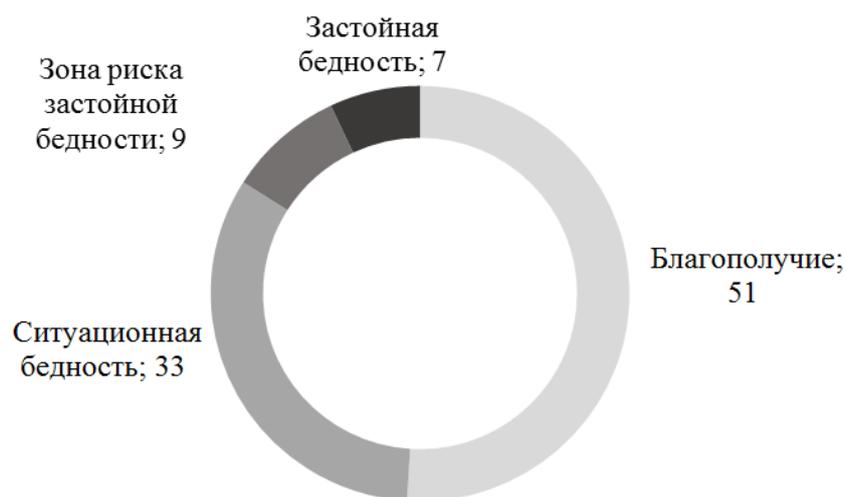

Рисунок 4. Комплексная оценка материального положения населения Республики Мордовия

Figure 4. Comprehensive Assessment of the Financial Situation of the Population

Источник: данные авторского исследования.

Заключение

Согласно результатам социологического исследования уровень бедности в Республике Мордовия относительно невысок: в 2020 году и в 2021 году – 13%. Таким образом, примерно каждая 7–8 семья республики проживает за чертой бедности. При этом 12% семей сохраняют своё неблагоприятное финансовое положение в течение, как минимум, двух лет.

Снижение числа абсолютно бедных возможно за счёт материальной поддержки малоимущих, надления их определёнными льготами и субсидиями на потребление социальных благ, создания «социальных магазинов» с низкими ценами на социально-значимые товары, реализации практики «социального контракта» и т.п. Всё это уже реализуется в той или иной степени и позволяет сохранять официальную бедность на относительно невысоком уровне.

Снижение доли бедных является целью выполнения задач Региональной программы снижения уровня бедности: повышение уровня доходов граждан и превышение темпов роста доходов граждан, в т.ч. средней заработной платы, над темпом роста инфляции; развитие системы социальной помощи нуждающимся гражданам; развитие системы социального контракта; организация социальной адаптации малоимущих граждан¹⁶. Именно особенности региональной системы социальной поддержки и степень её адресности значимым образом влияют на уровень бедности в регионе [33, с.7].

Негативным фактом является то, что половина семей, перешагнув порог официальной бедности, находится в группе риска. Их среднедушевой доход выше границы бедности, но составляет не более двух величин прожиточного минимума. Такие семьи находятся в депривированном состоянии, когда они лишаются мер социальной поддержки как малоимущие, но при этом финансово ограничены в доступе к различным социальным благам. Это сказывается на социальном восприятии собственного положения: уровень субъективной бедности практически в 3 раза превышает масштабы монетарной бедности: около 40% респондентов относят свои семьи к малоимущим.

Треть семей (30%) являются хронически бедными – в течение пяти лет были малоимущими по субъективному восприятию.

Уровень застойной бедности составляет 7%, именно такая доля семей в регионе в 2020–2021 годах, как минимум, находилась за чертой бедности и считает, что малоимущими они являются на протяжении пяти лет. Очевидно, что данная категория семей нуждается в особой поддержке, которая во многом должна быть адресной. 40% домохозяйств находятся в нестабильном экономическом положении: в анализируемый период были за чертой бедности по доходам или малоимущими по субъективной оценке.

В связи с тем, что основная часть населения занимает неустойчивое положение и находится в депривированном состоянии, сложившаяся социально-экономическая структура регионального социума является рискогенной. Независимо от объективного или субъективного подхода, при негативных финансовых изменениях (падении уровня доходов и заработной платы, росте цен), потере работы и росте иждивенческой нагрузки (связанной и с позитивными переменами — рождением детей) практически каждая вторая семья региона находится в зоне риска и может пополнить когорту бедных. Не случайно, по результатам исследования, в группе бедных много семей с детьми и домохозяйств, в которых есть неработающие граждане. Данные социальные категории вызывают наибольшее беспокойство несмотря на то, что «действующая система социальных выплат и способствует сокращению глубины бедности семей с детьми и уменьшению её масштабов» [34 с. 91], объёмы государственной поддержки не должны сокращаться.

Авторы статьи акцентируют внимание, что полученные данные в ходе исследования уровня бедности социума репрезентативны для Мордовии и не могут распространяться на все население России. Однако предлагаемый комплексный подход может использоваться для изучения структуры бедности как в других регионах, так и страны в целом.

¹⁶ Постановление Правительства Республики Мордовия от 14 сентября 2020 года N 535 Об утверждении Региональной программы снижения уровня бедности (с изменениями на 5 мая 2023 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570916953> (дата обращения: 26. 04. 2023).

Список литературы

1. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова., С.В. Мареева., В.А. Аникин [и др.] ; под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. ISBN 978-5-7777-0873-1; DOI <https://doi.org/10.55604/9785777708731>; EDN XJGBFE
2. *Лещенко Я.А.* Качество жизни населения Байкальского региона // Экология человека. 2019. № 7. С. 33–41. DOI <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-33-41>; EDN KYASOW
3. От прекарной занятости к прекарнизации жизни: колл. монография / Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова [и др.] ; под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1; DOI <https://doi.org/10.55604/978577770886119>; EDN VOKUSY
4. *Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д.* Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 31(1). С. 113–137. DOI <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>; EDN SXNSOS
5. *Фролова Е.А., Маланина В.В., Касати Ф., Шавлохова А.А.* Региональный аспект бедности пожилых людей в России // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4(39). С. 138–147. DOI [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1046](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1046); EDN HFVMSJ
6. *Большунов А.А., Тюриков А.Г.* Социология бедности и социологическая оценка программы по снижению уровня бедности // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 12(2). С. 40–48. DOI <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48>; EDN VTPZXU
7. *Спенсер Г.* Социальная статика. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 424 с. ISBN 978-5-534-12193-3; EDN XBLTNP
8. *Гиддингс Ф. Г.* Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. Москва: Издательство Кранд, 2015. 434 с. ISBN 978-5-396-00666-9
9. *Прудон П.* Бедность как экономический принцип // Муниципальная экономика. 2006. № 2. С. 2–6.
10. *Реклю Э.* Богатство и нищета. № 16. Издательство Стереотип, 2019. 78 с. ISBN 978-5-397-06555-9
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал : в 30 т. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. 682 с.
12. *Вебер М.* Капитал. Протестантская этика и дух капитализма. Издательство АСТ, 2020. 320 с. ISBN 978-5-17-122819-4
13. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Издательство Канон, 1996. 432 с. ISBN 5-88373-036-1
14. *Томпсон, Джейн Л.* Социология. Инициатива. М.: АСТ, 1998. 491 с. ISBN 5-237-00290-0
15. *Mack G., Lansley S.* Poor Britain. London: George Allen & Unwin, 1985. P.324. ISBN 0-04-336082-3 ISBN 0-04-336083-1 Pbk
16. *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Univ. Of California, 1979. p. 1216.
17. *Nolan B.* A Comparative Perspective on the Development of Poverty and Exclusion in European Societies // International Policy Analysis. 2007. URL: <http://library.fes.de/pdffiles/id/05016.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
18. *Guio A.C.* Income poverty and social exclusion in the EU25 // Statistics in focus: population and social conditions. 2005. № 13. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-NK-05-013/EN/KS-NK-05-013-EN.PDF (дата обращения: 20.05.2023).
19. *Айвазян С.А., Колесников С.О.* Уровень бедности и дифференциация населения по расходам. М.: РПЭИ, 2001. 74 с.
20. *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.* Бедность в современной России: измерение и анализ // Экономическая наука в современной России. 2005. № 1. С. 93–106. EDN KVKITL
21. *Овчарова Л.Н.* Бедность и экономический рост в России // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 11–12. С. 47–60. EDN MBWGDZ
22. *Можина М.А.* Методические вопросы определения прожиточного минимума // Экономист. 1993. № 2. С. 87–95.
23. *Слободенюк Е.Д.* Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016 г. № 3-4(123). С. 82–92. DOI <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>; EDN YKKCTZ
24. *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 33–43. EDN OWVWWX
25. *Хахулина Л., Тучек М.* Имущественное расслоение в переходный период // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 3. С. 19–23. EDN HUCVEZ
26. *Сидорова Н.П.* Бедность населения как социальная реальность современного общества: основные подходы к оценке // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 2(83). С. 53–58. DOI <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-83-2-53-58>; EDN XTGQKT
27. *Варызгина А.А.* Стратегии преодоления бедности семьями с детьми // Народонаселение. 2016. № 2(72). С. 99–107. EDN WCFQCH
28. Качество жизни в Республике Мордовия. Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга / Л.Н. Курышова, А.И. Ефимова, О.С. Калачина, Т.И. Кирдяшкина Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». Том 3(7). Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2020. 33 с. ISBN 978-5-7103-4101-8; EDN OFLWNP // URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/Documents/Publications/978-5-7103-4101-8.pdf> (дата обращения: 11.05.2023)
29. Моделирование сценариев преодоления абсолютной монетарной бедности в России на основе концепции безусловного базового дохода / В.Н. Бобков, В.И. Антипов, И.Б. Колмаков, Е.А. Черных // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 2. С. 204–215. DOI <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.2.4>; EDN ZVURAL
30. *Курышова Л.Н.* Ретроспективный анализ проблемы социально-экономического расслоения региональной социума // Российское общество в региональном измерении: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Сухарева, Саранск, 08–09 октября 2021 года. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2022. С. 104–108. EDN MMYVLQ

31. Ильин В.А., Морев М.В. Бедность в стране – "угроза для стабильного развития и демографического будущего" // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 9-33. DOI <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.1>; EDN FUSXUF
32. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.] ; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WOQAYF
33. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 3. С. 368–377. DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.8>; EDN ZPRAQA
34. Разумов А.А., Селиванова О.В. Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 83–93. DOI <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-83-93>; EDN LAOWFK

Информация об авторах:

Любовь Николаевна Курышова – кандидат социологических наук; директор ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, Россия (e-mail: kuryshovaln@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 509635) (ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>)

Оксана Николаевна Курмышкина – старший научный сотрудник отдела–социопарка «Регионология» ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск, Россия (e-mail: mad-oksana@yandex.ru) (РИНЦ Author ID: 1010448) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>)

Заявленный вклад авторов:

Курышова Л.Н. – научное руководство; концепция исследования; постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ публикаций по теме исследования, анализ результатов исследования, сформулированные выводы исследования.

Курмышкина О.Н. – анализ данных, анализ результатов исследования, анализ публикаций по теме исследования, сформулированные выводы исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку, – Оксана Николаевна Курмышкина.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 04.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

- Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Aniskin V.A. [et al.] Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia. Ed. by Tikhonova N.E. Moscow: Publishing House "The Whole World"; 2022. 424 p. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.55604/9785777708731> ISBN 978-5-7777-0873-1
- Leshchenko Ya.A. The Quality of Life of the Population of the Baikal Region. *Human Ecology = Ecologiya cheloveka*. 2019;7:33-41. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-7-33-41>
- From precarious employment to precarization of life: collective monograph. Edited by J.T. Toshchenko. Moscow: Publishing House "The Whole World", 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.55604/978577770886119>
- Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Poverty of Russian professionals: prevalence, causes, trends. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya = The world of Russia. Sociology. Ethnology*. 2022;31(1):113-137. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>
- Frolova E.A., Malanina V.V., Kasati F., Shavlokhova A.A. Regional aspect of poverty of elderly people in Russia. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium = Vectors of well-being: economy and society*. 2020;39(4):138-147. (In Russ.) DOI [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1046](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1046)
- Bolshunov A.Ya., Tyurikov A.G. Sociology of poverty and sociological assessment of the poverty reduction program. *E`konomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*. 2019; 12(2):40-48. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-40-48>
- Spencer G. Social statics. Moscow: Publishing house Yurayt; 2023:424. (In Russ.) ISBN 978-5-534-12193-3
- Giddings F. G. Foundations of Sociology. Analysis of the phenomena of association and social organization. Moscow: Publishing house Krasand; 2015. 434 p. (In Russ.) ISBN 978-5-396-00666-9
- Proudhon P. Poverty as an economic principle. *Municipal'naya ekonomika = Municipal Economy*. 2006;(2):2-6. (In Russ.)
- Reclu E. Wealth and poverty. № 16. Moscow: Publishing house Stereotype; 2019. 78 p. (In Russ.) ISBN 978-5-397-06555-9
- Marx K., Engels F. Capital. Soch. Vol. 23. Moscow: Publishing house Politizdat; 1960. 682 p. (In Russ.)
- Weber M. Capital. Protestant ethics and the spirit of capitalism. Moscow: Publishing House AST; 2020. 320 p. (In Russ.) ISBN 978-5-17-122819-4
- Durkheim E. On the division of social labor. Publishing house Canon; 1996. 432 p. (In Russ.) ISBN 5-88373-036-1
- Thompson, Jane L. Sociology. Initiative. Moscow: Publishing house AST; 1998. 491 p. (In Russ.) ISBN 5-237-00290-0
- Mack G., lansley S. Poor Britain. London: Publishing house George Allen & Unwin; 1985. 324 p. ISBN 0-04-336082-3, ISBN 0-04-336083-1 Pbk
- Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Publishing house: Univ. Of California; 1979. 1216 p.
- Nolan B. A Comparative Perspective on the Development of Poverty and Exclusion in European Societies. *International Policy Analysis*. 2007. <http://library.fes.de/pdffiles/id/05016.pdf>. 192 (accessed 20/05/2023)

18. Guio A.C. Income poverty and social exclusion in the EU25. *Statistics in focus: population and social conditions*. 2005. №13. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-NK-05-013/EN/KS-NK-05-013-EN.PDF (accessed 20/05/2023)
19. Ayvazyan S.A., Kolesnikov S.O. The level of poverty and differentiation of the population by expenditure. Mjscow: Publishing house RPEI; 2001. 74 p. (In Russ.)
20. Bogomolova T.Yu., Tapilina V.S. Poverty in modern Russia: measurement and analysis. *Ekonomicheskaya nauka v sovremennoj Rossii = Economic science in modern Russia*. 2005;(1):93-106. (In Russ.)
21. Ovcharova L.N. Poverty and economic growth in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2008;(11-12):47-60. (In Russ.)
22. Rimashevskaya N.M. Poverty and marginalization of the population. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2004;(3):33-43. (In Russ.)
23. Khakhulina L., Tucek M. Property stratification in the transition period. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: Monitoring obshchestvennogo mneniya = Economic and social changes: Monitoring public opinion*. 1996;(3):19-23. (In Russ.)
24. Mzhina M.A. Methodological issues of determining the subsistence minimum. *Ekonomist = Economist*. 1993;(2):87-95. (In Russ.)
25. Slobodenyuk E.D. Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dan-nye. Analiz. Diskussii = Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2016;(3-4)(123):82-92. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>
26. Sidorova N.P. Poverty of the population as a social reality of modern society: basic approaches to assessment. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and management in the East of Russia*. 2018;(2)(83):53-58. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-83-2-53-58>
27. Varyzgina A.A. Strategies for overcoming poverty by families with children. *Narodonaselenie = Population*. 2016; (2)(72):99-107. (In Russ.)
28. Kuryshova L.N., Efimova A.I., Kalachina O.S., Kiryashkina T.I. Quality of life in the Republic of Mordovia. Bulletin of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring. State State Institution of the Republic of Mordovia "Scientific Center for Socio-Economic Monitoring". Vol. 3(7). Saransk: N.P. Ogarev National Research Mordovian State University; 2020. 33 p. // URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/Documents/Publications/978-5-7103-4101-8.pdf> (accessed: 05/11/2023) (In Russ.) ISBN 978-5-7103-4101-8
29. Bobkov V.N., Antipov V.I., Kolmakov I.B., Chernykh E.A. Modeling scenarios for overcoming absolute monetary poverty in Russia based on the concept of unconditional basic income. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2021;17(2):204-215. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.4>
30. Kuryshova L.N. Retrospective analysis of the problem of socio-economic stratification of regional society. *Rossijskoe obshchestvo v regional'nom izmerenii = Russian society in the regional dimension*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.I. Sukharev, Saransk, October 08-09, 2021. Saransk: N.P. Ogarev National Research Mordovian State University, 2022:104-108. (In Russ.)
31. Ilyin V.A., Morev M.V. Poverty in the country – "a threat to stable development and demographic future". *E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022;15(1):9-33. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.1>
32. Bobkov V.N., Bobkova T.E. et al. The level and quality of life of the Russian population: from reality to designing the future. Edited by V.N. Bobkov (ed.), N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva. Moscow: FNISTC RAS, 2022:274. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
33. Grishina E.E., Tsatsura E.A. The impact of the social support system on the level of poverty in the regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2022;18(3):368-377. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.8>
34. Razumov A.A., Selivanova O.V. Influence of child allowances and compensation payments on poverty reduction in the regions. *Social'no-trudovy'e issledovaniya = Social and labor research*. 2023;1(50):83-93. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-83-93>

Information about the authors:

Lyubov N. Kuryshova – PhD in Sociology; Director of the Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia; Associate Professor of the Department of General History, Political Science and Regional Studies of the National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

(e-mail: kuryshovaln@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 509635) (ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>)

Oksana N. Kurмышкина – Researcher Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

(e-mail: mad-oksana@yandex.ru) (РИНЦ Author ID: 1010448) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>)

Authors' declared contribution

Kuryshova L.N. – scientific management; research concept; statement of the problem, development of the concept of the article, analysis of publications on the topic of the study, analysis of the results of the study, formulation of the conclusions of the study.

Kurмышкина O.N. – analysis of data, analysis of the results of the study, analysis of publications on the topic of the study, formulation of the conclusions of the study.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Oksana Nikolaevna Kurмышкина.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 04.07.2023; accepted for publication 15.08.2023.

Оригинальная статья

УДК 316.344.27

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_10_432_443

EDN: VHVUHZ

Качество занятости людей с инвалидностью и её влияние на их качество жизни

Вадим Игоревич Рязанцев

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(vir220497@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

Аннотация

В статье анализируется качество занятости работающих людей с инвалидностью и их качество жизни. Цель исследования – сравнение качества занятости и качества жизни работающих инвалидов и работающих людей без инвалидности. Качество занятости и качество жизни анализируется автором, в первую очередь, с точки зрения субъективных показателей. Гипотеза исследования – субъективные характеристики качества занятости у работающих людей с инвалидностью выше, чем у работающих людей без инвалидности. Качество жизни понимается автором как субъективное восприятие человеком своего положения в социальной структуре общества. Качество занятости рассматривается через такие характеристики, как соответствие рабочего места потребностям работника и удовлетворённость работника различными аспектами работы. Для анализа качества жизни были использованы такие показатели, как изменение материального положения, субъективная оценка по шкале бедности/богатства, субъективная оценка уважения/неуважения, субъективная оценка наличия/отсутствия прав, удовлетворённость жизнью в целом, обеспокоенность тем, что человек не сможет обеспечить себя самым необходимым, удовлетворённость материальным положением. Качество занятости рассмотрено через условия труда, и удовлетворённость различными аспектами работы. Условия труда рассмотрены через тяжесть работы, наличие стрессовых ситуаций на рабочем месте, наличие вредных для здоровья факторов на рабочем месте, безопасность рабочего места, несчастные случаи на работе, а удовлетворённость трудом анализируется через удовлетворённость заработной платой, надёжностью работы, обязанностями, которые человек выполняет на рабочем месте, условиями труда, расстоянием до работы, профессиональную удовлетворённость и моральную удовлетворённость. В результате проведённого исследования гипотеза частично подтвердилась, было выявлено, что качество занятости выше у инвалидов, относящихся к первой и второй группе, чем у работающих людей, у инвалидов третьей группы субъективные характеристики качества занятости примерно такие же, а иногда даже хуже, чем у работающих людей без инвалидности.

Ключевые слова: качество занятости, качество жизни, люди с инвалидностью, труд, занятость, условия труда, удовлетворённость трудом

Для цитирования: Рязанцев В.И. Качество занятости людей с инвалидностью и её влияние на их качество жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 432–443. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_10_432_443; EDN VHVUHZ

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_10_432_443

EDN: VHVUHZ

The Quality of Employment of People with Disabilities and its Impact on Their Quality of Life

Vadim I. Ryazantsev

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(vir220497@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

Abstract

The article analyzes the quality of employment of working people with disabilities and their quality of life. The purpose of the study is to compare the quality of employment and the quality of life of working people with disabilities and working people without disabilities. The quality of employment and quality of life is analyzed by the author, first of all, in terms of subjective indicators. The hypothesis of the study is that the subjective characteristics of the quality of employment of working people with disabilities are higher than those of working people without disabilities. The quality of life is understood by the author as a person's subjective perception of his position in the social structure of society. The quality of employment is considered through such characteristics as the suitability of the workplace to the needs of the employee and the satisfaction of the employee with various aspects of the job. To analyze the quality of life, we used such indicators as a change in financial situation, a subjective assessment on a scale of poverty / wealth, a subjective assessment of respect / disrespect, a subjective assessment of the presence / absence of rights, satisfaction with life in general, concern that a person will not be able to provide for himself necessary, satisfaction with the financial situation. The quality of employment is analyzed through working conditions, and satisfaction with various aspects of work. Working conditions are considered through the severity of work, the presence of stressful situations in the workplace, the presence of factors harmful to health in the workplace, workplace safety, accidents at work. Job satisfaction is analyzed through satisfaction with wages, satisfaction with job reliability, satisfaction with duties that a person performs at work, satisfaction with workplace, satisfaction with working conditions, distance to work, professional satisfaction and moral satisfaction. As a result of the study, the hypothesis was partially confirmed, it was found that the quality of employment is higher for people with disabilities belonging to the first and second groups than for working people, for people with disabilities of the third group, the subjective characteristics of the quality of employment are approximately the same, and sometimes even worse, than for working people. people without disabilities.

Keywords: quality of employment, quality of life, people with disabilities, work, employment, work conditions, job satisfaction

For citation: Ryazantsev V. I. The Quality of Employment of People with Disabilities and its Impact on Their Quality of Life. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):432–443. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_10_432_443

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что сейчас люди с инвалидностью выступают в качестве одного из резервов рабочей силы в России. При этом, многие не заняты, по данным Росстата¹ только 10% из них работают, уровень безработицы людей с инвалидностью составляет 13,7%, что связано с барьерами занятости, а также качеством занятости людей с инвалидностью.

В результате анализа литературы нами были выделены следующие области исследований, посвященных труду и занятости инвалидов – исследования, анализирующие барьеры трудоустройства инвалидов; исследования, связывающие качество занятости инвалидов с их уровнем и качеством жизни.

В работе [1] авторы выделили следующие барьеры, мешающие инвалидам найти работу – низкий уровень образования, сложность перемещений по городу для маломобильных инвалидов, отсутствие специальных условий труда, ограничения, накладываемые состоянием здоровья, отсутствие специально оборудованных рабочих мест.

Автор Е.О. Смолева [2] рассматривает также барьеры трудоустройства, выделяя внешние барьеры и внутренние. К внешним она относит отсутствие подходящих вакансий; негативное отношение со стороны работодателей; несправедливость, социальное неравенство; одиночество и отсутствие поддержки. К внутренним – личностными качествами и установками: неразвитость профессиональных навыков; лень, неприспособленность к жизни; неумение использовать предоставляемые возможности; неспособность к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов; экстернальность; конформизм; нежелание менять привычный образ жизни; устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу. Основные барьеры трудоустройства для людей с инвалидностью, по мнению исследователя – это устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу (69%), одиночество и отсутствие поддержки (60%), подкрепляемые внешними обстоятельствами – негативным отношением со стороны работодателей (56%), отсутствием подходящих вакансий (55%). Также более половины инвалидов (55%) отмечают неспособность к отстаиванию своих прав и интересов [2, с. 360].

¹ Показатели занятости и безработицы лиц, имеющих инвалидность. Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 29.06.2023).

Ольхина Е.А., Медведева Е.Ю., Дмитриева Е.Е., Каштанова С.Н., Кудрявцев В.А. [3] выделяют следующие барьеры трудоустройства лиц с ОВЗ и инвалидностью – формальный подход к трудоустройству людей с инвалидностью, предполагающий формальное соблюдение законодательства, что приводит к отказам от работы людям с инвалидностью, неготовность работодателей заниматься организацией рабочего места для людей с инвалидностью, так как это приводит к дополнительным тратам, большие материальные затраты на работника с инвалидностью. Также большую роль играет характер нарушений, чем тяжелее физические нарушения, тем больше шансов у работника получить отказ в трудоустройстве. Также людей с инвалидностью, вне зависимости от их уровня образования, работодатели часто рассматривают в качестве неквалифицированной рабочей силы.

А.В. Демьянова и А.Л. Лукьянова [4] рассматривают как статус человека с инвалидностью влияет на их занятость. Авторы приходят к выводу, что статус инвалида влияет, в первую очередь, на вход в занятость, а не на качество занятости человека с инвалидностью.

В другой работе [5] этими же авторами был рассмотрен эффект дискриминации в сфере занятости людей с инвалидностью. По оценкам авторов, инвалиды чаще подвергаются практикам исключения при найме на работу. Также делается вывод о том, что современные механизмы социальной политики мало способствуют повышению занятости инвалидов, что авторы связывают с тем, что обязательства по адаптации рабочих мест, выполнению индивидуальной программы реабилитации, предоставлению более продолжительного отпуска и сокращенной рабочей недели инвалидам первой и второй групп снижали привлекательность инвалидов для работодателей. Для стимулирования трудоустройства инвалидов практически не использовались налоговые льготы, уменьшалось число предприятий инвалидов, что также способствовало снижению их занятости [5, с. 407].

К авторам, изучающим влияние качества занятости людей с инвалидностью на качество жизни относятся Бутурина В.И. [6], которая связала качество жизни с развитием человеческого потенциала, с занятостью. Ограничения в сфере труда автор связал с несовершенной законодательной базой, с наличием практик социального исключения людей с инвалидностью.

В статье [7] авторы выделяют следующие проблемы, которые влияют на качество жизни инвалидов и их домохозяйств – во-первых, людям с инвалидностью необходим уход, что приводит к рискам незанятости для членов домохозяйств или переработкам (по подсчетам авторов один из членов домохозяйства тратит до 20 часов в неделю для ухода за человеком с инвалидностью) [7, с. 28]. Во-вторых, одним из решающих факторов низкого уровня жизни людей с инвалидностью выступает наличие стигмы инвалидности в обществе.

Исследователи Хедли Д., Бари С.М., Спур Дж.Р. [8] анализируют связь удовлетворённости работой с качеством жизни и трудоустройством. Авторы пришли к выводу, что у работающих людей с расстройствами аутистического спектра удовлетворённость работой выше, чем у большинства [8, с. 17]. Однако, авторы не нашли статистически значимой связи между удовлетворённостью работой и качеством жизни [8, с.19], что может быть связано с малой выборкой в исследовании. Однако, такая связь возможна.

Итак, после обзора литературы мы можем сформулировать гипотезу исследования – субъективные характеристики качества занятости у работающих людей с инвалидностью выше, чем у работающих людей без инвалидности.

Объектом исследования выступает качество жизни людей с инвалидностью, предметом – качество занятости как элемент качества жизни.

Цель исследования – сравнительный анализ качества занятости людей с инвалидностью и людей без инвалидности как элемента качества жизни.

Теоретико-методологические основы исследования

Проблематику качества жизни затрагивали такие авторы, как В.Н. Бобков, который рассматривает качество жизни в связке с уровнем жизни. Первая понимается автором как деятельностная характеристика жизни людей [9, с. 12], которая включает в себя такие характеристики как качество общества, качество трудовой жизни, качество социальной инфраструктуры, безопасность жизнедеятельности населения, качество окружающей среды, уровень жизни населения и удовлетворённость людей уровнем и качеством жизни [9, с. 18]. Уровень жизни понимается как денежная и натуральная оценка потребления людей в соответствии с социальными стандартами потребления [9, с. 12]. В.Д. Роик рассматривает качество жизни через такие компоненты как благосостояние населения, возможности, связанные с качественной трудовой деятельностью и получением образования, уровень доходов семьи и со-

стоянием с социальным обеспечением, развитием культурной сферы и сферы услуг, удовлетворённость работой и материальным положением человека и его местом в социальной структуре, и интеграцией человека в соц. структуру общества [10, с. 27]. Аверин Ю.П. связывает качество жизни с изменениями ценностных ориентаций людей, опираясь при этом на теорию «ощущаемого качества жизни» [11]. Для него качество жизни – это субъективное состояние индивида, которое является результатом условий для удовлетворения его потребностей [11, с. 94], то есть при измерении качества жизни важны и субъективные оценки людей, восприятие своего положения в социальной структуре общества. Можно сказать, что качество жизни – это субъективное восприятие человеком своего положения в социальной структуре общества.

Качество занятости рассматривается авторами в контексте качества трудовой жизни (например, [10]). Качество занятости понимается В.Н. Бобковым как качественные характеристики отношений занятости, а качество трудовой жизни включают ещё и качественные характеристики рабочего места [10, с. 27]. Также, качество занятости/трудовой жизни некоторыми авторами анализируется через прекаризацию труда (например, [12]), однако, в нашем исследовании такой подход нет смысла использовать, так как у людей с инвалидностью, по мнению исследователей, концентрация признаков неустойчивой занятости низкая [13], основную проблему представляет именно барьеры трудоустройства. А так как целью нашего исследования является сравнительный анализ качества занятости людей с инвалидностью и людей без инвалидности, то такой подход нами использоваться не будет.

Концепции качества занятости были сформулированы и в рамках международных организаций, однако, тут мы не наблюдаем разделения на качество занятости и качество трудовой жизни. К основным подходам анализа качества занятости можно отнести подходы ООН [14], который рассматривает качество занятости с точки зрения социальных льгот, трудовых доходов, мотивации к труду и т.д. Европейский фонд улучшения условий жизни и труда рассматривает качество занятости с помощью индекса качества труда и индекса нематериальных характеристик труда [15]. Международная организация труда в характеристики качества занятости включает качественные показатели, также показатели прекаризации труда [16]. Организация экономического сотрудничества и развития характеризует качество труда с точки зрения качества заработка, безопасности на рынке труда и качества рабочей среды.

Качество занятости включает в себя не только объективные, но и субъективные характеристики, такие как удовлетворённость работника различными аспектами трудовой жизни (труд, заработная плата, отношение в рабочем коллективе и т.д.) и соответствие рабочего места потребностям работника (характер труда, условия для реализации трудового потенциала работника и т.д.) [17, с. 8].

Методические основы исследования

В исследовании мы будем опираться на данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ)² и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)³. Для обеспечения сопоставимости данных в базе данных КОУЖ были востребованы данные обследования, собранные в 2020 г., в базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ – в рамках 29 волны (2020 г.). Для реализации цели исследования в каждой из баз данных будут отобраны две группы – работающие инвалиды и работающие люди без инвалидности.

Данные КОУЖ будут использоваться для анализа качества занятости. Качество занятости будет рассмотрено через условия труда, и удовлетворённость различными аспектами работы. Условия труда будут рассмотрены через тяжесть работы, наличие стрессовых ситуаций на рабочем месте, наличие вредных для здоровья факторов на рабочем месте, безопасность рабочего места, несчастные случаи на работе.

Удовлетворённость трудом в исследовании будет включать удовлетворённость заработной платой, надёжностью работы, обязанностями, которые человек выполняет на рабочем месте, условиями труда, расстоянием до работы, профессиональную удовлетворённость и моральную удовлетворённость.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ будут применяться для анализа качества жизни. В качестве показателей, которые будут рассмотрены для анализа качества жизни, были выбраны следующие – изменение материального положения (за прошлые 12 месяцев и будущий год), субъективная оценка по шкале бедности/богатства, субъективная оценка уважения/неуважения, субъективная оценка наличия/отсутствия прав, удовлетворён-

ность жизнью в целом, беспокойство тем, что человек не сможет обеспечить себя самым необходимым, удовлетворённость материальным положением.

Кроме того, на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ будет проводиться сравнение материального положения работающих инвалидов и работающих людей без инвалидности, для чего будут применяться данные об общих доходах.

Результаты исследования

Говоря о различиях в качестве жизни, можно сказать, что инвалиды больше удовлетворены своим материальным положением и жизнью в целом, меньше обеспокоены тем, что в будущем они не смогут обеспечить себя самым необходимым, также менее склонны утверждать, что их материальное положение за прошлый год ухудшилось. Это связано с тем, что материальная поддержка от государства позволяет им стабилизировать свое материальное положение и быть менее зависимыми от заработной платы. Наличие нескольких источников дохода позволяет им считать свое материальное положение устойчивым (см. таблицу 1).

Говоря об условиях труда людей с инвалидностью и без инвалидности, мы можем утверждать, что у первых менее тяжёлая работа, чем у работающих людей без инвалидности (работа средней тяжести 15% против 19%), работа менее напряжённая (всё время нервное напряжение на работе испытывают 15% против 19%, иногда испытывают нервное напряжение на работе 43% против 52%, не испытывают нервное напряжение на работе 41% против 28%), остальные показатели отличаются незначительно (см. таблицу 2).

Говоря об удовлетворённости работой, стоит отметить, что она в целом выше у работающих людей, чем у работающих инвалидов. В частности, работающие люди без инвалидности больше удовлетворены заработной платой (44% против 37% удовлетворённых среди инвалидов), надёжностью работы (73% против 69% работающих людей с инвалидностью). Удовлетворённость режимом работы, условиями труда и моральной удовлетворённостью примерно одинаковая. При этом, у работающих инвалидов выше удовлетворённость расстоянием до работы (77% против 73% у работающих людей) (см. таблицу 3). Также у инвалидов ниже удовлетворённость заработной платой, что может быть связано с наличием ограничений, при которых они могут иметь только одно рабочее место. Также работодатели зачастую рассматривают инвалидов как неквалифицированную рабочую силу, о чём упоминалось ранее, следовательно, готовы платить им меньшую заработную плату [3].

² Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020 год. [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 05.06.2023).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 05.06.2023).

Сравнение качества жизни работающих людей с инвалидностью и без инвалидности

Table 1

Quality of Life of People with and without Disabilities

	Люди с инвалидностью (N=91)	Люди без инвалидности (N=4900)
Изменение материального положения (за прошлый год)		
Улучшилось	12%	12%
Осталось прежним	69%	58%
Ухудшилось	19%	30%
Изменение материального положения (будущий год)		
Улучшиться	19%	17%
Останется прежним	43%	48%
Ухудшиться	12%	13%
Затрудняюсь ответить	26%	24%
Распределение по шкале богатство/бедность		
Бедные	30%	31%
Средний слой	66%	62%
Богатые	3%	4%
Затрудняюсь ответить	1%	2%
Распределение по шкале наличие/отсутствие прав		
Бесправные	31%	29%
И да, и нет	57%	59%
Полностью соблюдаются права	9%	10%
Затрудняюсь ответить	3%	2%
Распределение по шкале уважение/неуважение		
Не уважают	3%	3%
И да, и нет	43%	44%
Уважают	50%	49%
Затрудняюсь ответить	4%	4%
Удовлетворённость жизнью в целом		
Удовлетворён	63%	56%
И да, и нет	22%	27%
Не удовлетворён	15%	17%
Боязнь того, что человек не сможет обеспечивать себя всем необходимым в течение будущего года		
Беспокоюсь	63%	68%
И да, и нет	14%	14%
Не беспокоюсь	21%	18%
Затрудняюсь ответить	2%	1%
Удовлетворённость материальным положением		
Удовлетворён	30%	21%
И да, и нет	25%	24%
Не удовлетворён	45%	55%
Затрудняюсь ответить	0%	0%

Источник: составлено автором на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (29 волна, 2020 г.).

Условия труда работающих людей с инвалидностью и без инвалидности

Таблица 2

Table 2

Work Conditions of People with and without Disabilities

	Люди с инвалидностью (N=705)	Люди без инвалидности (N=55844)
Физическая тяжесть работы		
Очень тяжёлая работа	3%	3%
Тяжёлая работа	15%	19%
Работа средней тяжести	59%	55%
Лёгкая работа	23%	23%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Нервное напряжение на работе		
Да, всё время	15%	19%
Да, иногда	43%	52%
Нет	41%	29%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Наличие вредных производственных факторов		
Да, всё время	15%	18%
Да, иногда	30%	29%
Нет	55%	53%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Наличие других вредных факторов		
Да, всё время	9%	11%
Да, иногда	33%	30%
Нет	57%	58%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Безопасность работы с точки зрения несчастных случаев		
Совершенно безопасна	26%	24%
Достаточно безопасна	37%	39%
Опасна в некоторой мере	33%	31%
Опасна	4%	6%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Наличие несчастных случаев на производстве		
Да	2%	1%
Нет	98%	99%

Источник: составлено автором на основе данных КОУЖ–2020.

Удовлетворённость работой работающих людей с инвалидностью и без инвалидности

Таблица 3

Table 3

Job Satisfaction of People with and without Disabilities

	Люди с инвалидностью (N=705)	Люди без инвалидности (N=55844)
Удовлетворённость заработной платой		
Удовлетворён	37%	44%
Не удовлетворён	63%	56%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Удовлетворённость надёжностью работы		
Удовлетворён	69%	73%
Не удовлетворён	31%	27%
Затрудняюсь ответить	0%	0%

Удовлетворённость выполняемыми обязательствами		
Удовлетворён	75%	77%
Не удовлетворён	25%	23%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Удовлетворённость режимом работы		
Удовлетворён	85%	83%
Не удовлетворён	15%	17%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Удовлетворённость условиями труда		
Удовлетворён	75%	76%
Не удовлетворён	25%	24%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Удовлетворённость расстоянием до работы		
Удовлетворён	76%	73%
Не удовлетворён	24%	27%
Затрудняюсь ответить	0%	0%
Профессиональная удовлетворённость		
Удовлетворён	64%	68%
Не удовлетворён	35%	30%
Затрудняюсь ответить	1%	2%
Моральная удовлетворённость		
Удовлетворён	73%	74%
Не удовлетворён	27%	25%
Затрудняюсь ответить	0%	1%

Источник: составлено автором на основе данных КОУЖ–2020.

Итак, можно сказать, что качество жизни у работающих людей с инвалидностью выше, чем в среднем, условия труда у людей с инвалидностью лучше, однако удовлетворённость работой, в основном, такая же, как и в выборке работающих людей без инвалидности.

Сравним качество занятости у людей с инвалидностью, принадлежащих к различным группам инвалидности. Лучшие условия труда у инвалидов первой группы, у них наименее тяжёлая работа (35% людей с инвалидностью первой группы отметили, что у них физически тяжёлая работа против 23% среди всех людей с инвалидностью), у них меньше нервного напряжения на рабочем месте (отсутствие нервного напряжения на рабочем месте отметили 47% инвалидов первой группы против 41% среди всех инвалидов), на работе почти отсутствуют вредные производственные факторы (отсутствие вредных производственных факторов на работе отметили 65% инвалидов первой группы против 55% среди общей выборки людей с инвалидностью), также их работа наиболее безопасна с точки зрения несчастных случаев на работе. Связаны такая высокая удовлетворённость условиями труда с тем, что для инвалидов, особенно для первой группы, работодатель обя-

зан создавать особые условия для работы (см. таблицу 4).

Инвалиды второй группы отмечают, что работа у них, в основном, средней тяжести (57% отметили этот пункт), нервное напряжение на работе испытывают столько же, сколько в среднем по выборке инвалидов, на их рабочем месте меньше вредных производственных факторов (отсутствие вредных производственных факторов отметили 62% работающих инвалидов второй группы против 55% работающих инвалидов в среднем), также их работа менее опасна (34% работающих инвалидов второй группы против 26% среди работающих инвалидов утверждали, что их работа безопасна). Итак, мы можем сделать вывод, что работающие инвалиды второй группы, в основном, имеют лучшие, чем среди всей выборки инвалидов, условия труда (см. таблицу 4).

Условия труда инвалидов третьей группы хуже, чем у тех, кто имеют первую и вторую группу, однако лучше, чем у работающих людей без инвалидности, близкие к средним значениям для работающих инвалидов. У работающих инвалидов третьей группы работа, в основном, легче, чем у работающих людей без инвалидности, также 40% из работающих людей с инвалидностью

третьей группы отметили, что их работа не связана с нервным напряжением, что соответствует среднему значению по выборке людей с инвалидностью. Говоря о наличии вредных производственных факторов на рабочем месте, 52% работающих инвалидов третьей группы отметили, что их работа не связана с вредными производственными факторами против 56% в среднем по выборке работающих инвалидов. Также их работа менее безопасна с точки зрения несчастных случаев (см. таблицу 4).

Итак, рассмотрев условия труда инвалидов, относящихся к различным группам инвалидности, мы можем сделать вывод, что наилучшие ус-

ловия труда у инвалидов первой группы, а худшие у инвалидов третьей группы. Однако, условия труда всё равно лучше, чем у работающих людей без инвалидности, что связано с необходимостью работодателей создавать особые условия труда для инвалидов.

Сравним удовлетворённость работой у людей с инвалидностью, относящимся к различным группам инвалидности. Инвалиды первой группы больше удовлетворены заработной платой, чем в среднем по выборке людей с инвалидностью, даже больше, чем работающие люди без инвалидности (53% работающих инвалидов первой группы удовлетворены заработной платой против

Таблица 4

Условия труда работающих людей с инвалидностью различных групп инвалидности

Table 4

Work Conditions of People with Disabilities of Various Groups of Disability

	Среднее по работающим людям с инвалидностью (N=705)	1 группа (N=17)	2 группа (N=211)	3 группа (N=477)
Физическая тяжесть работы				
Очень тяжёлая работа	3%	0%	2%	3%
Тяжёлая работа	15%	29%	15%	15%
Работа средней тяжести	59%	35%	57%	60%
Лёгкая работа	23%	35%	26%	22%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Нервное напряжение на работе				
Да, всё время	15%	6%	15%	16%
Да, иногда	43%	47%	42%	44%
Нет	41%	47%	43%	41%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Наличие вредных производственных факторов				
Да, всё время	15%	12%	12%	16%
Да, иногда	30%	23%	25%	32%
Нет	55%	65%	63%	52%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Наличие других вредных факторов				
Да, всё время	9%	0%	7%	11%
Да, иногда	34%	18%	31%	35%
Нет	57%	82%	62%	54%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Безопасность работы с точки зрения несчастных случаев				
Совершенно безопасна	26%	41%	34%	22%
Достаточно безопасна	37%	35%	32%	39%
Опасна в некоторой мере	33%	24%	29%	35%
Опасна	5%	0%	5%	4%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Наличие несчастных случаев на производстве				
Да	2%	0%	1%	2%
Нет	98%	100%	99%	98%

Источник: составлено автором на основе данных КОУЖ–2020.

37% среди общей выборки людей с инвалидностью и 44% среди работающих людей). Удовлетворённость надёжностью работы у них также высокая, 71% среди работающих инвалидов первой группы удовлетворены надёжностью работы, однако, у инвалидов второй группы она выше (74%). Удовлетворённость выполняемыми обязательствами у инвалидов первой группы также высока (82% среди работающих инвалидов первой группы отметили, что они удовлетворены выполняемыми обязательствами против 75% среди всех работающих инвалидов). Удовлетворённость режимом работы у работающих инвалидов первой группы ниже, чем в среднем (77% против 84% среди работающих инвалидов), что может быть связано с тяжёлыми нарушениями здоровья у инвалидов первой группы, которые не позволяют им много работать. Среди работающих инвалидов первой группы наблюдается также высокая удовлетворённость условиями труда, 94% инвалидов первой группы удовлетворены условиями своего труда против 75% в среднем по выборке работающих инвалидов, что указывает нам на то, что работодатели для таких людей создают специальные условия. Удовлетворённость расстоянием до работы также высока (94% утверждают, что удовлетворены расстоянием до работы против 77% среди всех работающих людей с инвалидностью), что говорит о том, что люди с инвалидностью первой группы стараются искать себе работу рядом с домом. Профессиональная удовлетворённость у инвалидов первой группы также выше, чем в среднем у работающих людей с инвалидностью (71% против 64% среди работающих людей с инвалидностью), а вот моральная удовлетворённость работой ниже, чем в среднем среди всех работающих людей с инвалидностью и ниже, чем у работающих людей с инвалидностью других групп (см. таблицу 5).

У работающих инвалидов второй группы удовлетворённость заработной платой выше, чем у инвалидов третьей группы, однако ниже, чем у работающих инвалидов первой группы. Удовлетворённость надёжностью работы выше всех у работающих людей с инвалидностью второй группы. Удовлетворённость выполняемыми обязательствами у них выше, чем в среднем среди работающих инвалидов и выше, чем у работающих инвалидов третьей группы, однако, ниже, чем у работающих инвалидов первой группы. Удовлетворённость режимом работы у работающих инвалидов второй группы выше, чем у инвалидов первой группы, такая же, как у работающих инвалидов третьей группы (85%), примерно такая же, как в среднем у работающих инвалидов. Удовлетворённость условиями труда у работающих людей с инвалидностью второй группы примерно такая же, как в среднем и ниже, чем у людей с ин-

валидностью первой группы. Удовлетворённость расстоянием до работы самая минимальная, даже ниже, чем в среднем у работающих инвалидов. Профессиональная удовлетворённость работой у работающих людей с инвалидностью второй группы выше, чем в среднем у работающих людей с инвалидностью, но ниже, чем у работающих инвалидов первой группы. Моральная удовлетворённость работой примерно такая же, как в среднем (см. таблицу 5).

Работающие люди с инвалидностью третьей группы меньше, чем работающие инвалиды первой и второй групп удовлетворены заработной платой, меньше удовлетворены надёжностью работы, выполняемыми обязательствами на работе, условиями труда, также у них меньше профессиональная удовлетворённость, чем у других групп. Больше, чем работающие инвалиды первой и второй группы, они удовлетворены режимом работы. Удовлетворённость расстоянием до работы у работающих людей с инвалидностью третьей группы выше, чем у людей с инвалидностью второй группы, но ниже, чем у инвалидов первой группы. Моральная удовлетворённость у людей с инвалидностью третьей группы примерно такая же, как и у других, и примерно равно среднему значению (см. таблицу 5).

Значительные отличия в качестве занятости обнаружены в зависимости от группы инвалидности почти по всем показателям. Было выявлено, что лучшие условия труда и наиболее высокая удовлетворённость работой у людей с инвалидностью первой группы, на втором месте – у инвалидов второй группы, на третьем месте по качеству занятости и удовлетворённости работой стоят инвалиды третьей группы. При этом, качество занятости инвалидов третьей группы почти не отличается от качества занятости работающих людей без инвалидности.

Сравним общий доход работающих людей с инвалидностью и без инвалидности. Для анализа распределения по доходным группам применялся подход В.Н. Бобкова [9]. Использовался показатель общего дохода, так как в структуре дохода людей с инвалидностью кроме заработной платы входит ещё и социальная помощь. Данный показатель сравнивался с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения. Говоря о распределении по группам дохода, можно сказать, что работающие люди с инвалидностью обеспечены лучше работающих людей, на что указывает большая доля среднеобеспеченных, чем в выборке работающих людей без инвалидности, и также меньшая доля низкообеспеченных и наименее обеспеченных, чем в выборке работающих людей (см. таблицу 6).

Удовлетворённость работой работающих людей с инвалидностью различных групп инвалидности

Таблица 5

Table 5

Job Satisfaction of People with Disabilities with Various Groups of Disability

	Среднее по работающим людям с инвалидностью (N=705)	1 группа (N=17)	2 группа (N=211)	3 группа (N=477)
Удовлетворённость заработной платой				
Удовлетворён	37%	53%	48%	32%
Не удовлетворён	63%	47%	52%	68%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Удовлетворённость надёжностью работы				
Удовлетворён	69%	71%	74%	67%
Не удовлетворён	31%	29%	26%	33%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Удовлетворённость выполняемыми обязательствами				
Удовлетворён	75%	82%	78%	73%
Не удовлетворён	25%	18%	22%	27%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Удовлетворённость режимом работы				
Удовлетворён	85%	77%	85%	85%
Не удовлетворён	15%	23%	15%	15%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Удовлетворённость условиями труда				
Удовлетворён	75%	94%	76%	74%
Не удовлетворён	25%	6%	24%	26%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Удовлетворённость расстоянием до работы				
Удовлетворён	77%	94%	71%	79%
Не удовлетворён	23%	6%	29%	21%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%
Профессиональная удовлетворённость				
Удовлетворён	64%	71%	66%	63%
Не удовлетворён	35%	29%	33%	36%
Затрудняюсь ответить	1%	0%	1%	1%
Моральная удовлетворённость				
Удовлетворён	73%	71%	72%	73%
Не удовлетворён	27%	29%	28%	27%
Затрудняюсь ответить	0%	0%	0%	0%

Источник: составлено автором на основе данных КОУЖ–2020.

Уровень денежных доходов работающих людей с инвалидностью и без инвалидности

Таблица 6

Table 6

The Level of Monetary Income of Working People with and without Disabilities

	Люди с инвалидностью (N=91)	Люди без инвалидности (N=4900)
Наименее обеспеченные (ниже 1 ПМтр)	0%	7%
Низкообеспеченные (1–2 ПМтр)	26%	31%
Обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,2 ПМтр)	36%	36%
Среднеобеспеченные (в том числе):		
Периферия (3,2–4,2 ПМтр)	20%	14%
Ядро (4,2–11 ПМтр)	18%	11%
Высокообеспеченные (11 ПМтр и более)	0%	1%

Источник: составлено автором на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (29 волна, 2020 г.).

Заключение

В результате проведённого исследования было обнаружено, что качество занятости людей с инвалидностью, особенно тех, кто относится к первой и второй группам инвалидности выше, чем у работающих людей без инвалидности, однако люди с инвалидностью третьей группы по качеству занятости приближаются к работающим людям без инвалидности. Это объясняется тем, что люди с инвалидностью первой и второй груп-

пы имеют больше привилегий на рабочем месте, чем инвалиды третьей группы. Также стоит отметить, что материальное положение работающих людей с инвалидностью лучше, чем материальное положение работающих людей без инвалидности. Наша гипотеза подтвердилась частично. Но, при этом надо отметить, что люди с инвалидностью имеют серьёзные барьеры для входа в занятость, а также они зачастую рассматриваются работодателем как неквалифицированная рабочая сила.

Список литературы

1. Неустроева А.Б., Гермогенова И.Ю. Проблемы трудоустройства и занятости инвалидов в Республике Саха (Якутия) // Социодинамика. 2018. № 1. С. 21–31. DOI <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.1.23047>; EDN QJGWAL
2. Смолева Е.О. Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 351–368. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>; EDN XZPHRW
3. Работодатели о трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью: мнения и факты / Е.А. Ольхина, Е.Ю. Медведева, Е.Е. Дмитриева, С.Н. Каштанова, В.А. Кудрявцев // Перспективы науки и образования. 2019. № 4(40). С. 377–392. DOI <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.29>; EDN JPRMDI
4. Демьянова А.В., Лукьянова А.Л. Влияние статуса инвалида на предложение труда в России // Прикладная эконометрика. 2016. № 4(44). С. 50–74. EDN XGSIYP
5. Демьянова А.В., Лукьянова А.Л. Низкий уровень занятости инвалидов – результат дискриминации? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Том 21. № 3. С. 385–411. EDN ZRRGUT
6. Бутрина В.И. Качество жизни инвалидов: анализ современной ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4(219). С. 129–137. DOI <https://doi.org/10.12737/7409>; EDN THJQVH
7. Желтова В., Слепова В.В. Повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями и членов их семей: поиск эффективного решения // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. № 5. Том 1. С. 26–32. EDN XOTRBJ
8. Хедли Д., Бари С.М., Спур Дж.Р. Взаимосвязь между качеством жизни и удовлетворённостью работой у людей с РАС // Аутизм и нарушения развития. 2020. Том 18. № 3. С. 12–21. DOI <https://doi.org/10.17759/autdd.2020180302>; EDN VUDHUI
9. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WOQAYF
10. Роик В.Д. Труд и качество трудовой жизни: практика и теория регулирования в западных странах и в России. М.: Проспект, 2017. 488 с. ISBN 978-5-392-25776-8
11. Аверин Ю.П. Изменение качества жизни российского населения как фактор преобразования ценностной структуры. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Том 27. № 1. С. 85–111. DOI <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-1-85-111>; EDN WJNGPT
12. Одинцова Е.В. Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 99–111. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111; EDN RAUMOI
13. Трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда: проблемы и пути решения / О.А. Александрова, М.С. Токсанбаева, А.В. Ярашева [и др.]; науч. ред. О.А. Александрова. М.: ООО "Вариант", 2018. 280 с. ISBN 978-5-00080-098-0; EDN YXWRZJ
14. Handbook on measuring quality of employment: a statistical framework. Prep. by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. – NY: Economic Commission for Europe; United Nations, 2015. 320 p.
15. Quality of employment conditions and employment relations in Europe. Eurofound. Dublin, 2013. 64 p.
16. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version. International Labour Office. Geneva: ILO, 2013. 257 p.
17. Леонидова Г.В., Ивановская А.Л. Объективно-субъективные оценки качества трудовой жизни (на материалах Вологодской области) // Журнал исследований по управлению. 2020. Том 6. № 1. С. 3–15. EDN KAHXUI

Информация об авторе:

Вадим Игоревич Рязанцев – младший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: vir220497@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 1182013) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Neustroeva A.B., Germogenova I.YU. Problems of placement and employment of disabled people in the Republic of Sakha (Yakutia). *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2018;(1):21-31. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.1.23047>
2. Smoleva E.O. Barriers to labor market inclusion viewed by socially vulnerable populations (evidence from Northwestern Federal District). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(4):351—368. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>
3. Olkhina E.A., Medvedeva E.Yu., Dmitrieva E.E., Kashtanova S.N., Kudryavtsev V.A. Employers on employment of persons with health impact assessment and disabilities: opinions and facts. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2018;40(4):377-392. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.29>
4. Dem'yanova A.V., Luk'yanova A.L. The impact of disability status on labor supply in Russia. *Prikladnaya ehkonometrika = Applied Econometrics*. 2016;44(4):50-74. (In Russ.)
5. Dem'yanova A.V., Luk'yanova A.L. How substantial is employment discrimination against the disabled in Russia? *Ehkonomicheskii zhurnal VSHEH = HSE Economic Journal*. 2017;21(3):385–411 (In Russ.)
6. Butrina V.I. Quality of life of invalids: analysis of present-day situation in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2014;219(4):129–137. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.12737/7409>
7. Zheltova V., Slepova V.V. Improving the quality of life of people with disabilities and their families: finding an effective solution. *Ehkonomika i upravleniye: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2018;5(1):26–32. (In Russ.)
8. Hedley D., Bury C.M., Spoor J.R. The Relationship Between Quality of Life and Job Satisfaction in Autistic Workers. *Autizm i narusheniya razvitiya = Autism and Developmental Disorders*. 2020;18(3):12—21. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.17759/autdd.2020180302>
9. V. N. Bobkov, T. E. Bobkova et al, ed. by V. N. Bobkov, N. V. Loktyukhina, E. F. Shamaeva. The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
10. Roik V.D. Labor and the quality of working life: practice and theory of regulation in Western countries and in Russia. Moscow: Prospect; 2017. 488 p. (In Russ.) ISBN 978-5-392-25776-8
11. Averin Yury P. Change in the quality of life of the Russian population as a factor in the value structure transformation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. 2021;27(1):85–111. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-1-85-111>
12. Odintsova E.V. Realization of the labor potential of employees in the quality of their employment and the standard of living of households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(1):99–111. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111
13. Aleksandrova O.A., Toksanbayeva M.S., Yarasheva A.V. and others, ed. by Aleksandrova O.A. Employment of disabled people in the capital labor market: problems and solutions. Moscow: “Variant”; 2018. 280 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00080-098-0
14. Handbook on measuring quality of employment: a statistical framework. Prep. by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. NY: Economic Commission for Europe United Nations; 2015. 320 p.
15. Quality of employment conditions and employment relations in Europe. Dublin: Eurofound; 2013. 64 p.
16. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version. International Labour Office. Geneva: ILO; 2013. 257 p.
17. Leonidova G.V., Ivanovskaya A.L. Objective-subjective assessments of the quality of working life (on the materials of the Vologda Oblast). *Zhurnal issledovaniy po upravleniyu = Journal of management studies*. 2020;6(1):3-15. (In Russ.)

Information about the author:

Vadim I. Ryazantsev – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia (e-mail: vir220497@gmail.com) (PIHLQ Author ID: 1182013) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 08.08.2023; accepted for publication 15.08.2023

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 167.7

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_11_444_451

EDN: WZOHLN

Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (Часть II)¹

Николай Серафимович Маликов¹, Иван Федорович Маликов²

¹ Москва, Россия

² Высшая школа экономики, факультет гуманитарных наук, Москва, Россия
(ifmalikov@yandex.ru)

Аннотация

Во второй части данной статьи взаимосвязь качества населения и качества его жизни рассмотрена в аспекте жизнедеятельности в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей. На основе анализа недостатков «экономического» подхода, согласно которому потребность порождается производством, сформулировано более отвечающее современным подходам определение «потребностей», как неразрешённых противоречий (или же нарушенных соответствий) между организмом человека и окружающей его реальностью. Рассмотрены феномен интереса, как снятия диалектического противоречия между внутренним миром человека и внешней для него средой, а также как осознанной потребности. Определена роль «мотивов» в цепочке «потребности – интересы – мотивы – стимулы» к действию. Мотивы в этом взаимодействии выполняют роль внутреннего побудителя к деятельности, а стимулы (антистимулы) усиливают (ослабляют) это побуждение. Проанализирована проблематика ценностей, определённых как причина действий субъекта, его положение относительно общественно приемлемого поведения, моральных и общественно-правовых норм. Ценности рассмотрены как один из источников социального развития. Сформулирована авторская позиция, состоящая в том, что социальная политика, направленная, главным образом, на удовлетворение потребностей человека, формирует и сохраняет патерналистские и иждивенческие ожидания, тогда как политика, отвечающая интересам человека, имеет своей целью создание условий для его жизнедеятельности, направленной на обеспечение собственными усилиями личного благосостояния и, тем самым, общества в целом. Показано, что практические пути и способы реализации потребностей, интересов и ценностей человека с точки зрения общественной морали и законов моделируют ценностные ориентации, выступающие важнейшими элементами внутренней структуры личности, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни, и цели, которых они хотели бы достичь. Проведён анализ отношения государства к интересам, ценностям и потребностям граждан в СССР и Российской Федерации. Сделан вывод о том, что развертывание исследования человека от демографических процессов к анализу взаимозависимости и взаимодействия народонаселения, экономики, социальной, духовной сфер и политики позволяют определить верные пути повышения качества человека и качества его жизни.

Ключевые слова: качество населения, качество жизни населения, потребности, интересы, ценности, демография, народонаселение, уровень жизни населения

Для цитирования: Маликов Н.С., Маликов И.Ф. Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть II) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 444–451. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_11_444_451; EDN WZOHLN

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_11_444_451

EDN: WZOHLN

Life as a Vital Activity: the Relationship between the Quality of the Population and the Quality of Its Life (Part II)

Nikolai S. Malikov¹, Ivan F. Malikov²

¹ Moscow, Russia

² Higher School of Economics, Faculty of Humanities, Moscow, Russia
(ifmalikov@yandex.ru)

Abstract

In the second part of this article, the relationship between the quality of population and the quality of its life is considered in the aspect of life activity in the unity of the complex of needs, interests and values. On the basis of analyzing the shortcomings of the "economic" approach, according to which the need is generated by production, the definition of "needs", which is more consistent with modern approaches, is formulated as unresolved contradictions (or broken correspondences) between the human body and the surrounding reality. The phenomenon of interest, as the removal of dialectical contradiction between the inner world of man and the environment external to him, as well as a realized need is considered. The role of "motives" in the chain of "needs - interests - motives - stimuli" to action is defined. Motives in this interaction play the role of an internal inducement to activity, and stimulus (antistimulus) strengthen (weaken) this inducement. The problem of values, defined as the reason for the subject's actions, his position in relation to socially acceptable behavior, moral and socio-legal norms is analyzed. Values are considered as one of the sources of social development.

¹ Первую часть статьи см.: Маликов Н.С., Маликов И.Ф. Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть I) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 294–302. https://doi.org/10.52180/1999_9836_2023_19_2_12_294_302; EDN UBOTIF

The author's position is formulated, which consists in the fact that social policy, aimed mainly at meeting human needs, forms and preserves paternalistic and dependent expectations, while the policy that meets the interests of the individual, has as its goal the creation of conditions for his life activity, aimed at ensuring by his own efforts personal well-being and, thus, society as a whole. It is shown that practical ways and means of realization of human needs, interests and values from the point of view of public morality and laws model value orientations, which are the most important elements of the internal structure of personality, which people are guided by in their daily lives, and the goals they would like to achieve. The attitude of the state to the interests, values and needs of citizens in the USSR and the Russian Federation is analyzed. It is concluded that the deployment of human research from demographic processes to the analysis of interdependence and interaction of population, economy, social, spiritual spheres and politics allow us to identify the right ways to improve the quality of man and the quality of his life.

Keywords: quality of the population, quality of life, needs, interests, values, demography, population, standard of the living of the population

For citation: Malikov N.S., Malikov I.F. Life as a Vital Activity: the Relationship between the Quality of the Population and the Quality of Its Life (Part II). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):444–451. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_11_444_451

Введение

Данная статья является второй частью исследования, посвящённого качеству жизни населения, его потребностям и качеству самого населения. Вторая часть данного исследования посвящена в своей основе потребностям, стимулам и интересам человека. Объектом исследования является человек, который формирует и формулирует свои потребности, интересы и ценности. Предметом исследования – взаимосвязь ценностей, интересов, уровня жизни и стимулов, их влияние на человека и влияния человека на них. Гипотеза исследования – человек формирует потребности, интересы и ценности ровно так же, как и они формируют человека. Цель исследования – раскрыть жизнедеятельность человека в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей, определяющих его качество, а степень удовлетворённости их реализацией – качество его жизни.

Потребности, интересы, ценности

Подход к потребности как к необходимости, нужде или недостатку в чём-либо, для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом является общепризнанным. Общеизвестно, что потребность является первопричиной человеческого поведения. Однако, при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что суть и содержание потребности существенно различаются у представителей разных отраслей науки.

Часть отечественных экономистов рассматривали потребности как то, в чём нуждается человек, что ему необходимо для его жизнедеятельности, т.е. конкретные предметы, блага и услуги. Другая часть экономистов рассматривали потребности человека как нечто, что необходимо ему для жизни, а не как конкретные предметы и услуги. Потребности квалифицировались в качестве неустранимых условий жизни людей, на достижение которых и направлена их деятельность [1–4]. Среди многих экономистов было распространено и убеждение в том, что производство рождает потребности.

Современный Экономический словарь сохранил определение потребностей как нуждаемость людей в различных видах продукции, товаров, услуг, вещей, которые они стремятся иметь, потреблять и/или использовать². Из этого следует, что потребности существуют независимо от человека и формируются производством. Оно ставит в центр научного исследования «человека нуждающегося», тем самым выводя за его рамки «человека действующего». Целью социальной политики советской власти было «обучить, накормить и расселить» народ, что, сообразуясь с экономическими и демографическими возможностями, делалось относительно успешно. Такое определение потребности в советскую эпоху находилось в основе функционирования, охватывающего всё и вся Госплана СССР. Всё это противоречило классической теории марксизма, в которой утверждается, что как производство рождает потребности, так и потребности рождают производство. [5] В советском практическом мейнстриме оставалось недооценённым, каким образом появляются новые идеи, изобретения, которые по сути дела создают качественные изменения в экономике и обществе в целом?

В настоящее время всё более и более признаётся, что потребности всегда выше возможностей их удовлетворения. То есть, наука возвращается к признанию закона возвышающихся потребностей [6], когда в процессе удовлетворения конкретной потребности возникает потребность в новой, более возвышенной. В рыночной экономике именно потребности человека определяют производство, что заставляет производителей стремиться к выпуску товаров, удовлетворяющих постоянно растущие потребности людей.

В общенаучном плане потребности являются диалектическим противоречием между субъектами и объектами потребления, а также между внутренними состояниями человека и внешней средой. Как нет человека без потребности, так нет и потребностей вне его. Как ни один человек не живёт без нужды, так нет нужды вне человека. Че-

² Герд А.С. (ред.) Большой академический словарь русского языка. Том 19. Порок-Пресс. М.: Наука, 2011. 710 с.

ловеческие потребности – это потребности в утолении голода и жажды, а не в определённом виде пищи или питья. Выдающийся отечественный учёный Н.Д. Кондратьев определял потребность как состояние нарушенного соответствия или равновесия между отдельными частями организма (или их функциями) или между организмом и внешней средой и вытекающее отсюда состояние искания путей, и восстановление этого равновесия [7, с. 36]. Это утверждение в полной мере согласуется с определением сущности потребности в философии, которая рассматривает её как нужду в чём-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом [8, с. 46]. Неуклонное развитие, расширение и возвышение потребностей выступает как закономерность и основание прогресса. Удовлетворение потребностей является важнейшим мотивом жизнедеятельности, но далеко не единственным. Ещё шекспировский король Лир утверждал: «Сведи к необходимым всю жизнь, и человек сравнивается с животным.»³

Противоречие между субъектом и объектом потребления «снимается» интересами, являющимися формой выражения и способом реализации потребности. Интересы как бы находятся между человеком, как носителем потребности, и миром внешних объектов, позволяющих удовлетворять её. В переводе с латинского интерес (*inter esse*) означает «быть между». В интересе снимается диалектическое противоречие между внутренним и внешним, присущее потребности. Интерес представляет собой форму проявления и способ реализации потребности на основе разрешения противоречия между необходимым и возможным. Интересы человека детерминированы его положением в социальной структуре общества. Они формируются в его сознании и выступают основой целенаправленной, осознанной деятельности.

Экономическая наука понятие «интерес» рассматривает в качестве стимула [9]. Такой подход вполне логичен с точки зрения предметной области исследования экономических наук, претендующих на научно-методическое обеспечение управления экономикой и обществом. Вместе с тем, он даёт определённые основания для преувеличения роли внешнего воздействия на деятельность субъекта, поскольку стимул по определению включает в себя внешние факторы, а в переводе с латыни означает «палку погонщика ослов». Правильнее, на наш взгляд, выстраивать побуждения человека к действию следующим образом: потребности – интересы – мотивы – стимулы. [10,

с. 12] Мотивы в этой цепочке выполняют роль внутреннего побудителя к деятельности, а стимулы (антистимулы) лишь усиливают (ослабляют) это побуждение.

Отождествление понятий «интерес» и «стимул» создаёт определённые логические возможности для объяснения приоритетности общественных интересов над коллективными и личными, что в конечном итоге, в свою очередь, снижает или сводит к нулю значимость личных интересов для общественного и собственно социального развития.

Интересы, как осознанные потребности, заставляют человека искать пути и способы их удовлетворения в соответствии с его способностями и внешними условиями. Разнообразие людей и условий их жизни создаёт возможность выбора того или иного способа реализации своих потребностей и, тем самым, разную степень свободы жизнедеятельности человека. Чем выше качество человека и разнообразнее внешние условия, тем шире выбор, больше свободы для реализации его потребностей. В классической диалектике развитие, как рождение качественно нового, происходит в процессе реализации интересов, в которых это новое изначально заложено [11].

В отличие от потребностей и интересов, выступающих в качестве причин деятельности субъекта, ценности являются качественной характеристикой этой деятельности, отражающей её соответствие или несоответствие принятым в конкретном обществе нормам поведения. Понятие ценности было введено в научный оборот М. Вебером, который утверждал, что каждый человеческий акт предстаёт осмысленным лишь в соотношении с ценностями, в свете которых определяются нормы поведения людей и их цели [12, с. 166]. Понятие «ценность» в настоящее время широко используется в философской и социологической литературе как определение социального значения конкретных явлений и процессов действительности [13].

Ценности, выражающие интересы в духовной сфере, определяют степень социальности поведения, уважение к принятым в обществе нормам права и морали, то есть, как правило, являются характеристикой, предопределяющей поведение человека. Очевидно, что деятельность субъекта, способствующая социальному развитию, базовой целью и содержанием которого является свобода человека, свобода выбора своей деятельности, представляет собой более высокий уровень значимости этой деятельности.

Поэтому источником социального развития, как в широком, так и в более узком смысле этого понятия, являются не только материальные

³ Шекспир – Король Лир: Стих // РуСтих: [сайт]. URL: <https://rustih.ru/shekspir-korol-lir/#act2> (дата обращения: 18.06.2023).

потребности субъектов этого развития, но и их интересы, включая ценности как интересы в духовной сфере.

Потребности, интересы, ценности – каждое из этих понятий является ключевым, смыслообразующим для таких категорий как уровень жизни, качество жизни, образ жизни.

Взаимосвязь потребностей, интересов и ценностей с уровнем, качеством и образом жизни

В наиболее лаконичной форме уровень жизни есть степень удовлетворения потребностей, качество жизни – степень реализации интересов, образ жизни – поведение человека в соответствии (или несоответствии) с общепринятыми в конкретном обществе ценностями, ценностными ориентациями [14].

Также как потребности, интересы и ценности существуют в реальности лишь в диалектическом единстве, неразрывном взаимодействии, так и уровень жизни, качество жизни и образ жизни тесно взаимосвязаны между собой [15].

Основываясь на этих подходах, мы рассматриваем социальное развитие как процесс, в ходе которого происходят существенные количественные и качественные изменения в социальной сфере жизни или отдельных её компонентах – социальных отношениях, социальных институтах, социальной структуре и т.д.

В социально-экономическом плане социальное развитие рассматривается как изменение социальной структуры общества, которое проявляется, прежде всего, в изменении социально-экономического положения людей и общественных групп в сравнении с их прежним положением, а также перемену положения общественных групп относительно друг друга.

Если общие интересы создают для достижения определённых целей группу, общность, общество в целом, то ценности определяют как должны взаимодействовать между собой люди в своей жизнедеятельности. Христианские Заповеди требовали почитать своих родителей, не убивать, не прелюбодействовать, не воровать, не лгать, и т.п. (Исх. 19:10-25). Эти моральные нормы в разной мере являются общечеловеческими, широкими по своему объёму и присущими в той или иной степени каждому человеку. Они во многом почти одинаково сформулированы во всех религиях, что свидетельствует о единстве человечества и ограниченности личности каждой из цивилизаций.

В условиях относительной материальной обеспеченности, когда достаточно надёжно происходит удовлетворение базовых, витальных

потребностей и растёт уровень свободы деятельности, происходит радикальный поворот в поведении человека – доминирующими становятся не потребности выживания, а социальный интерес – жить по-человечески в человеческом обществе.

Социальная политика, направленная главным образом на удовлетворение потребностей человека, формирует и сохраняет патерналистские и иждивенческие ожидания, тогда как политика, отвечающая интересам человека, имеет своей целью создание условий для его жизнедеятельности, направленной на обеспечение собственными усилиями личного благосостояния и тем самым общества в целом. Социальная поддержка нужна слоям и группам. Одновременно происходит процесс возвышения доминирующих мотивов жизнедеятельности от собственно физиологических потребностей к интересам и ценностям, что грубовато, но убедительно было сформулировано в т.н. «пирамиде потребностей» основателя гуманистической психологии А. Маслоу [16]. На первом, нижнем уровне этой пирамиды находятся физиологические потребности в пище, одежде и жилище, на втором – промежуточном – потребности в безопасности, включая потребности в постоянном источнике средств существования, доходе, заработной плате. Сюда же Маслоу относил и сексуальные потребности, неудовлетворённость которых оказывает существенное влияние на поведение человека и делает его жизнь дискомфортной. Следующий уровень потребности – потребность в общении и любви – открывает качественно новый виток в мотивационной спирали жизнедеятельности, являясь по сути собственно главной социальной потребностью человека: жить по-человечески в человеческом обществе. Кантовский императив – «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [17]. На этом уровне по Маслоу сексуальные потребности предыдущего физиологического уровня превращаются в потребность в семье. На последующем, четвертом уровне находится потребность в самоуважении и уважении со стороны окружающих. Венчают «пирамиду» потребности в самоактуализации, заключающиеся в развитии и реализации изначально заложенного в человеке потенциала.

Маслоу определял следующие количественные зависимости, хотя и многократно подчеркивая всю их условность: если у среднестатистического человека физиологические потребности удовлетворены, например, на 85%, потребность в безопасности на 70%, то потребности в любви на 50%, в самоуважении на 40%, в самоактуализации на 10%. Если потребность А удовлетворена

только на 10%, то потребность Б может не обнаружиться вовсе. Если А удовлетворена на 25%, то Б «пробуждается» на 5%, если А на 75%, то Б на 50% и т.д. [18, с. 99].

Отсюда следует, что потребности более высокого ранга, такие как потребности в свободе, в самоуважении и самоактуализации могут вообще не быть сформированы у людей, у которых физиологические потребности или потребности в безопасности удовлетворяются на невысоком уровне, другими словами, повседневная борьба бедных и малообеспеченных за выживание, как правило, не представляет возможности для развития у них более высоких уровней потребностей.

То, что каждый последующий уровень потребностей может проявить себя лишь при определённой степени удовлетворения потребностей предыдущего уровня, чётко коррелируется с социально-экономической структурой населения. Потребности бедных главным образом направлены на выживание; малообеспеченных – на безопасность; относительно обеспеченных – на удовлетворение собственно социальной, «человеческой» потребности – потребности «по-человечески» общаться с себе подобными в семье и обществе.

Четвертая и пятая ступень пирамиды потребностей представляет собой интересы человека в нематериальной сфере, выступающие в виде ценностей, определяющих уровень социальности его поведения, соответствие этого поведения принятым в обществе нормам права и морали и являются характеристикой направленности жизнедеятельности человека, социальной общности, социума в целом.

Маслоу признавал определённую условность своей иерархии и утверждал, что все потребности существуют во взрослом человеке практически одновременно, но с разной степенью настоятельности, а также, что самоактуализироваться может и относительно бедный творческий человек как, например, голодный художник или нищий изобретатель [18, с. 97]. Действительно, небогатый человек может прожить долгую и счастливую жизнь, занимаясь любимым делом, растя детей, внуков и правнуков.

Недооценка значимости ценностей в их неотрывной связи с потребностью и интересами в 80-е годы привела к тому, что власть, уверовавшая в свою непогрешимость, перестраивала сложившуюся в советскую эпоху систему ценностей без создания условий для обеспечения потребностей и интересов человека. Так в 1983 году в годы правления Ю.В. Андропова была выпущена в продажу водка, получившая нарицательное название «Андроповка», что была на 10% дешевле самой

дешёвой на тот момент водки, и снискала достаточную популярность у населения⁴. М.С. Горбачев же начал свою антиалкогольную кампанию, которая привела не совсем к тем результатам, что ожидалась⁵. Таким же примером непонимания как работает система потребностей и интересов граждан, но уже в Российской Федерации является т.н. монетизация льгот, когда социальные гарантии попытались заменить денежным эквивалентом, что обострило некоторые социальные проблемы⁶. Признание жизни человека как высшей и абсолютной ценности впервые в истории России было закреплено лишь в современной Конституции⁷.

Реальность начальных лет новой России полтора десятилетия не давала возможность, да и желания её руководителям сформулировать основные ценности её гражданина, ограничиваясь призывами быть прагматиками. Впервые в новейшей истории страны основные ценности человека – справедливость, свобода, жизнь, семейные традиции, патриотизм – были озвучены лишь в «нулевом» десятилетии президентом Д.А. Медведевым (2008–2012), когда власть стала осознавать их принципиальную важность для устойчивого развития⁸. Приоритет в этом комплексе ценностей отдавался справедливости как равенству, тогда как лидирующая на Западе свобода заняла в нём второе место. Вновь став президентом, В.В. Путин вернул в этот комплекс труд и объявил патриотизм национальной идеей⁹.

Ценности справедливости, свободы, жизни, патриотизма имеют широкий диапазон и верифицируются, как правило, в особых условиях, тогда как ценность труда и ценность семьи являются повседневным фактором человеческой жизнедеятельности.

Конституционный запрет государственной идеологии позволил религиям в определённой степени восстановить своё ведущее место в фор-

⁴ Андропов и «андроповка». Как генсек боролся за дисциплину и культуру питья URL: https://aif.ru/society/history/andropov_i_andropovka_kak_gensek_borolsya_za_disciplinu_i_kulturu_pitiya // aif.ru: [сайт]. (дата обращения: 18.06.2023).

⁵ Известия ЦК КПСС № 1, 1989 г., «О некоторых негативных явлениях в борьбе с пьянством и алкоголизмом (информация)».

⁶ Монетизация льгот в России: десять лет спустя // «РИА Новости»: [сайт] URL: <https://ria.ru/20140822/1020935104.html> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷ Конституция Российской Федерации Раздел первый. Основные положения Глава 1. Основы конституционного строя. // kremlin.ru: [сайт]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 14.06.2023).

⁸ Медведев: Патриотическое воспитание «должно доходить до сердца» // aif.ru: [сайт]. URL: <https://aif.ru/politics/world/10509> (дата обращения: 20.06.2023).

⁹ Путин рассказал о национальной идее России // tass.ru: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (дата обращения: 20.06.2023).

мировании ценностей и ценностных ориентаций людей. Отличительными чертами русского человека всё больше стали признаваться его духовность, соборность, терпение, служение обществу и государству, которые не столько отражают особенности системы ценностей и ценностных ориентаций россиянина, сколько направлены на сохранение за церковью приоритета их формирования определения и целей его жизни.

Отсутствие государственной идеологии и должного внимания к ценностям и морали на протяжении всех тридцати пореформенных лет привело к существенной утере мировоззренческих и нравственных ориентиров, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

В результате власть, хотя и запоздало, оказалась вынужденной в обход конституционного запрета начать процесс формирования ценностей как своего рода российской цивилизационной идеологии, уникально изложив их в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400¹⁰, а затем в сложное время проведения спецоперации на Украине повторить и уточнить их в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹¹. Этот Указ относит к традиционным ценностям жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Согласно Указу, сохранение и укрепление этих ценностей должно способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского

общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации. Одной из основных задач, направлений деятельности – укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян. Согласно Указа на сохранение и укрепление этих ценностей должна быть направлена государственная политика в области образования и воспитания, работы с молодёжью, культуры, науки, международных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества. В реализации такой государственной политики участвуют федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности, и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий.

Возврат к традиционным ценностям российской цивилизации направлен на повышение качества населения и должен представлять собой новый, более высокий виток спирали диалектического развития общества.

В развитии всего комплекса потребностей, интересов и ценностей мы исходим из известного утверждения классиков, согласно которому человек творит условия своей жизни, также как условия жизни творят человека [19, с. 31]. Поэтому распространение традиционных ценностей в новых поколениях в значительной степени зависит от развития качества жизни и его динамики.

Практические пути и способы реализации потребностей, интересов и ценностей человека с точки зрения общественной морали и законов моделируют ценностные ориентации, выступающие важнейшими элементами внутренней структуры личности, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни, и цели, которых они хотели бы достичь. Эти ориентации формируются прошлым, настоящим и будущим, сохранением и созданием новых традиций.

У каждого человека существует свой уникальный комплекс ценностных ориентаций, своя структура, доминирующие в этом комплексе те или иные ориентации на материальный достаток, карьеру, власть, детей, семью и т.д. Этот комплекс подвижен, зависит от степени настоятельности тех или иных стремлений, социального положения и происхождения, образования, пола, возраста, личного опыта и т.д., а также от внешнего влияния, в первую очередь деятельности государства.

Ценностные ориентации устанавливают моральные принципы, нормы, обычаи, формы по-

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // kremlin.ru: [сайт]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.06.2023).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // kremlin.ru: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 16.06.2023).

ведения различных социальных слоёв и групп населения, обладающих общими интересами. Они вносят в деятельность этих слоёв и групп определённую организованность и достаточно стабильны в условиях относительной общей стабильности общества. Сформированные в молодости базовые ценности и ценностные ориентации сохраняются в стабильных условиях на протяжении всей жизни. Радикальные же преобразования общества приводят к трансформации ценностных ориентаций, особенно в молодом поколении.

Заключение

В центр исследования авторами поставлены человек и исторический анализ социального развития. В отличие от экономократического подхода, авторы опираются на гипотезу о комплексном влиянии демографических процессов рождаемости, смертности, миграции, семьи, отношений мужчины и женщины, поколений на качество населения и качество его жизни. Показано, что влияние экономики на поведение человека, включая собственно демографические процессы: рождаемость, смертность и миграцию, велико, но не всеобъемлюще и далеко не линейно. Авторы привлекают внимание читателя к взаимозависимости качества населения и качества его жизни. Подчёркнуто, что демографическая наука, в центре которой находится исследование населения как системы, его количества и качества, позволяет получить результаты долговременного влия-

ния демографических процессов на экономику и политику, необходимые для повышения качества населения на основе роста качества его жизни. Качество населения и качество его жизни в представленном исследовании рассматриваются во взаимодействии и взаимовлиянии.

Жизнедеятельность человека рассмотрена в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей, определяющих его качество, а степень удовлетворённости их реализацией – качество его жизни. Также были сделаны выводы относительно взаимосвязи человеческих потребностей, интересов и ценностей, подчёркнуто их диалектическое единство. В исследовании был рассмотрен процесс формирования и изменений ценностных ориентаций в Советском Союзе и далее в Российской Федерации.

Гипотезы исследования, состоящие в том, что 1) на качество населения и качество его жизни оказывают комплексное влияние демографические процессы рождаемости, смертности, миграции, семьи, отношений мужчины и женщины, взаимодействия поколений и, что 2) человек формирует потребности, интересы и ценности ровно так же, как и они формируют человека, подтверждены.

Развертывание исследования человека от демографических процессов к анализу взаимозависимости и взаимодействия народонаселения, экономики, социальной, духовной сфер и политики позволяют определить верные пути повышения качества человека и качества его жизни.

Список литературы

1. Барсегян В.О., Кульмухаметова Ф.М. Экономические потребности как системообразующий фактор // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 7–11. EDN KSCDQD
2. Ериов Д.О. Формы проявления социальных потребностей и способы их оценки // Вестник Поволжского Института Управления. 2014. № 3. С. 93–98.
3. Тренгулов И.С. Уровень и качество жизни населения в системе потребностей // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 6(87). С. 137–142.
4. Петров И.Ф. О категории "Потребность" и её значении // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 3–4(15). С. 106–107. EDN XGYUND.
5. Клинова М.А. К. Маркс и Ф. Энгельс о потребностях населения // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 1. С. 82–95. DOI <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-1-82-95>; EDN YWKEDRB.
6. В. Ракитский. Возвышения потребностей закон. Большая советская энциклопедия : в 30-ти т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1986.
7. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз. М., 2009. 348 с.
8. Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 2008. 612 с.
9. Кузнецова Т.В., Ярушева С. А. Аспекты нематериальной мотивации в управлении персоналом // Общество, экономика, управление. 2016. № 1. С. 83–86.
10. Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л.: Наука, 1997. 188 с.
11. Попова Г.В. Развитие: понятие и сущность (теоретический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 4. С. 139–148.
12. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 616 с.
13. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий ценность, ценностные ориентации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–89
14. Мстиславский П.С. Вопросы теории и методологии анализа качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 2. С. 5–17.
15. Канустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2006. 324 с.
16. Maslow A.H. Motivation and Personality. NY: Harper & Row Publishers, 1954.

17. Кант Иммануил. Основы метафизики нравственности : соч. в 6 т. Т. 4. Ч. I. М.: «Мысль». С. 211–310.
18. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
19. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология (ноябрь 1845 г. – август 1846 г.) / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения : в 39 т. Изд. 2-е. Т. 3. 626 с.

Информация об авторах:

Николай Серафимович Маликов – кандидат философских наук, доцент
Иван Федорович Маликов – студент, факультет гуманитарных наук, бакалаврская программа «философия» Высшей школы экономики, Москва, Россия
(e-mail: ifmalikov@yandex.ru)

Заявленный вклад авторов:

Маликов Н.С. – постановка проблемы, разработка концепции, сформулированные выводы.
Маликов И.Ф. – сбор и анализ источников, редакционная работа, анализ публикаций по теме.
Автор, ответственный за переписку, – Иван Федорович Маликов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Barseghyan V.O. Kulmukhametova F.M. Economic Requirements as Backbone Factor. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology, Economics*. 2019;(1):7-11. (In Russ)
2. Ershov D.O. Forms of manifestation of social needs and ways of their assessment. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2014;(3):93-98. (In Russ)
3. Trendgulov I.S. Level and quality of life of the population in the system of needs. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Samara State University*. 2011;87(6):137-142. (In Russ)
4. Petrov I.F. On the category of "Need" and its meaning. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2016;15(3-4):106-107. (In Russ)
5. Klinova M.A. K. Marx and F. Engels on the needs of the population. *Sovremennye issledovaniye sotsial'nykh problem*. 2018;10(1):82-95. DOI <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-1-82-95>
6. V. Rakitskiy. The elevation of needs is the law. *The Great Soviet Encyclopedia*. in 30 vols. 3rd ed. Moscow: The Council. encycl.; 1969 - 1986. (In Russ)
7. Kondratiev N.D. Main problems of economic statistics and dynamics. Preliminary sketch. Moscow; 2009. 348 c. (In Russ)
8. *Workbook of the Sociologist* Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka; 2008. 612 p. (In Russ)
9. Kuznetsova T.V., Yarusheva S.A. Aspects of non-material motivation in personnel management. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie = Society, Economics, Management*. 2016;(1):83-86. (In Russ)
10. Makarov M.G. Category "goal" in Marxist philosophy and critique of teleology. Leningrad: Nauka; 1997. 188 p.
11. Popova G. V. Development: the concept and essence (theoretical aspect). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009;(4):139-148. (In Russ)
12. Dugin A. G. *Philosophy of Politics*. Moscow: Arktogeia; 2004. 616 p. (In Russ)
13. Elishev S. O. Theoretical and methodological approaches to the study of the concepts of value, value orientations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. 2010;(3):74-89. (In Russ)
14. Mstislavsky P.S. Issues of theory and methodology of analyzing the quality of life. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2002;(3):5-17. (In Russ)
15. Kapustin E.I. Level, quality and lifestyle of the Russian population. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka; 2006. 324 p. (In Russ)
16. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. NY: Harper & Row Publishers; 1954.
17. Kant Immanuel. On the Basics of Moral Metaphysics Essays in six volumes. Moscow: "Thought". Vol. 4. Part I. P. 211–310. (In Russ)
18. Maslow A. *Motivation and the Person*. S-Pb: Eurasia; 1999. 479 p. (In Russ)
19. K. Marx and F. Engels. *German Ideology (November 1845 – August 1846)*. K. Marx and F. Engels. Works in 30 vols. Ed. 2th. Vol. 3. 626 p. (In Russ)

Information about the author:

Nikolai S. Malikov – PhD in Philosophy, Assistant Professor
Ivan F. Malikov – Student, Faculty of Humanities, Bachelor's program "Philosophy" of the Higher School of Economics, Moscow, Russia
(e-mail: ifmalikov@yandex.ru)

Authors' declared contribution:

Nikolai S. Malikov – problem statement, concept development, formulated conclusions.
Ivan F. Malikov. – collection and analysis of sources, editorial work, analysis of publications on the topic.
The author responsible for the correspondence is Ivan F. Malikov.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 03.08.2023; accepted for publication 15.08.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

УДК 330.8

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_12_452_456

EDN: YTRZFP

Философия хозяйства в актуальном слове

Татьяна Сергеевна Сухина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(tssmsu@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-5934>)

Аннотация

Представлен обзор выступлений на авторской конференции-презентации «Философия хозяйства в актуальном слове», посвящённой 35-летию лаборатории философии хозяйства, состоявшейся 22 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате по инициативе научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и Академией философии хозяйства. Цель конференции – обратиться к реальному опознаванию философии хозяйства: что есть философия хозяйства, зачем она, что даёт, какие имеет итоги? В конференции приняли участие учёные-гуманитарии, признающие философию хозяйства, публикующиеся в философско-хозяйственных изданиях, в журнале «Философия хозяйства».

Ключевые слова: философия хозяйства, Россия, наука, знание, человек, философия, мировоззрение, софиасофия

Для цитирования: Сухина Т.С. Философия хозяйства в актуальном слове // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. №3. С. 452–456. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_12_452_456; EDN YTRZFP

CNF (Conference proceedings)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_12_452_456

EDN: YTRZFP

Philosophy of Economy in the Actual Word

Tatiana S. Sukhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(tssmsu@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-5934>)

Abstract

The review of the author's conference-presentation "Philosophy of Economy in the Actual Word", dedicated to the 35th anniversary of The Laboratory of Philosophy of Economy, held on June 22, 2023 at the Faculty of Economics of Moscow State University in a mixed format on the initiative The Laboratory of Philosophy of Economy along with the Scientific Council "Center for Social Sciences" of the Moscow State University and the Academy of the Philosophy of Economy. The purpose of the conference is to turn to the real recognition of the philosophy of economy: what is the philosophy of economy, why is it, what does it give, what are its results? The conference was attended by scientists in the humanities who recognize the philosophy of economy, published in publications on the philosophy of economy, in the journal "Philosophy of Economics".

Keywords: philosophy of economy, Russia, science, knowledge, man, philosophy, worldview, sophiasophy

For citation: Sukhina T.S. Philosophy of Economy in the Actual Word. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):452–456. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_12_452_456

На экономическом факультете МГУ 22 июня 2023 г. состоялась авторская конференция-презентация «Философия хозяйства в актуальном слове», посвящённая 35-летию лаборатории философии хозяйства (в смешанном-формате), организованная лабораторией философии хозяйства совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и Академией философии хозяйства.

Председатель оргкомитета конференции и её ведущий д.э.н., профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель научного сове-

та «Центр общественных наук МГУ», президент Академии философии хозяйства Ю.М. Осипов отметил, что наступил момент для того, чтобы подвести кое-какие итоги в связи с юбилеем лаборатории философии хозяйства и обозначить место и значение философии хозяйства, которую никто, кроме нас столь объёмно и масштабно ни в России, ни в мире не разрабатывает:

«Определяя философию хозяйства как сложившийся в открытое целое *особенный поток гуманитарной мысли* в своей актуальной и действенной реализации, я вовсе не случайно упо-

требляю определительное словосочетание «поток гуманитарной мысли», поскольку философия хозяйства, хотя и зародилась на творческом стыке научной экономики и философии, выглядела поначалу как междисциплинарная отрасль науки, соединившая в себе экономику и философию, однако, развиваясь в ходе постижения многообразной мировой реальности всё более выходила за пределы не только собственно экономики и даже собственно философии, но и за пределы вообще науки как науки, всё более завоёвывая позицию не только не отрасли экономики и даже той же философии, а вполне себе самостоятельного и парадигмально самодостаточного *большого потока мысли*, занявшего, на мой взгляд, достойное место в ряду других больших потоков человеческой мысли, в – мифологии, философии, богословии, науке, оказавшись, таким образом, пятой в этом ряду творческой компонентой. Короче: философия хозяйства в своём развёрнутом из первичного бутона в многоцветный цветок образе совсем уже не часть какого-либо потока знаний, а, как я предпочитаю говорить, *сама-себе-поток*, разумеется, ничего из наработанного человечеством не отвергающий, даже и что-то из него эффективно использующий, но всё-таки осмелившийся выйти на собственную большую, разумеется, не разбойную, а размыслительную дорогу, не утруждая себя при этом ни заведомой ограничительной аксиоматикой, ни попыткой выработать какие-либо догматического свойства ментальные конструкции.

В превращении философии хозяйства из скромного бутона в пышный цветок сыграло неопределимую роль начатое в её лоне С.Н. Булгаковым обращение к Софии Премудрости Божией и завершённое вашим покорным слугой концептуальным единением философии хозяйства с Софией посредством перехода от булгаковской *софиологии* к нашенской *софиасофии*, превратившей саму философию хозяйства фактически в *софиасофию хозяйства*. Чтобы быть понятным, замечу, что *София* (с ударением на «и») здесь предшествует любой человеческой софии (с ударением на «о»), включая и саму философию, отчего в новом своём образе философия хозяйства выглядит, сохраняя свой уже ставший привычным представительский титул «философия хозяйства», не как всего лишь любовь к мудрости (знаменитое «любомудрие»), а как *Мудрость мудрости*, где сначала, впереди и свыше, мудрость божественная (с большой «М»), а затем уже человеческая (с малой «м»).

Если «хозяйство» философия хозяйства трактуется как *всё деятельное жизнеотправление* (динамичное и переменчивое, позитивное и негативное, утверждающее и отрицающее) человека, природы, планеты, космоса, мироздания, даже и

Господа Бога, а, обобщённо говоря, и как *творение* – Божие и от кого-либо или чего-либо частное, включая человека, то «экономика» для философии хозяйства не более чем часть человеческого жизнеотправления и его же творения, опосредуемая и ведомая идеальной субстанцией – *стоимостью*, а на явленческой поверхности деньгами, ценами и всем от них производным, отчего экономической мысли остается либо заниматься именно феноменом стоимости, с её деятельными параметрами, их движением, не покидающим голов человеческих, и их фактической ролью в хозяйственной реальности, а чем тут заниматься явно хватает – деньги, цены, капиталы, инвестиции, денежные доходы, банки, кредиты, но и всё реально-хозяйственное, что всем этим стоимостным хозяйством обуславливается. Замечу особо, что без *метафизической*, а не научно-философической, философии хозяйства, как и вообще метафизики с её трансценденностью, экономики, которая есть в основе своей сплошная метафизика, как и не менее сплошная трансценденность, не понять, что подтверждается простым доводом: экономическая наука так и не ответила ясно и определённо (что она вроде бы любит), что же есть собственно экономическое в экономике (а что, казалось бы, проще)?

В своём выступлении «Философия хозяйства: мировоззрение, метафизика, методология» д.э.н., профессор философского факультета МГУ **Н.Б. Шулевский** подчеркнул, что «исследуется уникальный феномен русского мира – философия хозяйства. Философия хозяйства является формой русского ведического мировоззрения. Его ядром служит изначальная, органическая связь двух запредельных начал – мудрости и творения. Эта связь действует посредством творческой самоорганизации, которая в контексте разума и сознания становится хозяйством.

Философия хозяйства является русской метафизикой, учением о взаимодействиях мира невидимого с миром земновидимым. Русская метафизика стремится познать Запределье, реальность, которая находится за пределами Абсолюта, но действующая внутри самих пределов, законов, норм земного мира. Русская метафизика трактует невидимый мир не только как объект, но и в качестве особого субъекта – Софии Премудрости, являясь в этом плане софийной метафизикой (софиасофией). Русская метафизика порождает не только новые знания, но и новые способности, смысловые алгоритмы, дискурсы разума и сознания, расширяет смысловые пространства истины.

Философия хозяйства является уникальной методологией – полилектикой, которая соединяет в целостность монолектику, диалектику и триалектику. Полилектика рассматривает объекты

как некие светила, испускающие смысловые лучи-вести вовне и внутрь себя. Движущей силой полилектики служат не противоречия бытия, а единоречия всех его сил. Философия хозяйства является тайным аварийным выходом из тупиков прогресса. И этот выход ищет людей, способных воспользоваться его «услугами».

Д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай, КНР) сформулировал, что определяет уникальность лаборатории философии хозяйства, созданной Ю.М. Осиповым и ставшей фундаментом для создания одноименной Академии философии хозяйства (АФХ):

«Во-первых, междисциплинарный методологический подход, который позволяет объяснять экономику не с позиций экономики, но с позиций более фундаментальной онтологии и философской перспективы.

Во-вторых, сохранение твёрдой приверженности глубокой философской рефлексии, которая распространяется на широкий круг вопросов, являющихся предметом изучения современного гуманитарного знания, и позволяет постепенно и последовательно выстраивать осмысленную картину изменяющейся реальности.

В-третьих, приверженность собственной парадигме научного знания, смысл которой постоянно уточняется и актуализируется.

В-четвёртых, сохранение и развитие АФХ как неформального сообщества исследователей и интеллектуалов, связанных общим видением широкого круга взаимосвязанных научных и социальных проблем; именно такая форма совместной научной деятельности оказывается эффективной сегодня, в условиях глубокого кризиса многих формализованных структур и объединений.

В-пятых, принципиальная «россиецентричность» Академии философии хозяйства как научного объединения – что не исключает, но предполагает формирование ею собственного оригинального и научно обоснованного взгляда на проблемы глобального масштаба».

С точки зрения д.э.н. **А.В. Кузнецова** (Финансовый университет при правительстве РФ) «главная заслуга школы философии хозяйства – в обосновании рисков утраты русской самобытности в бездумном копировании чужого, в необходимости разворота России от Запада к самой себе. Россия – это самобытная цивилизация и должна развиваться по собственным традициям и законам. По своим масштабам Россия не может быть чьим-то придатком. Россия – это равноценный партнёр и поэтому должна развивать свою финансовую систему, свою промышленность, свою культуру. Пришло время вернуть место России в мировой цивилизации, для этого нужно опи-

раться на свои собственные силы, на идеи, которые коренятся в русском генетическом коде, и которые по междисциплинарным каналам философии хозяйства проникают во все науки, чтобы восполнить тот гуманитарный вакуум, который образовывался в России на протяжении её многовекового «хождения» на техноцентричный Запад. Ментально разворот России к самой себе начался, нужно чтобы он не закончился на полпути, нельзя расхолаживаться, нужно идти дальше».

К.полит.н., профессор **С.А. Марков** отметил, что Академия философии хозяйства – это одно из наиболее стабильных сообществ в современной России, которое выдержало испытание временем и в своём выступлении представил современные тенденции, характеризующие новую реальность:

«1. Бурно развивающийся цифровой мир, в котором живут всё больше людей, лидирующие позиции в нём занимают не государства, а корпорации, это означает, что нет правового регулирования на национальном уровне.

2. Растёт значение неоплачиваемого труда, подчеркивается его ценность для личности, поскольку если труд человека в экономическом секторе является отчуждённым, то труд в неэкономическом секторе является неотчуждённым, и в этом смысле он укрепляет целостность человека, делает его счастливым.

3. Происходит распад правовой системы и правового сознания, поскольку скорость изменений зашкаливает, и право не успевает подлаживаться, формируется сверхсложная система права, в которой выигрывает не тот, кто прав, а у кого есть власть и деньги.

4. Происходит распад языка – новый язык не успевает за новой реальностью, многие реальности приходят и уходят так быстро, что не успевают получить новый язык. Кроме того, язык формируется в рамках какого-то сообщества, а сейчас происходит кластеризация общественного сознания, в социальных сетях происходит сжатие социального сознания, а в результате распад единого языкового пространства.

5. Распад социальных общностей – исчезают постоянные профессии, во всём мире исчезают профсоюзы».

В результате этих тенденций, с точки зрения С.А. Маркова, «возникает хаотизация – у людей повышается тревога, никто не верит в счастливое будущее, резкий рост нестабильности, негативности, отсюда возникает запрос на порядок, некую диктатуру. Но диктатора нет и не предвидится, потому что нет этого субъекта диктатуры. В этих условиях на роль диктатора претендует искусственный интеллект, но пока он недоразвит и непонятно, кто его контролирует».

В докладе «Философия хозяйства в становящейся новой, ноосферной парадигме взаимоотношений Человека и Природы в XXI в. (о «философско-хозяйственной революции» в системе философского знания) д.э.н., профессор директор Центра ноосферного развития СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ **А.И. Субетто** (г. Санкт-Петербург) сформулировал ряд тезисов.

«1. Прошедшие 111 лет после выхода булгаковской «Философии хозяйства» и 33 года с момента выхода «Опыта философии хозяйства» Ю.М. Осипова [1] я определяю как происходящую «философско-хозяйственную революцию» в системе философского знания и в системе научного мировоззрения.

Эта «философско-хозяйственная революция» накладывается на «вернадскианскую революцию» (Н. Полунин, Ж. Гриневальд) [2] в системе научного мировоззрения. Это наложение двух «интеллектуальных революций» XX в., сгенерированных логикой развития именно русской научной и философской мысли в России, как евразийской, общинной, самой холодной, и поэтому — с самой высокой энергетической стоимостью воспроизводства хозяйства, экономики и в целом жизни человека и общества, цивилизации и предстаёт как начавшаяся ноосферная революция не только в науке, философии, культуре и образовании, но и в системе смыслов и основ бытия человека на Земле.

2. Глобальный экологический кризис, в который зашло человечество во взаимоотношениях мирового хозяйства и Природы, а к концу XX в. Глобальная Экологическая Катастрофа, поставили Экологический Предел существующей системе хозяйствования на Земле, и возник императив выживания человечества, именно как ноосферный императив – императив перехода к ноосферной эволюции в форме научно управляемой Социо-Биосферной эволюции, результат которой – научно-образовательное общество и соответственно ноосферное хозяйство (кстати, на необходимость трансформации мирового хозяйства в ноосферное хозяйство указал, исходя из своей логики, в «Опыте философии хозяйства» в 1990 г. Ю.М. Осипов) [1].

3. Возникший императив выживания человечества (как выхода его из первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы) есть императив, предъявленный со стороны Природы Земли (как Целого) Человечеству (как Целому), как императив, требующий, чтобы оно (Человечество) стало Разумом Биосферы, научно управляющим социоприродной эволюцией.

А это в свою очередь означает, что «философия хозяйства» становится в XXI в. «ноосферной

философией хозяйства», становление которой есть момент ноосферной революции в Разуме Человечества. Ноосферная философия хозяйства в данном контексте становится важнейшим компонентом становящейся научно-мировоззренческой системы XXI в., как базиса синтеза науки и власти, т.е. обеспечения необходимого качества управления социоприродной эволюцией.

4. Данная установка на переход к ноосферному хозяйствованию человечества на Земле именно в форме управляемой социоприродной эволюции находит своё дополнительное основание в «метафизическом коммунизме мироздания» – важнейшей категории булгаковской философии хозяйства.

С.Н. Булгаков в 1912 г. обратил внимание мыслящей части человечества на то, что «возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на начальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и прежде всего предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни» [3].

«Метафизический коммунизм мироздания» в определении С.Н. Булгакова в XXI в., на фоне действия ноосферного императива – императива перехода Биосферы в Ноосферу как стратегии выживания человечества на Земле, становится своеобразной «онтологией» в форме Ноосферного Экологического Духовного Социализма и соответственно – ноосферных хозяйства и экономики [4].

5. И С.Н. Булгаков, и Ю.М. Осипов, и многие представители «школы философии хозяйства», возглавляемой Ю.М. Осиповым, развивают систему представлений о «софийности» хозяйствования на Земле. «София» ещё с древнегреческих времён предстаёт как символ мудрости, при этом «мудрость» – это глубинная форма проявления через «разумность бытия» Закона Гармонии Мира как Целого, как Супер-Организма. «Софийность» хозяйствования человека на Земле обретает ноосферное измерение. «Мудрость» как таковая только тогда обретает своё достойное оправдание применительно к человеческому разуму, когда человеческий Разум становится носителем Гармонии Ноосферы как Целого, т.е. Гармонии Биосферы в её новом качестве – как Ноосферы».

По мнению А.И. Субетто «Россия призвана возглавить Ноосферный Прорыв человечества. И на этом пути Русская Научная Школа Философии Хозяйства, «философско-хозяйственная революция в системе философского знания» – необходимый момент начавшегося Ноосферного Прорыва из России!»

Подводя итоги конференции **Ю.М. Осипов**, поблагодарил участников и заключил, «что не

только вновь зафиксирован факт наличия вполне себе сложившейся философии хозяйства и вновь обозначено её непреходящее значение как самостоятельного источника гуманитарной мысли, но и впервые философия хозяйства, обретшая, пусть, может, и версию, но всё-таки определяющую смысловую интерпретацию как софиасофия хозяйства, получила тем самым пусть ещё тоже версионный, однако очень значимый статус одного из больших потоков гуманитарной мысли наряду с мифологией, бо-

гословием, философией, наукой, при этом не отрицая ни один из этих больших потоков, наоборот, их в мере в себя вбирая, возымев возможность своего собственного большого высказывания, достаточно отличного от других, исходя не из априорной твердокаменной аксиоматики надёжно затверженных догм, а из свободного восприятия самой реальности вкупе с ирреальностью, разумеется, живо пользуясь всем достигнутым человечеством словарно-понятийным наследием».

Список литературы

1. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М., 1990. 382 с. ISBN. 5-211-00822-7
2. Полунин Н., Гриневальд Ж. Биосфера и Вернадский // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2. С. 122–126.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
4. Субетто А.И. Закон опережения прогрессом человека научно-технического прогресса // Теоретическая экономика. 2019. № 9. С. 23–49.

Информация об авторе:

Татьяна Сергеевна Сухина – научный сотрудник, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(e-mail: tssmsu@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 807966) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-5934>)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Osipov Yu.M. Opyt filosofii khozyaistva. Moscow; 1990. 382 p. (In Russ.) ISBN. 5-211-00822-7
2. Polunin N., Grineval'd Zh. Biosfera i Vernadskii. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 1993;63(2):122–126. (In Russ.)
3. Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaistva. Moscow: Nauka; 1990. 412 p. (In Russ.)
4. Subetto A.I. Zakon operezheniya progressom cheloveka nauchno-tehnicheskogo progressa. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economy*. 2019;(9):23–49. (In Russ.)

Information about the author:

Tatiana S. Sukhina – researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(e-mail: tssmsu@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 807966) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-5934>)
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.08.2023; accepted for publication 15.08.2023

ПЕРСОНАЛИИ

Персоналии

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_13_457_459

EDN: XWBSNP

Мудрый поэт, патриот и гражданин великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова)

Патимат Расуловна Гамзатова

Москва, Россия

(patimat@yandex.ru)

Для цитирования: Гамзатова П.Р. Мудрый поэт, патриот и гражданин великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. №3. С. 457–459. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_13_457_459; EDN XWBSNP

PER (Personalities)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_13_457_459

EDN: XWBSNP

Wise Poet, Patriot and Citizen of a Great Country (commemorating the 100th anniversary of Rasul Gamzatov's birth)

Patimat R. Gamzatova

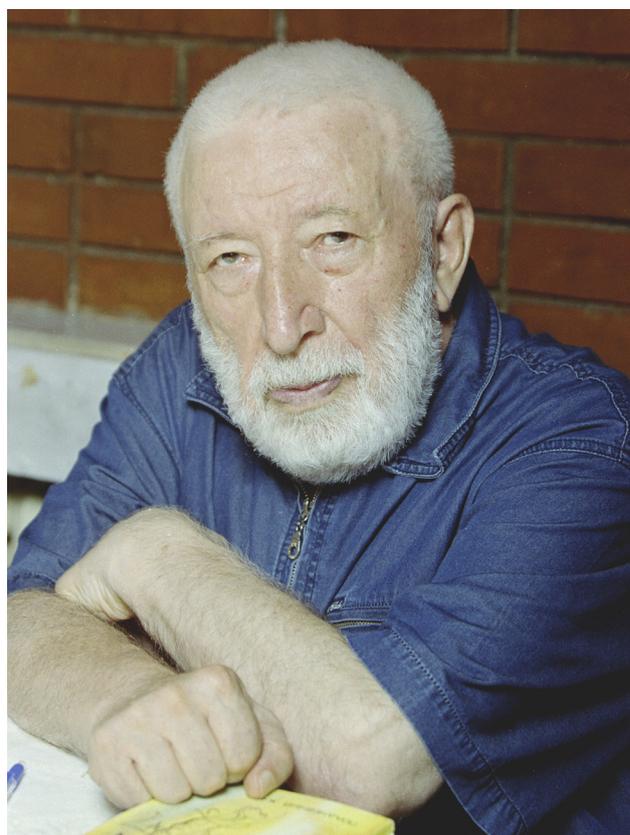
Moscow, Russia

(patimat@yandex.ru)

For citation: Gamzatova P.R. Wise Poet, Patriot and Citizen of a Great Country (commemorating the 100th anniversary of Rasul Gamzatov's birth). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):457-459. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_12_457_459

Расул Гамзатович Гамзатов родился 8 сентября 1923 года в селении Цада Хунзахского района Дагестана. В этом году ему исполнилось бы 100 лет. 2023 год отмечается в России как год Расула Гамзатова. Его отец, народный поэт Дагестана, лауреат Государственной премии СССР Гамзат Цадаса (1877–1951), был высокообразованным человеком. Он стал первым учителем и наставником Расула Гамзатова в поэтическом искусстве. В детстве Расул любил слушать отцовские стихи и рассказы о знаменитом Шамиле, о его храбром наибе Хаджи-Мурате, о легендарных Хочбаре и Камалиль Башире. Так он впитывал фольклор и культуру страны гор.

Расул Гамзатов начал писать в возрасте 9 лет, а когда он учился в 7-м классе, его стихотворение было опубликовано в аварской газете «Большевик гор». Потом его стихи стали появляться и в районной газете, в газете города Буйнакска и в республиканской – «Большевик гор». После окончания Аварского педагогического училища в городе Буйнакске он работал учителем, помощником режиссёра Аварского государственного театра, заведующим отделом и собственным корреспондентом газеты «Большевик гор», редактором передач Дагестанского радиокомитета на аварском языке. Первый сборник стихов Расула Гамзатова «Горячая любовь и жгучая ненависть» вышел на аварском языке в 1943 году. Когда

Расулу Гамзатову было 20 лет, он стал членом Союза писателей СССР, а с 1951 года до конца своей жизни он возглавлял Союз писателей Дагестана.

В 1945 году Расул Гамзатов поступил в Литературный институт имени А.М. Горького. К этому моменту уже были опубликованы его сборники стихов на аварском языке и переведённая Ильей Сельвинским на русский язык поэма «Дети Краснодона». Москва и Литературный институт открыли ему путь в большой мир русской и мировой литературы. В 1947 году вышла первая книга его стихов на русском языке. С тех пор на аварском и русском языках, на языках народов Дагестана, Кавказа и мира были опубликованы десятки его поэтических, прозаических и публицистических произведений: «Наши горы» (1947), «Земля моя» (1948), «Год моего рождения», «Родина горца» (1950), «Слово о старшем брате» (1952), «Дагестанская весна» (1955), «В горах моё сердце» (1959), «Горянка» (1958), «Высокие звёзды» (1962), «Зарема» (1963), «Письмена» (1963), «И звезда с звездою говорит» (1964), «Мулатка» (1966), «Третий час», «Берегите друзей», «Журавли», «Клинок и роза», «Граница», «Книга о любви», «У очага», «Последняя цена», «Сказания», «Чётки лет», «Остров Женщин», «Колесо жизни», «О бурных днях Кавказа», «Полдненный жар», «Персидские стихи», «Таинственность», «Мой Дагестан» (1968), «Две шали», «Суди меня по кодексу любви», «Сонеты», «Конституция горца», «Завещание», «Молитва» и многие другие. Высоко ценил творчество Расула Гамзатова поэт Роберт Рождественский: «Поэт он огромный, сделавший знаменитым и Дагестан, и аварский язык, и свои горы. Сердце его мудрое, щедрое, живое. Я видел его во многих выступлениях, где он оставался гражданином, мудрецом, шутником. С врагами он сражался без жалости, бил их мудростью. Поэт он не только дагестанский, но и русский поэт. Его всегда называют в числе любимых поэтов».

Стихи и поэмы Расула Гамзатова переводили на русский язык его друзья-поэты: Яков Козловский, Наум Гребнев, Яков Хелемский, Владимир Солоухин, Елена Николаевская, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Ирина Снегова, Илья Сельвинский, Сергей Городецкий, Семён Липкин, Юлия Нейман, Юнна Мориц, Марина Ахмедова-Колубакина. Расул Гамзатов и сам был прекрасным переводчиком на аварский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Блока, Маяковского, Есенина, арабско-го поэта Абдула Азиза Ходжи и др.

Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями таких известных композиторов, как Я. Френкель, Д. Кабалевский, А. Экимян, М. Блантер, Э. Колмановский, П. Аедоницкий, П. Бюль-Бюль-оглы,

Р. Паулс, А. Пахмутова, Ю. Антонов, Г. Гасанов, С. Агабабов, М. Кажлаев, Ш. Чалаев, Н. Дагиров, М. Касумов, А. Цурмилов и др. Самой известной песней стали легендарные «Журавли», исполненные Марком Бернесом (музыка Яна Френкеля, перевод на русский язык Наума Гребнева). Исполнителями песен на стихи Расула Гамзатова были известные вокалисты: Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Анна Герман, Дмитрий Хворостовский, Валерий Леонтьев, Сергей Захаров, София Ротару, Рашид Бейбутов, Вахтанг Кикабидзе, Дмитрий Гнатюк, Муи Гасанова, Магомедтамир Синдигов, Магомед Омаров, Шагав Абдурахманов и др.

По произведениям Расула Гамзатова в Ленинградском театре оперы и балета был поставлен балет «Горянка», в Петербургском Большом театре комедии осуществлена постановка спектакля «Мой Дагестан», а на сцене Аварского музыкального драматического театра имени Г. Цадасы – спектакли: «В горах моё сердце», «Берегите матерей», «Горянка» и др. Пьесу «Горянка» ставили многие театры СССР. По произведениям Расула Гамзатова выпущены художественные фильмы «Горянка» и «Сказание о храбром Хочбаре».

За выдающиеся достижения в области литературы Расул Гамзатов отмечен многими почётными званиями и премиями. Расул Гамзатович Гамзатов – народный поэт Дагестана – Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской, Государственных премий СССР и РСФСР, лауреат международных премий «Лучший поэт XX века», писателей Азии и Африки «Лотос», Джавахарлала Неру, Фирдоуси, Христо Ботева, премий имени М. Шолохова, М. Лермонтова, А. Фадеева, Батырая, Махмуда, С. Стальского, Г. Цадасы и др. Расул Гамзатов – действительный член Петровской академии наук и искусств России. Расул Гамзатович награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством», Петра Великого, болгарским орденом Кирилла и Мефодия, грузинским орденом «Золотое Руно», многими медалями.

Расул Гамзатов неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Дагестанской АССР, заместителем Председателя Верховного Совета ДАССР, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР. Несколько десятилетий участвовал в качестве делегата в работе съездов писателей Дагестана, РСФСР и СССР, был членом Бюро солидарности писателей стран Азии и Африки, членом Комитета по Ленинской и Государственной премиям СССР, членом правления Советского комитета защиты мира, заместителем

председателя Советского комитета солидарности народов Азии и Африки, активно участвовал в работе редколлегии журналов «Новый мир», «Дружба народов», газет «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. В 2016 году был принят новый Государственный гимн республики Дагестан на слова Расула Гамзатова и музыку Мурада Кажлаева.

Расул Гамзатович Гамзатов ушёл из жизни в 2003 г. Но его поэзия пленяет и сегодня читателей нашей страны и всего мира, в памяти которых

Расул Гамзатов – мудрый поэт, патриот и гражданин великой страны, певец дружбы и любви.

От себя лично хотелось бы выразить благодарность редакции журнала «Уровень жизни населения регионов России» за интерес к творчеству моего отца и за публикацию материалов о нём.

При работе над настоящей юбилейной статьёй мной использованы некоторые материалы сайта <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/gamzatov/>.

Информация об авторе:

Патимат Расуловна Гамзатова – кандидат искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, независимый исследователь, Москва, Россия

(e-mail: patimat@yandex.ru) (РИНЦ Author ID:180377)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; принята к публикации 15.08.2023.

Information about the author:

Patimat R. Gamzatova – PhD in History of Arts, corresponding member of the Russian Academy of Arts, Independent Researcher, Moscow, Russia

(e-mail: patimat@yandex.ru) (РИНЦ Author ID:180377)

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.06.2023; accepted for publication 15.08.2023

Разное
DOI:
10.52180/1999-9836_2023_19_3_14_460_461
EDN: ABZJJN

Если ты кунак...

MIS (Miscellaneous)
DOI:
10.52180/1999-9836_2023_19_3_14_460_461
EDN: ABZJJN

If You Are My Truest Friend, My Dear

Слова Расула Гамзатова,
музыка Г.Г. Мачхеляна

Если ты кунак, то мой порог
Ждёт тебя, сдувая облака.
Если ты от жажды изнемог,
То моя река – твоя река.
Если даже на дворе черном,
Встречу сам, подай лишь только знак.
Вот мой хлеб, вот розы, вот вино.
Всё, чем я богат – твоё, кунак.

Холодно, – сядь ближе к очагу,
Я получше разожгу кизяк.
Голодно, – не сетуй, помогу,
Полям поделюсь с тобой, кунак.
Если станешь таять, как свеча,
Проклиная рану иль недуг,
Я успею привезти врача –
Кровь моя твоею станет, друг.

Если страшно, мой возьми кинжал
И носи, повесив на боку.
Если ты, кунак, затосковал,
Станем вместе разгонять тоску.
Пал скакун – вот мой под чеприком,
Мчись, скачи, – и самым хмурым днём
Оставайся верным кунаком,
Будь я на коне иль под конём.
Будь я на коне иль под конём.
Будь я на коне иль под конём.

Lyrics by Rasul Gamzatov,¹
Music by G G Machkhelyan

If you are my truest friend, my dear,
Home will mine await you every time.
Thirsty awful are you, it is clear
Welcome are you to th'river of mine.
If the night pitch dark is out-of-doors,
I shall come, you let me only know,
Here are flowers, bread you want – all yours.
Need my riches, take them, that is so.

Cold you are take seat close to my hearth,
I shall light it better up for you.
Should you hunger feel, with all my heart
I shall share my field and all with you.
Should you waste away and lose your strength,
Cursing wound or sickness follow you,
I shall send for you the doctor, friend,
Blood, if needed, I shall give for you.

Here's my dagger, if you're smitten with fear
You must wear it on either side.
Should you ever anguish feel, my dear,
We will make it drive away and smite.
If you jumper died – lark! here's mine:
Go the pace, gallop and truthful be
Were the day both gloomy or so bright
Or whatever fate my ever be.
Or whatever fate my ever be.
Or whatever fate my ever be.

¹ Translated into English by Garry G Machkhelyan

Если ты кунак...

Слова Расула Гамзатова

Музыка Г.Г.Мачхеляна

Am Dm⁶/A Am

Ес - ли ты ку-нак, то мой по - ро - г

5 Am Dm⁷ C F F⁷ E^bmaj⁷ A⁷

ждёт те-бя, сду-ва - я об-ла - ка. Ес - ли ты от жаж-ды из - не - мог,

9 Dm⁷ G⁷(b⁹) C C⁷maj⁷ F C⁷ F⁷maj⁷ F⁶

то мо-я ре-ка - тво-я ре - ка. Ес - ли да-же на дво-ре чер - но,

13 F C⁷(b⁹) F⁷(add⁹) F⁷(b⁹) B^b B^b⁷ A^bmaj⁷ D⁷

встре-чу сам, по - дай лишь толь-ко знак. Вот мой хлеб, вот ро - зы, вот ви - но,

17 Gm⁷ C⁷(b⁹) ^{1.} F Dm⁷ E⁷ Am Am

всё, чем я бо-гат-тво-ё, ку - нак.

^{2.} F Dm⁷ Gm⁷ C⁷(b⁹) F Dm⁷ Gm⁷ rit. C⁷(b⁹) F

нём. Будь я на ко-не иль под ко - нём. Будь я на ко - не иль под ко - нём.